

Клара Коваль

Мозаика

Сборник рассказов о полюбившихся персонажах

16+

Клара Коваль

Мозаика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51678198

SelfPub; 2020

Аннотация

О героинях и героях книг и сериалов, любимых и не очень...
Но, безусловно, неординарных.

Об Анне де Бейль , ее возлюбленных и мужьях, о ее служанке и о ее сыне. «Три мушкетера» Александр Дюма.

Ангел.

Матье не мог оторвать от нее глаз.

Впрочем, на нее смотрели все, у кого только была такая возможность. Что же до тех, кто этой возможности был лишен, то они толпились у ворот тюрьмы, расспрашивали о ней охрану и их голоса – злобные и негодующие, доносились даже сюда...

В коридоре слышались шаги. Затем дверь распахнулась и в комнату вошел его отец. Тоже злой и исполненный негодования, как и собравшиеся за воротами горожане.

– Гнусная тварь! – прошипел он сквозь зубы. – Ведьма! Суврательница!

Матье побледнел. Эти жестокие слова не могли относиться к Ней. Никак не могли!

– Отец, неужели Вы думаете, что она виновна?

– Виновна? – переспросил отец и тут же ответил: – Да!

Виновна, как сам дьявол!

Матье посмотрел во двор. Девушки там уже не было, но все же... Все же она по прежнему стояла перед ним. Юная девушка, с распущенными по плечам волосами и с глазами, полными ужаса и отчаяния.

"Это все ложь! – подумал он. – Это не может быть правдой! Ведь она... Она так молода, так невинна. И к тому же..."

– Она прекрасна! – прошептал Матье. – Прекрасна, как ангел божий!

Клеймо.

Этот дом находился на излучине реки, в ста шагах от парома. Вокруг него высилась живая изгородь, в два-три фута высотой, неухоженная и необразно времени года, уже пожелтевшая. Сам дом – и снаружи и внутри – выглядел не лучше. Его прежние владельцы появлялись в нем довольно редко, да и нынешние тоже явно не собирались в нем задерживаться..

Высокий мужчина, с бледным лицом, черными волосами и черной бородой, поправил на себе плащ и огляделся по сторонам. Его взгляд скользнул по убогой обстановке и снова остановился на ней... владелице или, лучше сказать, обитательнице этого дома. Сейчас она лежала у пылающего оча-

га, без сознания и связанная по рукам и ногам.

Мужчина прислушался. Ее дыхание стало более частым и глубоким, веки дрогнули.

– Вы очнулись? – спросил он.

Вместо ответа послышался слабый стон. Молодая девушка приоткрыла глаза и сразу же их закрыла. Мужчина наклонился над ней.

– Вы меня слышите? – поинтересовался он.

– Кто... Вы? – голос девушки прозвучал еле слышно. – Где – Матье?

– Он не придет.

– По... чему? – она побледнела и задрожала, словно предугадывала ответ.

– Сейчас он объясняется со своим отцом. – мужчина одним рывком оторвал ее от пола и усадил возле стены. – А так как объяснять ему придется слишком много... То могу сказать, он никогда не придет.

Молодая девушка вскрикнула от ужаса.

– Как вы нашли меня? – спросила она. – Неужели это Матье сказал где я?

– Вот именно, сударыня. – мужчина усмехнулся. – Ваш нынешний любовник не слишком-то храбр... Стоило только отцу за него взяться и он сразу все рассказал: и где вы припрятали украденные деньги, что вся семья Матье копила пятнадцать лет и о ваших дальнейших планах и, разумеется, о том, где вы сейчас пребываете.

Девушка вновь вскрикнула, но уже не от ужаса, а от отчаяния. Мужчина смотрел на нее, чуть прищутив темные глаза. Бледное лицо, с тонкими чертами и белокурые волосы, рассыпавшиеся по плечам, делали эту девушку похожей на ангела, юного и непорочного... Он горько усмехнулся.

– Отец Матье не стал сообщать властям где вы находитесь. – продолжал мужчина. – Его семья и так достаточно настрадалась по вашей милости. Тем более, он не хочет, чтобы и его сын по той же причине оказался под судом.

– Но что тогда он хочет? – девушка слабо дернулась в своих путах. – Зачем он прислал вас?

– Я пришел сюда не по его желанию. – ответил мужчина. – А по своему. Вы тоже должны мне кое-что, сударыня.

– Но я вас совсем не знаю!

– Зато вы знаете моего брата. Жеана.

Девушка дернулась сильнее.

– Значит, вы пришли от него? – спросила она. – Но зачем тогда вы меня оглушили и связали?

– Затем, что хочу избавить себя от лишних хлопот. – ответил мужчина с той же горькой усмешкой.

– Хлопот?

– Я не хочу, чтобы вы сопротивлялись.

– То есть, вы пришли, чтобы... – голос девушки дрогнул и оборвался.

Мужчина бросил на нее презрительный взгляд, затем выпрямился и сложил руки на груди.

– Не беспокойтесь, сударыня, – проговорил он. – Я не на-

мерен покушаться на вашу добродетель, пусть даже дважды утраченную.

– Тогда что вам нужно? – вспыхнула девушка.

– Мне нужно восстановить справедливость. – ответил мужчина. – Ради семьи Матье, которую вы обесчестили и обобрали, а так же ради моего брата и меня самого.

– Вы не имеете права меня судить!

– Верно, сударыня. Я не имею право судить, но в мои обязанности входит осуществлять приговоры.

– Вы – палач?

– Да. – невозмутимо подтвердил мужчина. – И я здесь, чтобы исполнить приговор над вами, Шарлотта Баксон. Или мне лучше называть вас – сестра Анна, потому что вы монахиня? Пусть беглая, но все же ваш обет остается в силе, не так ли?

– Если даже это так, если вы служите правосудию, то вы должны отвести меня в суд! – крикнула девушка. – Меня не судили и приговор мне не вынесли!

– Суд уже состоялся, сударыня. – заметил палач. – Над моим братом. Из-за вас его осудили, как вора. А вы были его сообщницей.

– Но я ничего не украла!

– У моего брата вы украли жизнь и доброе имя. – возразил мужчина. – И у меня вы украли не меньше. Ведь мне, как служителю правосудия, пришлось исполнять приговор суда. Вы знаете, что пришлось мне сделать, сударыня? Вы знаете?

Девушка снова забилась в своих путах, силясь вырваться, но эта ее попытка, как и предыдущие, была такой же тщетной.

– Отпустите меня! – взмолилась она. – Я не виновна! Я ничего не сделала!

– Не сделали? Вы – подговорили моего брата украсть имущество церкви, вы – не дожидаясь суда сбежали из тюрьмы, вместе с сыном вашего тюремщика, юношей, который ради вас украл деньги у своей семьи, вы – нарушили священные обеты, что дали не людям, но Господу нашему, и вы уверяете – что ничего не сделали?

Девушка в ужасе прижалась к стене.

– Обет я дала не по своей воле. – сказала она. – Меня заставили! Мои родные отказались от меня... А я была тогда еще ребенком.

Мужчина шагнул к ней, в ярости сжимая кулаки.

– Значит поэтому вы толкнули моего брата на преступление? – спросил он. – Значит, это из-за ваших родных вы убежали из тюрьмы с Матье, бросив в ней Жеана, чтобы он отвечал за преступление, которое совершил из-за вас?

– Но я не могла ему помочь!

– Вы были его сообщницей. – мужчина разжал кулаки. – Вы клялись моему брату разделить с ним его участь... Верно?

– Вы не можете этого знать!

– Мой брат сам сказал мне об этом. – лицо палача резко дернулось. – Он-то любит вас и верит вашему слову. Что ж, я заставлю вас его исполнить.

– Вы отправите меня обратно в тюрьму?

– Недавно вы сами изъявляли такое желание, сударыня. Когда думали, что я пришел убить вас... Или обесчестить.

– Негодяй! Ничтожество!

– Возможно. – мужчина отвернулся и устремил взгляд на огонь. – Если я приведу вас обратно в Лилль и отправлю под суд, то мой брат никогда мне этого не простит. Сейчас он думает, что вы любите его и ищите средства и возможность ему помочь. Ему и в голову не приходит, что вы о нем уже успели позабыть и у вас только одно намерение, уехать отсюда подальше с вашим новым любовником, с Матье!

– Так что вы намерены делать? – прервала его девушка.

Палач провел рукой по лбу и обернулся к ней.

– Я сделаю, то что сказал. Вы разделите участь моего брата.

– Вы хотите заставить меня по собственной воле отправиться в тюрьму?

– По собственной воле – вы туда не отправитесь. Не так я глуп, чтобы в это поверить, мадемуазель Баксон.

– Так что же вы хотите?

Мужчина бросил на нее мрачный взгляд.

– Моего брата я заклеимил, как вора. – проговорил он. – Вы получите тоже клеймо.

– Но я не воровка!

– Конечно. – палач стиснул зубы. – Вы во сто крат хуже! Вы – гнусная тварь, без чести и совести, которая толкает других на преступления, а сама остается в стороне. Я выжгу вам клеймо, и еще добавлю от себя двадцать ударов плетью, как уличной девке!

– Нет, не надо! Прошу вас, нет!

Мужчина не ответил. Он протянул руку к очагу и вытащил раскаленные щипцы. Увидев их, девушка в полуобморочном состоянии соскользнула на пол.

– Да свершится правосудие! – воскликнул палач.

Вскоре из этого маленького и унылого дома слышались дикие, иступленные крики. Они долго не смолкали, а когда все же, через какое-то время стихли, из дома, наконец, вы-

шел мужчина в красном плаще и с мешком на плече. Даже не оглянувшись назад, он быстро пошел прочь, вытирая лицо и бормоча не то молитвы, не то проклятия. А в доме, у горящего очага, осталась лежать в беспмятстве девушка, уже совершенно не похожая на ангела: избитая в кровь и полураздетая, с выжженной лилией на плече.

В Берри.

За окном сгущались сумерки. Молодая девушка со вздохом отложила в сторону книгу, поднялась и прошлась по комнате. Ее взгляд снова остановился на окне. "Уже поздно, – подумала она. – А его до сих пор нет! Что же могло произойти? Неужели нас все же выследили? Нет! Нет! Только не это!"

Девушка закрыла глаза, пытаясь успокоиться. В ту же самую минуту послышался скрип открываемой двери и звук знакомых шагов – похоже, тот кого она ожидала, с таким нетерпением, вернулся целым и невредимым... Она кинулась к нему навстречу.

– Наконец-то, ты вернулся! – проговорила девушка. – А я думала... Не случилось ли чего?

Новоприбывший, мужчина в одеянии католического священника, отрицательно покачал головой.

– Все в порядке, моя дорогая, – заверил он. – Просто я задержался в церкви. Дела, знаешь ли.

– Но ты обещал вернуться пораньше!

– Я и вернулся бы... Если бы не здешняя патронесса.

– Патронесса?

– Да, представь себе. Графиня де ла Фер. Удивительно милая и весьма настойчивая дама.

– Вот как?! – вспыхнула девушка. – Значит, она очень милая? Да еще и настойчивая? И на чем же она настаивала – скажи на милость?

– Анна!

– Не смей говорить мне о другой, слышишь? Не смей говорить, что она милая! Я этого не потерплю!

– Но, дорогая моя, ты надеюсь позволишь мне сказать, что этой... м-м... даме – уже под шестьдесят?

– Жеан! Ты просто негодяй! – воскликнула девушка и за-

смеялась.

Священник тоже повеселел: улыбнулся и взял ее за руку.

– Прости меня, – сказал он. – Но ты выглядела такой напуганной и такой подавленной, что я решил...

– Решил меня таким способом повеселить?

– Ну... Да.

– Спасибо большое! А теперь все же расскажи, что от тебя потребовалось этой милой и настойчивой старой ведьме?

– А что, как ты думаешь, требуют старые греховодницы? Все тоже самое, что обычно. Ну, а эта вдобавок, вцепилась в меня, чтобы поведать о сборах урожая и фамильных связях. Ужас, да и только! Я просто не знал куда от нее деваться.

– Тебе следовало рассказать о моей болезни и бежать сюда!

– Бежать? Да ведь эта дама вполне была в состоянии увязаться за мной. И, кстати, Анна, она выразила желание тебя увидеть, на следующей службе.

– Как мило с ее стороны! Что же ей нужно от меня?

– Думаю, ничего. Ее просто гложет любопытство увидеть новое лицо. Насколько я могу судить, графиня изнывает тут от скуки, да к тому же она очень мало довольна своим сыном.

– Сыном? – Анна нахмурилась. – Ах, да! Ты имеешь в виду молодого графа?

– Молодого? – переспросил ее священник. – Что ты, Анна? С чего ты взяла, что он молодой?

– Ну... Так про него все говорят.

– Все? Кто?

– Да мало ли кто? Та же наша служанка, мадам Одетта.

– Ничего себе, нашла молодого! Этому молодому уже двадцать пять лет исполнилось, месяц назад!

Анна изумленно посмотрела на своего собеседника.

– Двадцать пять? – повторила она. – Так много? Но почему его тогда называют молодым?

– Скорей всего, по привычке. Старый граф умер два года назад. А этот... Его единственный наследник, к тому же неженатый.

– Неженатый? До сих пор?

– Представь себе, милая. Что поделать – граф, человек с большими странностями и здешние дворяне воспринимают его странности весьма неодобрительно.

– И что это за странности?

– Ну, например, он выписывает книги из Италии. Да еще их читает!

– А разве это плохо?

– Думаю, что да, если речь идет о количестве. К тому же следует думать о том, что читаешь. Как тебе понравится, милая Анна, десять лет назад этот книголюб взял и воспылал любовью к статуе языческой богини, которую его отец привез из той же Италии и поставил в своем саду.

– Жеан... То есть, Жозеф, ты шутишь?

– Увы, нет! Подумать только, дорогая, он проводил воз-

ле этой статуи дни и ночи, мечтая, что она оживет. Старый граф решил, что его сын сошел с ума и сам заболел от горя. Вместе с графиней. Тогдашний священник еле смог его образумить. Объяснил этому любителю книг, что он грешит, поддаваясь языческим суевериям и того гляди погубит свою бессмертную душу. Молодой человек вроде опомнился, но, к сожалению, читать не перестал. Да и история эта получила огласку и очень ему повредила.

– Чем же она ему повредила?

– Хотя бы тем, что после этой истории брат графа разорвал с ним помолвку своей дочери. Не стал рисковать ее будущим и выдал за другого, не смотря на то, что девушка вроде была равнодушна к своему кузену и жениху. Но ты сама понимаешь, милая Анна, что связаться с таким человеком очень рискованно. Если он способен влюбиться в камень, то что еще от него ожидать?

– Ну... – Анна снова засмеялась и кокетливо покачала головой. – В следующий раз, он чего доброго влюбится в змею, которая под камнем лежит и будет ждать когда она сбросит кожу и превратится в очередную языческую богиню.

– Да, пожалуй. С него станется. – священник улыбнулся

ей опять. – Но, как бы там не было, я все же рад, что мы имеем дело с такими глупцами. С другими было бы сложнее.

– Почему ты так думаешь?

– Не нравятся мне наши бумаги, моя милая, – священник перестал улыбаться и выпустил руки девушки из своих рук. – Да и церковь не самое лучшее для нас место.

– Но разве ты не говорил, что искать в ней нас будут в последнюю очередь?

– Верно. Я другого боюсь... – священник запнулся и побледнел. Девушка побледнела тоже.

– Так чего же ты боишься? – спросила она.

– Случайностей. – тихо ответил тот. – Случайностей, дорогая. Что если сюда приедет какой-нибудь монах, который знает настоящего отца Жозефа? Что будет, если кто-то из здешних повес начнет домогаться твоей благосклонности, а его родня решит вмешаться и напишет епископу, чтобы меня перевели в другой приход? Да мало ли что еще может случиться!

– Знаешь, Жеан, с монахами ты разбирайся сам! – вспых-

нула девушка. – А что касается поклонников, то можешь не беспокоиться, я их всех поставлю на место!

– Анна!

– Что – тебе?

– Прошу тебя, не сердись! И не расстраивайся так. Я не хотел сказать ничего обидного. Просто ты такая красавица... Что не один мужчина не сможет быть к тебе равнодушным.

– Жеан, не один из этих мужчин, или повес, как ты говоришь, не захочет на мне жениться! – с горечью и возмущением воскликнула Анна. – Ведь кроме красоты у меня нет ничего! Ничего!

– Анна, ты сама сокровище, – священник снова взял ее руки, поднес к губам и поцеловал.

– Только для тебя, – проговорила девушка. – Только для тебя одного. О, Жеан... Сколько же это еще будет продолжаться? Сколько нам еще скрываться и прятаться?

– Недолго, любимая, – священник прижал ее ладони к своему лицу. – Скоро мы уедем из Берри и из Франции. Туда, где нас никто не знает и где нас не будут искать. Мы будем

богаты и счастливы, поверь мне!

– Я верю. – девушка прижалась к нему и закрыла глаза.

Какое то время им было не до разговоров. Потом Анна оторвалась от своего любимого.

– Подожди, – проговорила она. – Что ты говорил по поводу завтрашней службы?

– Я обещал, что ты придешь, если почувствуешь себя лучше...

– А если – нет?

– Анна!

– Если я так и не почувствую себя хорошо? – девушка капризно надула губы. – Ах, дорогой мой, неужели это так необходимо? Встретаться с какой-то старой ведьмой и с помешанным книгочеем!

– Придется с ними встретиться, милая, – вздохнул священник. – Что поделаешь! Ведь этот помешанный – полновластный хозяин этих мест и не следует оказывать ему неуважение. Да и его матушка все же очень ми... Хорошая жен-

щина.

– На хороших женщин я и в монастыре насмотрелась, – поморщилась Анна.

– Понимаю, моя дорогая. Но тебе надо пойти.

– Только ради тебя, Жеан. – заверила его девушка. – Но я уверена, ты еще очень пожалеешь, о том что настоял на этом!

Священник улыбнулся. Однако улыбки Анна не увидела. Потому что за окном и в комнате уже стало окончательно темно.

Ничего не случится.

Ничего не случится. Разве что она опять промочит ноги в осенних лужах, разве что молодые девушки из знатных семей при ее появлении опять скривят губы и во время проповеди будут упорно изучать свои молитвенники, а он... Заметит ли он сегодня ее появление? Или нет?

Она поднимает голову и смотрит на него. Он здесь, рядом, такой прекрасный, такой благородный и ей кажется, что прямо сейчас он подойдет к ней, улыбнется и тогда... Что тогда? Неужели такое возможно? Нет! Он не только прекрасен и благороден. Он так же принадлежит к богатой и знатной семье и в один прекрасный день он уйдет отсюда под руку

с одной из этих девушек. Одна из них, в самое ближайшее время, станет его женой, а она...

Она будет уже далеко. Она будет с другим, которому уже принадлежит и она все забудет. Она забудет, как спешила увидеть его, не взирая на холод и дождь, забудет, как при одном его появлении неистово билось ее сердце, она забудет его лицо, его глаза, его улыбку. А пока... Пока она снова смотрит на него. И верит, что ничего не случится.

Предложение.

Служба закончилась рано. Церковь быстро опустела, в ней остались только молодой мужчина, по виду дворянин, и сам священник. Последний тоже был еще молод, но в отличии от дворянина отнюдь не выглядел таковым: худой и бледный, с рано поседевшими волосами, он производил впечатление зрелого человека. Впрочем, для священника это было достоинством, а не недостатком.

– Отец Жозеф, вы можете уделить мне время? – спросил его молодой дворянин. – Это очень важно для меня... И вашей сестры.

– Для моей сестры? – священник оглядел его с каким-то недоумением.

– Да.

– И что же, ваше сиятельство, должно быть столь важным для моей сестры, девушки очень скромного положения, и вас, одного из самых знатных и богатых дворян в Берри?

Его собеседник слегка покраснел.

– Именно об этом я и хотел поговорить с вами. С недавнего времени я люблю мадемуазель Анну. И полагаю, вы должны знать о моих чувствах.

Недоумение священника стало еще более явным.

– Вы полагаете?

– Отец Жозеф, – с достоинством произнес молодой дворянин. – У меня и в мыслях нет обидеть вас и вашу сестру. Поэтому я и пришел к вам. Мои намерения...

– Ваше сиятельство, – прервал его священник. – Вы не можете жениться на моей сестре. Так что не о каких серьезных и благородных намерениях вы говорить не можете. А что до других – то выслушивать их здесь и от вас – я не намерен.

– Но у меня нет других намерений! – воскликнул дворянин. – Я не намерен поступать бесчестно. Я хочу жениться на Анне, не взирая на ее положение. И я прошу на это ваше-

го согласия.

Отец Жозеф смертельно побледнел.

– Но, ваше сиятельство... Что скажут ваши родные? Ваша мать?

– Моя мать умирает, отец Жозеф.

– То есть... Вы с ней даже не говорили, ваше сиятельство?

Молодой дворянин отрицательно покачал головой.

– Я знаю, она не одобрит мое решение, отец Жозеф. Так зачем мне говорить и расстраивать ее, когда... ей так мало осталось жить?

Отец Жозеф тяжело вздохнул.

– Что бы брак был счастливым нужно благословение родителей. – сказал он. – И, конечно же, равное положение обоих супругов. А вы не хотите считаться ни с чем.

– Значит, вы отказываете мне?

– Да, отказываю. – священник отвернулся и направился к

выходу.

Молодой дворянин бросился за ним.

– Пойдите, отец Жозеф! Пойдите! Я понимаю ваши доводы, я понимаю, что сейчас вы сказали мне, что подобает вам, как священнику, но прошу вас, передумайте, ради вашей сестры, ради Анны.

Священник обернулся. Лицо его стало еще бледнее.

– Я говорил вам о своих чувствах и своих намерениях. – продолжал дворянин. – Но не о вашей сестре. А ведь она меня любит!

– Анна?

– Да. Она любит меня. И если вы откажете мне, то разобьете ей сердце.

– Она вас любит?

– Да, отец Жозеф. С первой же нашей встречи. – под пристальным, горящим взглядом священника молодой дворянин опустил глаза. – Она... Не поощряла меня, нет. Однако, Анна еще так молода, что ей трудно скрывать свои чувства.

Неужели вы станете осуждать ее за это?

– Нет, не стану. – в тоне священника явно послышалась горечь. – Это в природе женщины нести в мир соблазн. Но вы, ваше сиятельство, мужчина, а не юноша и вы достаточно разумны, чтобы понимать насколько чувства моей сестры... неуместны.

– Неужели вы считаете, отец Жозеф, что меня нельзя любить?

– Граф, вы обладаете всеми достоинствами человека вашего возраста и положения, однако, моя сестра вам не равня. Вот почему ей не подобает любить вас. А вам не следует отвечать на ее чувства.

– Отец Жозеф, вы не должны говорить так. Ваша сестра – не простолюдинка. Разве Анна – не благородного происхождения? Разве она не получила образования и воспитания, как подобает девушке из рода де Бейль.

– Как? Она рассказала вам о своей семье?

– Да.

– Но она вряд ли сказала вам, какое отношение проявляла

к ней ее семья, из-за брака ее матери. Они никогда не признавали Анну и обходились с ней очень плохо.

– Я знаю, что вы единственный, кто любил ее и заботился о ней. Вы – ее семья и я прошу вас, отец Жозеф, подумайте о моем предложении. Анна любит меня – и я могу дать ей то, в чем ей отказали ее родные и что вы никогда не сможете ей дать: любовь, положение в свете, богатство, наконец! Или вы полагаете, что ваша сестра этого недостойна?

Отец Жозеф опустил голову.

– Я... подумаю. – еле слышным голосом проговорил он.

Молодой дворянин поклонился и вышел.

Священник какое-то время стоял неподвижно, потом вздрогнул и тем же еле слышным голосом проговорил:

– Если она сама этого хочет... Если ты хочешь, Анна. Анна...

Молодой дворянин – граф де Ла Фер.

Супружеские ночи.

Граф де Ла Фер не любил ночь.

Летом, правда, его не любовь немного смягчалась, хотя бы потому, что в это время года ночь наступала поздно. К тому же, с недавних пор, ее приближение сулило графу радость и блаженство, так что за последнее ему стоило многое простить и ночи и Анне.

Анна! Граф повторил про себя имя жены и улыбнулся. Ему не за что было ее прощать. Анна – самая прекрасная жена на свете, а кроме того, она его возлюбленная: нежная, пылкая и полная очарования. Богиня, о которой он грезил еще ребенком, в развевающихся и легких покрывах на беломраморном теле... И с непостижимой и таинственной улыбкой на лице, из такого же мрамора, сияющего белизной.

Граф вздохнул. В последнее время ему очень хотелось увидеть Анну, в образе воплощенной богини из его грез, но каждый раз он подавлял свое желание. Не смотря на всю любовь к мужу, графиня вряд ли бы поняла и одобрила подобное, так что ему оставалось только молчать... И вкушать только то, что дозволено – давними обычаями и добрыми нравами.

Взгляд графа остановился на часах. Времени, до одиннадцати часов, оставалось немного. Скоро он отправится к жене и тогда...

"Это похоже на сказку о Галатее, – мелькнула у него запоздалая мысль. – Встречи и объятия во мраке ночи и прощание при свете дня. Но Анна и днем остается со мной. Моя Анна, теперь навсегда моя!"

Граф закрыл глаза. Ночной воздух был прохладным и ароматным. С первых дней замужества, Анна полюбила благовония и ароматные масла, и теперь пользовалась ими каждую ночь. Ему это тоже нравилось. Он часто рассказывал жене о давних и великих временах короля Франциска Первого, о тогдашних благородных дамах, которые ухаживали за собой очень тщательно и отличались редкой изысканностью... И граф был рад, что его жена, так предупредительна и так изыскана.

В то же самое время, графиня де Ла Фер внимательно изучала себя в зеркале. Свечи почти не рассеивали мрак в ее спальне, но даже их света ей вполне хватало...

Анна устало потянулась в кресле. Тени под глазами, на-

бухшие вены на руках, все те же тонкие полоски на запястьях! Масла и притирания, помогают, увы, не на долго. Муж, конечно, ничего не видит, но служанки! Женщины в таких делах разбираются очень хорошо. Сколько же еще она сможет их дурачить?

Анна вздохнула и пододвинула поближе баночку с кремом. К сожалению, возраст не был ее единственной проблемой. Да и проблемой ли? Стоит только ей родить ребенка и никто из тех же служанок не станет удивляться, что она изменилась! Очень часто роды меняют женщину до неузнаваемости и чаще всего – именно в худшую сторону. Так что, если она станет выглядеть старше, то есть, как раз на свой возраст, то все сочтут подобную перемену вполне естественной.

Что же до другой проблемы...

Решить ее стоило, пожалуй, до рождения ребенка. Ведь мало ли что может произойти во время и после родов! А что если, после, она заболит и заболит серьезно? Что будет тогда?

Что?

Анна обмакнула пальцы в крем и провела ими по обнаженному плечу. Времени оставалось немного, однако его

должно было хватить. Крем впитывался быстро. Вот только полностью разрешить ее проблему он не мог. Клеймо по прежнему оставалось на своем месте, оно не исчезало, а только тускнело... Увы!

Наконец, все было кончено. Анна встала и потушила свечи. В наступившей темноте она чувствовала себя спокойной, уверенной и счастливой. Ведь когда не можешь чего-то видеть, значит можно считать, что этого "чего-то" и нет. Не так ли?

Вот если бы, ночь никогда не кончалась! Вот если бы она могла забыть обо всем и не о чем не думать! Вот если бы... Если бы...

Анна отмахнулась от ненужных мыслей. Ее муж скоро придет, а с ним вместе придет и радость и счастье и блаженство!

Графиня де Ла Фер любила ночь.

Это она.

То утро в Берри было прекрасным и день обещал остаться таковым: ярким, радостным, наполненным теплом и светом. Граф де Ла Фер и его гости, собравшиеся во дворе замка,

тоже пребывали в прекрасном настроении и выглядели при этом не менее ярко и не менее радостно, чем солнце на небе.

Френсис Винтер или Шеффилд (он пользовался здесь вторым именем) только вздохнул. Он один, среди этих радостных людей, ощущал какую-то подавленность. Может быть потому, что был здесь чужим, а может потому, что он действительно был одинок... Во всех смыслах этого слова.

– Вы, похоже, скучаете, сударь? – спросил его граф. – Или Вы не любите охоту?

– Ну, что Вы, граф! – ответил Френсис. – Просто вчера я не рассчитал свои силы во время игры и устал. Увы! Не все молоды, как Вы и не все, как Вы, счастливы.

– Но Вы отнюдь не стары, барон. А что до счастья, то оно, приходит ко всем, рано или поздно.

– Боюсь для меня уже слишком поздно.

– Почему же? Вы свободны, Вы носите достойное имя, и сами Вы человек достойный и благородный, так неужели Вы не встретите женщину, которую полюбите и которая полюбит Вас?

– Вряд ли я могу надеяться на это, граф, – Френсис печально покачал головой. – Я не встретил такую женщину, когда был молод и вряд ли встречу сейчас. Как видно, для меня любовь – это лоторея, а в лотарее почти всегда проигрываешь.

– Но ведь можно и выиграть!

– Я не столь удачлив, в отличии от Вас. – Френсис улыбнулся, но его улыбка была невеселой.

– Вам не стоит так судить обо мне, сударь, – возразил граф. – Еще год назад я был уверен, что не полюблю никогда.

– И что же?

– Что же? – переспросил граф. – О! Теперь я люблю и поверьте, очень счастлив.

– Я Вам верю, граф. И желаю Вам всегда оставаться столь же счастливым.

– Благодарю Вас за добрые слова, барон, – граф слегка наклонил голову. – И Вам я желаю того же. Дай Бог, что бы Вы встретили женщину, прекрасную и достойную, и чтобы Ваше сердце, наконец, сказало: "Это она!"

– С Вами так и случилось, господин граф?

– Да, именно так и случилось. С самой первой нашей встречи, я понял, что могу любить только ее... И только ей могу отдать свою жизнь и свое имя.

Тут Френсис заметил, что гости графа переглядываются – смущенно и растерянно. Он не придавал этому значения, ведь в конце концов, их разговор был излишне откровенным. И к тому же среди гостей появилась женщина.

Она шла неторопливо, но легко и грациозно. Стройная, изящная, одетая в серо-голубое платье и с серебристо-белокурыми локонами, распущенными по плечам. Ее лицо, обращенное к графу, было воистину прекрасным: нежная кожа отливала белизной, подобно жемчугу, голубые глаза сияли, так же ярко и радостно, как летнее небо...

– Имею честь представить Вам графиню де Ла Фер, – голос графа прозвучал, как удар грома.

Френсис учтиво поклонился. По счастью, гости тоже поспешили с изъявлениями учтивости, и граф не заметил насколько сильно побледнел его недавний собеседник. Впрочем, и того, что его пожелание осуществилось, он тоже не за-

метил. А Френсис Винтер смотрел на юную женщину и сердце его говорило то же, что и графу де Ла Фер: "Это она!"

Последний день.

Дом Френсиса Винтера в Шеффилде не был ни слишком большим, ни слишком роскошным. Однако лорд все же любил его, хотя в последние годы приезжал сюда редко и задерживался не долго. Но теперь это должно было измениться.

"Я никуда больше не уеду, – подумал он. – Здесь я родился и вырос, и мой сын тоже будет жить здесь со мной и с Анной. Завтра кормилица привезет Джона... А когда он будет с нами, то мы станем настоящей семьей. Для него. И для себя."

Френсис вздохнул. Со дня приезда в Шеффилд, его жена жаловалась – непрерывно и на все. Он старался не замечать ее жалоб, опять-таки – ради себя и ее. Давалось это тяжело, но ведь давалось! Не смотря ни на что...

Френсис снова вздохнул и постарался отогнать непрошенные мысли. В конце концов, прошлое осталось в прошлом. Оно никогда не вернется, а в настоящем и в будущем – они всегда будут вместе. А главное – с ними теперь всегда будет Джон. Их сын. Наследник его имени. И его единственная надежда на новую жизнь...

"Как только Анна увидит своего ребенка, – размышлял Френсис. – То она сразу же изменится! Она забудет обо всем, забудет Бэкингема. И мы опять будем счастливы. Как были когда-то."

Он закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами, он видел свою жену: неизменно прекрасную и неизменно любимую.

– Анна, – прошептал он еле слышно. – Моя дорогая, моя единственная... Вернись же, наконец, ко мне!

Зима и Весна.

Ее имя напоминает ему о Рождестве, а она сама похожа на прекрасную фею Зимы, о которой он грезил в детстве. Нежная, белая кожа, пышные локоны волос, отливающие серебром, блеск ее глаз, порой ослепительно-холодный, как лед – пробуждают эти грезы и рядом с ней он чувствует себя, словно в сказке. А сказка всегда прекрасна и всегда приводит героев к счастью. Разве нет?

Он улыбается. Должно быть потому, что не помнит конец этой сказки. Он забыл, что в ней фея исчезла вместе с последней метелью, а герой так и не смог обрести счастье. Да, так иногда бывает, даже в волшебных сказках. Но он не хочет

вспоминать о плохом конце, когда видит перед собой прекрасную фею Зимы... Леди Кларик, графиню Винтер.

А потом появляется Она.

Он смотрит на ее дивные руки, в пене легких и дорогих кружев, на ее волосы, словно переплетенные с солнечными лучами, заглядывает ей в глаза, ясные и яркие, похожие на весеннюю листву – и сердце его трепещет от восторга. Фея Зимы исчезает из его сердца, словно снег под лучами жаркого солнца... Но по другому, иначе, разве может быть? Разве может?.. Ведь весна – это жизнь, весна – это радость, весна – это все, чем живет любое существо, а тем более, человек! Он никогда не сможет и никогда не захочет от нее отказаться. Жизнью своей, спасением своей души, не говоря уже обо всем остальном, он согласен пожертвовать ради нее. Королевы Весны... Королевы Анны Австрийской.

Почему?

За окном сгущались сумерки. Молодая женщина поднесла руку к свече, чтобы погасить ее пламя и вскрикнула от неожиданного прикосновения. Ни от расплавленного воска или самого пламени, а чьих-то горячих пальцев.

– Ах, это вы, Френсис! – воскликнула она, оборачиваясь. – Как же вы меня напугали!

– Нам надо поговорить. – вошедший был уже немолодым мужчиной, но выглядел еще достаточно статным и привлекательным.

– О, конечно. – откликнулась женщина, смерив его взглядом достаточно далеким от готовности. – Однако, не кажется ли вам, мой дорогой, что уже поздно... А я так устала! Этот вчерашний бал в честь отъезда его светлости в Лондон, был таким утомительным.

– Поэтому вы и не спали после него?

– Я не люблю спать днем, вы же знаете. И с вашей стороны, не хорошо забывать об этом и приходиться ко мне, зная, что я устала и не в состоянии вести долгую беседу.

– Не думаю, что наша беседа будет долгой, моя дорогая Анна. – мужчина улыбнулся, причем настолько странно и натянуто, что женщина сразу же насторожилась.

– О чем вы хотите поговорить? – спросила она, отходя от окна.

– Я хотел бы поговорить о вас. И о милорде Бекингеме.

– Френсис, помилуйте! Если до вас дошли какие-то слухи, то уверяю вас, они совершенно беспочвенны и боюсь, несколько стары.

– Значит, поэтому вы плакали сегодня из-за его отъезда?

– С чего вы взяли, что я плакала? – женщина резко вскинула голову. – Я никогда не плачу!

– Я вижу, как покраснели ваши глаза и как вы расстроены. – мужчина шагнул к ней. – Я так же знаю о том, что слухи о вашем романе отнюдь не беспочвенны. А что касается срока давности, то не далее, чем за три дня до отъезда его светлости, вы были у него в кабинете и провели там почти три часа. Надо полагать, за дружеской беседой?

– Вы следили за мной? – женщина бросила на своего собеседника растерянный взгляд.

– Да, следил. – подтвердил мужчина. – Вы моя жена, Анна! Вы забыли об этом?

– То есть, вы шпионите за мной и полагаете, что имеете

на это право?

– А чего вы ожидали? – мужчина улыбнулся все той же пугающей улыбкой. – Я хочу знать где вы бываете, и что делаете, если вы, в последние полгода, так стараетесь избегать меня.

– Френсис, я вовсе не...

– Анна, прошу вас, не лгите! Мне это невыносимо. Я знаю ваши доводы наизусть: вы недавно родили ребенка, вам нездоровиться из-за этого и из-за наших постоянных переездов, светские обязанности и приемы утомляют вас настолько, что вы чувствуете себя усталой и разбитой, хотя я не могу припомнить, чтобы во Франции, в пору вашего первого замужества, нечто подобное вас так утомляло. Я конечно, не говорю о ребенке. Хотя вам не мешало бы вспомнить о нем какнибудь иначе.

– Иначе?

– Я не припоминаю, чтобы вы изъявляли большое желание его увидеть. Но, пожалуй, именно это вам и нужно сделать. Через неделю я увезу вас в Шеффилд и больше ноги моей не будет в Лондоне.

– Как? Вы намерены жить в этом захолустье? – вспыхнула женщина. – Вы хотите, что бы я никогда...

– Вот именно. Я хочу, чтобы вы никогда не видели вашего любовника.

– Я... Вы...

– Оставим это. – мужчина отвернулся. – Я больше не намерен говорить о том, что было. К тому же, как видите, я обращаюсь с вами отнюдь не так, как обычно обращается с неверной женой обманутый муж.

Молодая женщина смертельно побледнела.

– Значит вы твердо решили увезти меня в Шеффилд? – спросила она.

– Анна, я думаю, вам тоже следует какое-то время провести в тишине и покое. – мужчина по прежнему стоял отвернувшись и она не видела, что в его глазах блестят слезы. – Возможно, тогда вы поймете, что ваша любовь к герцогу была прискорбной ошибкой. Возможно, что ради сына, вы вспомните, что у него есть отец... Который любит и его и вас. Неужели вам мало этого? Неужели вы ничего не чувствуете ко мне, даже благодарности, за то, что я для вас сде-

лал? Анна, опомнитесь! О, боже, да неужели вы не видите, что я люблю вас, люблю как никто и никогда не будет любить? Так почему вы не любите меня, Анна?

Почему?

Дворец его светлости лорда Бекингема в Лондоне, поража́л своими размерами и роскошью. Даже эта комната, пожалуй самая маленькая и расположенная далеко от покоев герцога выглядела впечатляюще: мраморный камин, персидский ковер на полу и стены украшенные дорогими картинами.

Женщина в темном платье, подошла к камину и протянула к огню руки. Ее била дрожь, но не от холода, а совершенно по другой причине. И причина эта не совсем не торопилась появляться.

Наконец, за дверью послышались шаги. Дверь распахнулась и в комнату вошел герцог.

– Дорогая баронесса, – сказал он. – Я так рад вас видеть.

– Ваша светлость... – начала было она и умолкла. Вопреки словам герцога на его лице не было и следа радости.

– Но вам не стоило так поспешно приезжать в Лондон. – продолжал он. – Ваш муж скончался совсем недавно и вам не стоило настолько пренебрегать приличиями и приезжать сюда.

– Я писала вам. – женщина стиснула руки. – Но, видимо, вы не получали моих писем. И я стала беспокоиться, что возможно... они были перехвачены, чтобы скомпрометировать вас и меня.

– У вас слишком богатое воображение, баронесса. – улыбнулся герцог.

– Иными словами – вы получили мой письма?

– Да.

– Почему же тогда... Вы не ответили мне?

– Надеюсь, вы не забыли, что я первый министр? В последнее время я был очень занят.

– Я полагаю, на охоте и у жены французского посланника?

– Дорогая баронесса, вы же знаете цену подобным сплет-

ням! Зачем тогда вы их повторяете?

– Джордж, я не придаю значения сплетням. Но когда вы ведете себя настолько неосторожно, что вас видят все...

– Надо полагать вы тоже входите в число этих всех?

– О, прошу вас не говорите так со мной! Вы не понимаете, как мне больно это слышать от вас.

– Моя дорогая Анна, вы взялись за мной шпионить и еще просите меня о жалости?

– Джордж, возможно, вы правы, возможно я поступала ужасно и неправильно, но подумайте в каком положении я оказалась! Мой муж узнал все. Он увез меня и намеревался всю жизнь держать в Шеффилде, вдали от Лондона и... Вас. Я уже не говорю о его постоянных домогательствах!

Герцог усмехнулся, словно услышал довольно забавную шутку.

– Да, конечно. Я понимаю, насколько это невероятно, когда муж начинает домогаться собственную жену. Тем более в такой глуши, где нет других развлечений.

– Не шутите так, дорогой! Неужели вы не понимаете, как тяжело воспринимать подобные домогательства если любишь другого?

– К счастью, дорогая баронесса, эти домогательства вам пришлось терпеть не долго. Ведь ваш муж так быстро умер! Настолько быстро, что у его брата даже сомнения появились, болезнь ли была тому причиной?

– Я вас не понимаю.

– Надеюсь, что не понимаете. Но лорд Винтер так настроен против вас, что заявляет об этом направо и налево. Вам следует быть очень осторожной, дорогая моя, и заботиться о своей репутации. Если сейчас пойдут слухи о наших отношениях, то вы понимаете, какой это вызовет скандал?

– Но разве вам не все равно, что о вас говорят?

– Разумеется, нет! Мне совсем не хочется, чтобы меня называли отравителем или тайным убийцей. И вам бы следовало задуматься – а нужно ли вам, чтобы о вас говорили подобные вещи? вспомните, что у вас есть сын, и если вы компрометируете себя, то компрометируете и его!

– Но разве мы не можем вести себя достаточно осторож-

но? Я понимаю, что нам незачем выставлять нашу связь напоказ, пока жива ваша жена.

Герцог побледнел.

– Так значит... Это правда? Ваш муж умер... Не от болезни?

– Джордж, если вы спрашиваете меня об этом и спрашиваете таким тоном, значит вы меня уже не любите.

Герцог какое-то время смотрел на нее, потом отошел к окну и стал смотреть на улицу.

Молодая женщина протянула к нему руки:

– Джордж, вы единственный мужчина, которого я любила и люблю. Никого я не смогу полюбить сильнее, чем вас и ни одна женщина не полюбит вас, так как я. Так почему же вы не любите меня? Почему?

Родственники.

Однажды в июне, около трех часов утра, из особняка госпожи де Гиз, вышли двое людей. Один из них был высокий и темноволосый мужчина лет сорока, одетый в костюм фиолетового цвета, другой – такой же высокий и темноволосый,

отличался более роскошным одеянием и выглядел не старше двадцати пяти лет.

– Ваше сиятельство, – обратился он к темноволосому мужчине. – Я полагаю, что письмо, которое вы сейчас получили действительно стоит того, чтобы покинуть этот дом в этот час.

– Да, мой дорогой племянник. – ответил ему тот. – Мне очень жаль, но это именно так.

– Нас вызывает его высокопреосвященство?

– Нет. – на губах у темноволосого мужчины появилась улыбка. – Но дело, тем не менее, очень важное. Его следует немедленно обсудить, так что соблаговолите отправиться вместе со мной.

Молодой человек подчинился. Они сели в карету и – уже без разговоров – добрались до другого особняка, не такого роскошного, как тот, что они покинули и не столь еще известного. После недолгого стука, заспанный привратник открыл им дверь. Все так же сохраняя молчание, эти двое прошли в дом, миновали коридор и оказались в небольшой комнате, очень напоминавшую библиотеку. Мужчина скользнул взглядом по шкафам, доверху заполненным книгами и

устало опустил в кресло.

– Садитесь и вы, граф. – сказал он. – Боюсь, что разговор у нас будет долгим.

Молодой человек поспешил воспользоваться приглашением.

Его родственник какое-то время задумчиво смотрел на него, потом вздохнул и укоризненно заметил:

– Мне очень жаль, что приходится вам говорить о подобных вещах, граф, но на сегодняшнем балу вы вели себя... недопустимо.

Молодой человек заметно покраснел.

– Ваше сиятельство, – сказал он не слишком уверенно. – Я вас не понимаю.

– А я, полагаю, что вы напротив, меня очень хорошо понимаете. – возразил его собеседник. – Ведь речь идет о графине Винтер.

– Дядя! – румянец на щеках молодого человека стал еще заметнее.

– Дорогой племянник, я все понимаю, – продолжал тот. – Вы недавно в Париже и недавно приняты в свете, но все же вам стоит быть более сдержанным и не показывать так явно своих чувств. Иначе вы восстановите против себя всех дам, да и саму графиню.

– Значит, вы хорошо знаете ее, ваше сиятельство?

– Да. – вздохнул мужчина. – Я даже бываю у нее иногда... По поручению его высокопреосвященства.

– По поручению?

– Да, племянник. Эта женщина выполняет некоторые и весьма щекотливые поручения господина кардинала. – граф умолк, затем усмехнулся и вкратчиво спросил. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, конечно. – румянец на щеках молодого человека сменился бледностью.

– Графиня – очаровательная женщина, – тем же тоном продолжал граф. – Она так же достаточно богата и достаточно знатна – даже принята во дворе. Но вас, наследника графов де Вард она не достойна.

– Дядя!

– Постарайтесь держаться от нее подальше, мой дорогой племянник. – Это будет самым лучшим решением, о котором вы никогда не пожалеете.

Молодой человек не смог подавить тяжелый вздох.

– Но я уже жалею, ваше сиятельство. – сказал он. – Как только думаю об этом. И поэтому прошу вас представить меня графине.

– Вы хоть понимаете, к чему это может привести?

– Да, понимаю. Скорей всего, графиня будет не в восторге и сама откажет мне от дома. Но, по крайней мере, я должен извиниться перед ней за свое недопустимое поведение.

– А что вы станете делать, дорогой племянник, если она примет ваши извинения и захочет продолжить знакомство?

– Неужели? – голос молодого графа дрогнул. – Неужели это возможно?

– Вполне возможно, – подтвердил его родственник. – Гра-

финя Винтер, помимо всего прочего, очень умна и на данный момент совершенно свободна.

– Что вы хотите этим сказать, дядя?

– Только то что сказал. – пожал плечами немолодой граф. – Ее муж скончался два года назад, при весьма подозрительных обстоятельствах, а так как постоянного любовника у нее нет, то значит она снова рассчитывает вступить в брак.

– Вы уверены в том, что говорите?

– Уверен. И именно по этой причине, я не представлю вас графине.

Какое то время они молчали. Но вскоре молодой граф заговорил снова:

– Ваше сиятельство, могу ли я просит вас об одной услуге?

– Да, разумеется. – отозвался его родственник. – Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы выяснили, как именно умер муж графини.

– Вы полагаете, это будет так легко?

Молодой человек снова вздохнул.

– Я полагаю, что нет. Но, дядя, если мне придется отказаться от графини Винтер, то я сделаю это хоть на каком-то основании... А не из-за пустых подозрений.

– Но разве вам недостаточно того, что есть? – удивился граф. – Разве ее нынешнее положение шпионки и ее соответствующее поведение – для вас недостаточный повод отказаться от дальнейшего знакомства?

– А разве я не выполняю достаточно щекотливые поручения его высокопреосвященства? – заметил де Вард. – Разве вы – не поступаете так же? Графиня служит короне и Франции, так неужели нам упрекать ее за это?

– Вам не следует забывать, что мы – мужчины. – хладнокровно возразил граф. – И то что подобает нам, не подобает женщинам. Вы – отпрыск знатного рода и можете получить в жены – самую родовитую, самую красивую и самую юную девушку... Чистую и целомудренную в придачу. Так зачем вам предлагать свою руку и свое имя женщине, которая уже побывала замужем и лет через пять превратиться в старуху?

И которая к тому же отнюдь не отличается чистотой и целомудрием?

– Но я не видел ни одной девушки, прекраснее, чем леди Анна! И, я уверен, что ни кто, кроме нее, не сможет сделать меня счастливым.

– Вы совсем потеряли голову, мой юный друг.

– Нет, граф, поверьте, это не так. Я люблю миледи Винтер, но я вовсе не потерял голову, как вы только что сказали. Ведь именно поэтому, что я рассуждаю здраво, я попросил вас узнать о покойном муже графини и об обстоятельствах его смерти.

Граф задумался.

– Пожалуй, вы правы. Стоит выяснить все обстоятельства этого дела, да и изучить родословную прекрасной графини – тоже будет не лишним.

– Значит, вы все же согласны мне помочь?

– Ну, конечно, я согласен! Неужели вы сомневаетесь во мне? Я ведь обещал вашим родителям заботиться о вас и помогать вам, и, разумеется, я сдержу свое слово. Но я попро-

шу, чтобы и вы, тоже кое-что мне пообещали.

– Что же вы хотите, чтобы я пообещал?

– Пообещайте мне не видеться с графиней, пока я не получу всех сведений на ее счет.

– О, да, дорогой дядя! Клянусь, что до того дня я больше не увижу графиню. Только, умоляю вас, сделайте все, чтобы тот день скорее наступил!

Граф улыбнулся и пожал ему руку. Де Вард с радостным сердцем и не менее радостным лицом покинул дом своего родственника. Тот проводил его взглядом, а когда за молодым человеком закрылась дверь, его улыбка превратилась в язвительную усмешку.

– Подумать только, как глупа молодежь. – проговорил он. – Вообразил, что я буду стараться ради него и сейчас скорей всего отправился в церковь, чтобы помолиться за успех предприятия, а так же о том, что бы прекрасная графиня оказалась ни в чем не повинна. Гм... Он еще и слово сдержит, с него станется. Бедный юноша!

Тут он вздохнул и достал из кармана любовную записку, полученную им на балу и подписанную графиней Винтер.

В Туре.

Тур – чудесный город, да и провинция Турень – тоже чудесное местечко. Луга, небольшие и чистенькие домики, величественные соборы и замки – все радует глаза и душу. Базен, лакей на службе мушкетера Арамиса, никогда не любил длительные поездки, но все же в Турень ездил с охотой. Тем более в – этот раз.

На этот раз господин Арамис отправил его с письмом в Тур из военного лагеря. Базен, как человек мирный и достаточно пожилой, был только рад выбраться оттуда. Будь на то его воля, он предпочел бы и остаться у той, к кому письмо было адресовано, но – увы! Господин ждал ответа, а прекрасная дама, которая отличалась добрым сердцем и отзывчивой душой, никогда и никого без ответа не оставляла, так что пребывание Базена в ее доме было весьма недолгим. Сутки, не более того.

В день своего отъезда, он проснулся рано, позавтракал и начал собираться в дорогу. Сборы, впрочем, как всегда, занимали много времени, к тому же Базен, скажем прямо, был не прочь это время потянуть. А пока он его тянул, почти весь дом успел проснуться. "Скажу, что встал рано, а потом поел и задремал, – подумалось ему. – Во всяком случае, герцогиня вряд ли еще встала. Она же всегда спит до обеда!"

Его размышления прервал тихий стук в дверь. Базену стало как-то сразу не хорошо. А когда он открыл дверь и увидел на пороге камеристку герцогини, то его дурнота усилилась, раз эдак в сто.

– Ее светлость хочет меня видеть? – пробормотал Базен.

– Нет, сударь, – быстро ответила девушка и залилась румянцем. – Я сама хотела с вами поговорить.

– М-м, очень рад. – с облегчением вздохнул Базен. – Проходите.

Она прошла в комнату. Базен прикрыл дверь и вернулся к своим вещам, искоса поглядывая на взволнованную гостью.

– Скажите, сударь, Вы едите в Ла Рошель? – спросила девушка.

– Да, – подтвердил Базен. – Я знаете ли, имею честь состоять на службе у одного из королевских мушкетеров...

– У господина Арамиса, не так ли? – живо уточнила девушка.

– Гм... Да. – Базен недоуменно оглядел камеристку. – Вы знаете господина Арамиса?

– Господин Арамис рекомендовал меня ее светлости...

– Понимаю. А вы значит, теперь хотите что-то передать моему господину?

Девушка опять покраснела.

– Нет, не ему. – сказала она. – Видите ли, господин Арамис рекомендовал меня ее светлости по просьбе своего друга... Господина Д,Артаньяна.

– Вы хотите что-то сообщить господину Д,Артаньяну?

– Нет! То есть... Да. – девушка нервно сжимала руки. – Я хотела отправить ему... подарок.

– Какой подарок?

– Вот это... Колечко.

Базен взял и повертел на пальцах ее подарок. Тоненькое колечко, с красивым камнем, темно-бардового цвета.

– Что ж, передам. – сказал он. – Мне не трудно. Тем более, что оно как никак деньги стоит... А у господина Д,Артаньяна сейчас такие затруднения...

– Какие затруднения?

– Да денежные же! С деньгами у него неважно.

– А разве он не получает жалования? Он ведь состоит на службе у зятя господина де Тревиля?

– Он, сударыня, уже перешел на службу к самому господину де Тревилю. Так что теперь господин Д,Артаньян – мушкетер. И как понимаете, он сейчас в долгах, как в шелках...

– Но я не понимаю.

– А что тут не понятного? – удивленно воззрился на нее Базен. – Господа мушкетеры вечно всем должны. Они и в кости играют и выпить не дураки. Так что денежки у них так и летят. Вот господин Д,Артаньян допился и доигрался. Будь у него такая же покровительница, как у моего господина, все было бы и не так плохо, но что поделаешь если ее нет!

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что сказал. Не умеет господин Д,Артаньян свою жизнь устроить. Вот мой господин, и с духовниками дружит, и у герцогинь в большой милости. А у господина Д,Артаньяна только и есть одна какая-то лавочница, да еще замужня... К тому же она сама сейчас без денег, в монастыре сидит.

– Вы говорите о жене галантерейщика Бонасье? Но разве господин Д,Артаньян не по любви...

– Ну, само собой, по любви сударыня! Как задолжал ей и ее мужу за квартиру, так сразу и любовь появилась! Дело, знаете ли, молодое. Господин Д,Артаньян юноша славный, не хуже других, да и не глупый тоже. Нашел себе другую даму, познатнее, да побогаче, да вот дама заартачилась, не хочет ему ничем помочь. Совершенно бессердечная женщина и такая подлая.

– И... Кто эта дама?

– А дама – графиня Винтер. Слыхали о такой?

– Но ведь графиня уехала в Англию!

– Вот именно, уехала. Уехала, а господин Д,Артаньян ничего от нее и не получил, хотя так старался! Ну да ладно. Он

еще с ней разберется, честь по чести, за все ее подлости и каверзы, как полагается порядочному человеку.

– И каким же образом?

– У этой негодной женщины в Англии есть родственник, который очень расположен к господину Д,Артаньяну, а ее терпеть не может. Он только рад будет от нее избавиться и ее денежки к рукам прибрать. Господин Д,Артаньян уже кое-что придумал: написал ее деверю, что она и развратница каких поискать, двух любовников зараз принимает, и его самого отравить пыталась – благо, его друзья все трое свидетельствовать в том согласны. А господин Атос заявляет и того хлеще: что графиня, оказывается не только развратница и отравительница, но еще и воровка и двоемужница к тому же! У нее дескать, есть муж во Франции и она вышла за Винтера будучи уже замужней.

– Какой ужас!

– Да, уж для графини точно будет ужас, когда ее оберут до нитки и в тюрьму посадят. Хотя, до тюрьмы может и не дойдет, это же как никак благородные господа. Сплавят ее потихонечку в ссылку и притравят там потихоньку. Впрочем, ей так и надо: будет знать, как отказываться помогать бедному молодому человеку... Да и дворянину к тому же.

– Боже мой!

– Ну, не переживайте так, сударыня. Как только лорд Винтер от своей родственницы избавится, он господину Д,Артаньяну точно поможет! Но это еще не скоро будет, так что ваше колечко – очень кстати окажется.

– Оно не очень дорогое, сударь. – возразила камеристка.

– Хотите забрать его назад?

– Нет. Подождите меня, пожалуйста.

Девушка вышла из комнаты. Базен удовлетворенно зевнул и уселся на стул. Через какое то время камеристка появилась снова, с узелком в руках.

– Возьмите его, господин Базен, – сказала девушка. – Здесь все мои сбережения. Надеюсь, они все же покроют хоть половину долгов господина Д,Артаньяна. Только...

– Только?

– Не говорите ему, что эти деньги от меня. Скажите, что они от герцогини. В благодарность за его заботу о... чести

королевы.

– Да, сударыня. Так ему и передам.

– Прощайте, сударь.

Базен взял узелок, попутно не удержавшись от искушения пожать руку хорошенькой девушке. Та ничего не заметила. Ее рука была холодной, как лед и дрожала.

– Вам не здоровится? – спросил Базен.

– Нет, напротив. – ответила девушка. – Я наконец-то выздоровела.

Базен недоуменно похлопал глазами. А пока он хлопал – камеристка ушла. Однако его это мало расстроило. "Славная девушка, – подумал он. – Дай Бог ей счастья! То то господин Д.Артаньян обрадуется! Впрочем, как только он получит деньги от лорда Винтера, я ему о ней скажу. Пусть и ей подкинет на приданное. Должна же добродетель вознаграждаться хоть когда-то, и по человечески и по божески. Аминь, аминь!"

И с этими благочестивыми мыслями, Базен опять начал собираться в дальнюю дорогу.

Утренний визит.

В Портсмуте было утро. Хотелось бы прибавить – чудесное, но, к сожалению, чудесные утра в Англии, даже летом случаются очень редко, так что же говорить про зиму! Словом, утро выдалось промозглым, ветряным и холодным, как и положено, зимнему утру.

Горожане этого славного приморского города, тоже, как положено, пробудились очень рано и занимались делами соответственно возрасту и положению. В доме лорда Винтера тоже царило большое оживление – слуги поднялись с утра пораньше, как и подобает честным горожанам, но в отличии от других горожан, делами они не занимались, а предавались приятному ничегонеделанию: пили чай, эль, еще что-то покрепче и обсуждали отсутствующего лорда, соседей и всякие животрепещущие новости, вроде войны с Францией. Словом, слуги лорда, в это не очень чудесное утро, проводили время хорошо и весело.

Идиллию, как это обычно бывает, нарушила женщина.

– Эй, Джек! – в лакейской появилась распаренная посудомойка (у служанок даже в отсутствие лорда работы было выше крыши). – Там пришла миссис Топсон. Спрашивает хозяина.

– Нету хозяина! – рывкнул лакей лорда Винтера. – Так ей и передай: нету!

– Лучше сам ей передай. – огрызнулась посудомойка. – А то мне уже надоело. Она неделю уже ходит.

– Ты бы и самом деле, поговорил бы с ней, – сказал другой лакей. – Иначе эта Топсон не отстанет. Будет сюда шастать каждое утро... Вредная баба!

– Ладно, поговорю. – буркнул лакей и отправился осуществлять свое намеренье.

Миссис Топсон ждала его в передней. Это была женщина еще молодая, однако, ничуть не привлекательная, и по ее нахмуренному лицу, нетрудно было догадаться, что она, действительно, весьма и весьма вредная.

– Добрый день, господин Смит. – поприветствовала она вошедшего лакея. – Мне нужно увидеть лорда Винтера.

– Нету его.

– Его уже полгода нету! А мне деньги нужны!

– Денег тоже нету. – мрачно заметил лакей. – Лорд ничего не оставил.

– Как не оставил?

– А так! Не оставил. Занят был очень. Как полгода назад уехал, так ничего и не прислал... Никаких распоряжений насчет вас.

– И леди Кларик ничего не прислала?

– Нету уже леди Кларик. – вздохнул слуга.

Миссис Топсон бросила на него непонимающий взгляд.

– Как это? – спросила она. – Леди Кларик недавно мне письмо прислала, обещала скоро приехать повидать Джона.

– А-а, – махнул рукой лакей. – Это все почта. Вечно письма задерживает! А леди Кларик с недавних пор, того... – теперь той же рукой он провел по горлу.

– Умерла, что ли? – сообразила миссис Топсон. – Вот горе-то!

– Ну, это как кому. – философски заключил лакей. – Для

вас может и горе, а лорд сам не свой от радости. Полмиллиона в руки свалились, а такое знаете ли, не каждый день случается. Теперь он в Лондоне по адвокатам и нотариусам бегает, наследство получает!

Миссис Топсон криво улыбнулась.

– Рада за него. – сказала она. – Полмиллиона кого угодно заставят плясать от радости. Только мне тоже жить надо. Может дадите мне его адрес в Лондоне? Я ему напишу насчет жалования. Ну и Джона, конечно.

– Это насчет его племянника, что ли? – насторожился лакей.

– Ну, да. Он же теперь, вроде его опекун?

Собеседник миссис Топсон отрицательно покачал головой.

– Да уж нет! Он вроде его наследник. Сэр Джон ни гроша не получит.

– Как так?

– А вот так. Как вы думаете, с чего лорд так забегался по

адвокатам и нотариусам? Хочет отхватить все и сразу.

– А племянника – куда?

– А что – племянник? – лакей снова вспомнил о философии. – Может он ему и не племянник вовсе! Лорд уверяет, что леди Анна та еще сука была. Разъезжала по всему свету и любовников имела. Может и Джона родила не от его брата. Да и своих денег у нее кот наплакал, все от покойного Винтера получила. К тому же она и не англичанка вовсе.

– Неужели?

– Да, так оно и есть. Лорд Винтер привез свидетельство, что она родилась во Франции. Да и в брак с его братом, вступила как-то не так, как по закону надо. И сэр Джон получается ему вовсе не племянник, а так...

– Гм, понятно. – протянула миссис Топсон.

– А раз понятно, то больше сюда не приходите. И лорду не пишите. Вы лучше выставите мальчишку на улицу... И если с ним чего случится, ну там, с голоду помрет или от холода, то лорд вам тогда точно заплатит!

– Точно – говорите?

– Точно. Лорды такие услуги не забывают. Так что если постараетесь...

– Да уж, постараюсь, – закивала миссис Топсон. – Жизнь нынче тяжелая и мне о своих детях думать надо. Только как-то это не очень по христиански.

– Ну, что вы, миссис Топсон! – запротестовал лакей. – Как раз все по христиански! У сэра Джона сейчас даже имени нет, да к тому же выходит, что он и не англичанин. А на кой вам француза кормить?

– Да уж, незачем.

– К тому же мать его, как вышло, совсем не порядочная дама, а так, содержанка какая-то. А где это видано, что бы у таких дети были? Нехорошо это.

– Точно, не хорошо. – поддакнула миссис Топсон. – Тут не знаешь, как законных детей вырастить, а если еще думать куда всяких отродий девать – так никакой головы не хватит! Ладно уж, пойду я. Муж ждет.

– Вы, все-таки, какнибудь приходите еще. – лакей подмигнул почти заговорщицки. – Посидим, о жизни погово-

рим. Под эль всегда хорошо говорить, тем более с такой разумной и понимающей женщиной. Зайдете?

Миссис Топсон расплылась в улыбке.

– Да какнибудь зайду. – сказала она. – Улажу все с сэром Джоном... И тогда поговорим о жизни. Только эль я люблю покрепче. Не забудете?

– Не забуду.

Миссис Топсон выплыла из приемной. Ее собеседник вздохнул и пошел обратно к своим собутыльникам. И с ними время снова пошло хорошо и весело.

А у сэра Джона хватило вредности не умереть ни от голода, ни от холода. И пришлось А.Дюма писать "Двадцать лет спустя"

В сумерках.

Над городом сгущались сумерки. Да и было, к тому же, очень холодно и очень сыро, как обычно бывает осенью. Но, он, недавно и безжалостно выброшенный на улицу, ребенок

уже не помнил ничего другого, кроме этой вечной сырости и вечного холода, да еще ощущения постоянной и ноющей боли, в груди и в животе.

– Так болит, когда не ешь, – сказал ему один старый бродяга. – А если ты еще и перестанешь двигаться, то считай себя покойником.

– Я – умру? Как – мама?

– Скорей всего, тебе будет еще хуже. Ведь твоя мать была не нищенкой?

– Нет, она была богатой. А потом – уехала далеко и умерла, а богатство пропало.

– Надо полагать, вместе с твоим отцом?

– Мой отец умер еще раньше. Я его совсем не помню.

– А может его у тебя никогда не было?

– Так не бывает. – возразил он.

Бродяга засмеялся и он убежал. Ему не хотелось слушать этот смех, такой грубый и такой обидный. Вокруг станови-

лось все темнее и холоднее и боль терзала его с большей силой. Наконец, он не выдержал.

– Я так больше не могу, – еле слышно прошептал он. – Я хочу к маме и к папе. На небо. Сейчас же!

– Джонни!

Он вздрогнул и обернулся. Тьма и холод исчезли и он снова увидел свою мать. Она была рядом с ним и протягивала к нему руки. Нежная, прекрасная и молодая, полная сил и надежд. Именно такой он запомнил ее, когда она пришла с ним попрощаться перед своим отъездом, в чужую и враждебную страну... Где она умерла.

– Я скоро приду за тобой, – проговорила она и улыбнулась. – Ты только подожди меня еще немного. Хорошо?

– Да, мама. Я всегда буду тебя ждать. Всегда!

Над городом сгущались сумерки...

Закат.

Солнце клонилось к горизонту.

Его диск отливал невыносимо ярким багрово-красным

светом и свет этот окрашивал и сумрачное небо и такие же волны в цвета смерти и крови.

Парусная лодка, направляемая умелыми руками, стремительно скользила среди волн. Мужчина, в темной одежде, с бледным и мрачным лицом, время от времени бросал взгляд на заходящее солнце и становился все более бледным и более мрачным. Багровый закат означал, что с наступлением ночи ветер усилится. И, может быть, до шторма.

Мужчина усмехнулся. Однако, глаза его были по прежнему оставались холодными, под стать водам Ла-Манша. Он не видел их почти десять лет... И сейчас смотрел на них так, словно этих лет и не было. Ведь воды и волны никогда не меняются, тогда как люди... Люди!

Мужчина тяжело вздохнул. Десять лет назад, люди нашли его в этих водах, Раздетого, обезоруженного и раненного. Рана казалась смертельной, но он все же выжил: ибо Бог, в бесконечной милости своей, сотворил чудо. Вот только, увы, и враг рода человеческого тоже не дремал: он вернулся к жизни, однако забыл, что случилось с ним в прошлом, не только врагов и друзей, но даже имя свое...

Лодка взлетела на волне. Россыпь холодных брызг ударила ему в лицо, отогнав непрощенные мысли. Он вгляделся

вдаль и увидел берег, светлую и узкую полосу земли. Англия была уже близко, совсем близко. Скоро он прибудет туда. И кто знает, может там он найдет или вспомнит свою прежнюю жизнь. Если, конечно, есть что вспоминать или находить. Да и стоило ли? В этом он иногда сомневался.

Уже десять лет он боролся со Злом в любом обличье, везде, где только его находил по воле божьей и изменять в своей жизни он ничего не желал. Да и не смел. Ведь Бог даровал ему жизнь, именно для этого...

Соломон Кейн, бывший некогда Джоном Винтером, поднял глаза к небу и посмотрел на солнце.

Оно по прежнему неумолимо клонилось к горизонту.

Ночь.

Этот день и последующая за ним ночь всегда начинались одинаково. С самого утра небо затягивали тучи – темные, грозовые, однако, не смотря на них, было душно, нестерпимо душно... От этой духоты он просыпался, а затем, в той же духоте, проводил и весь день. С тяжелым сердцем и с тяжелыми мыслями.

Под вечер небо становилось еще более темным. Ночью – появлялся ветер, вместе с дождем и с молниями. Город словно проваливался в крошечный ад: туда где только тьма и

скрежет зубовой. Тогда он пытался молиться, но не мог. Вместо молитвы он вспоминал брата, умершего в смертном грехе. Вспоминал и Ее...

Ее. Бледную, с разметавшимися по плечам волосами... Она смотрела на него, в ужасе и отчаянии.

– Я не хочу умирать! – твердила она. – Если я виновна, отведите меня в суд! Ведь вы же не судьи! Не судьи! Вы убийцы! Убийцы...

Он не отвечал, только закрывал глаза и уши. Но она по прежнему была здесь рядом: она стояла на коленях и протягивала к нему руки, умоляя о пощаде. А он... Он слышал свой голос и свои слова, сказанные ей тогда, на берегу Лиса:

– Да свершится правосудие божие!

"Это не было правосудием, – думал он теперь. – Не было! Вот почему она является ко мне. И именно в эту ночь. В эту ночь... О, Боже, Боже! Что же будет?"

Бог молчал.

Но наступало утро и наступал конец: ветер и дождь утихали и она тоже... Тоже упокаивалась. Так что до следующего года – он мог жить спокойно. Пока снова не наступал этот день и последующая за ним ночь.

Молитва Луне.

Было около полуночи. Луна, ущербная и тусклая, плыла по небу, среди больших и багровых туч. В душном воздухе начинало чувствоваться дуновение ветра, на смену недавней

грозы шла новая, куда более продолжительная и страшная.

Молодая женщина открыла глаза и оглянулась по сторонам. Взгляд ее остановился на берегу Лиса. С каждой минутой он становился все ближе и ближе. Еще совсем немного... И все будет кончено!

Она попыталась распутать веревку, которой ее связали, но – увы. Освободиться не получилось, к тому же палач, сидевший напротив ее в лодке за веслами, заметил ее движение и с резким смешком, сказал:

– Вы напрасно стараетесь, сударыня. Даже если Вы распутаете веревку, то все равно далеко не убежите. Земля сейчас влажная после дождя, и по ней не очень то побегаешь. Так что лучше воспользуетесь советом своего мужа и помолитесь за себя. Ведь за Вас никто больше молиться не будет.

Миледи в ужасе отпрянула назад. Теперь ее взгляд задержался на бледном диске луны. "Нет, не может быть! – пронеслась у нее в голове отчаянная мысль. – Нет, это не может быть правдой! Я не хочу! Не хочу умереть так... Не хочу умереть сейчас! Как это вообще могло со мной произойти? Если бы я не попала в Берри и не встретила графа, то осталась бы жива! Жива!"

И тут, в ответ на ее безмолвную мольбу, луна исчезла за тучами. Лодка вместе с молодой женщиной и с палачом тоже исчезла в непроглядном мраке.

Анна де Бейль проснулась внезапно – от шума за окном и от испуга, вызванного очередным кошмаром. С недавнего времени кошмары снились ей часто, но никогда еще они не были такими яркими и страшными. Может быть, сказывалось напряжение последних дней, а также убогая обстановка этой гостиничной комнаты, чем-то напоминавшая монастырскую келию... И вызывающая соответствующие воспоминания. "Я словно умерла, – подумала она. – О, Боже! Боже! Когда же мы, наконец, выберемся отсюда? И что это – за шум?"

– Анна! – послышался знакомый голос.

– Да-а. – девушка встрепенулась и села на кровати. – Ты уже вернулся, Жеан?

– Мне пришлось, – вздохнул тот. – Из-за дождя. Он начался так внезапно...

– Дождь?

– Ну, да. – собеседник Анны сбросил плащ и сел рядом с ней на кровать. – Это так странно, ведь с утра погода была ясная. И ничего подобного не предвещало.

– Но ты виделся с тем человеком?

– Нет. – Жеан потрянул головой. – Он не пришел. Я полагаю, из-за дождя. Но возможно... – юноша запнулся. – И по другой причине. Если его арестовали...

– О, Боже!

– То больше мы его не увидим. А раз так – то нам нельзя здесь больше оставаться. Мы должны уйти.

– Сейчас? Ночью?

– Уже светает.

– Но куда мы пойдём в такой дождь? – девушка в ужасе схватила его за руки. – Куда? Сколько нам ещё бежать и прятаться?

– Анна!

– Жеан, я больше не хочу так жить! Не хочу и не могу! Постоянно ждать, что нас узнают и отправят в тюрьму, выше моих сил!

– Анна!

– И ты тоже виноват! Ты ведь доверился этому человеку. Отдал ему все наши деньги и что получил? Ничего. Он просто забрал их и не пришел. Да и зачем ему помогать, делать фальшивые бумаги каким-то незнакомцам, которых он знать не знает!

Жеан встал и отошел к окну. Анна какое то время смотрела на него, горящими от гнева глазами, а потом вдруг задрожала и заплакала.

– Прости, – бормотала она, всхлипывая. – Я совсем сошла с ума. Просто мне так страшно... Так страшно...

Жеан снова подошел к кровати. Но на этот раз он привлек ее к себе и девушка почувствовала, что одежда на нем промокла насквозь.

– Прости меня, Анна, – прошептал он. – Я так люблю тебя! И я тоже больше не могу.

Она попыталась от сторониться. И тут же почувствовала резкую, разрывающую боль в груди. Перед ее глазами все поплыло и исчезло во мраке.

Жеан наклонился над ней. Девушка, пронзенная кинжалом в сердце, лежала неподвижно, с полузакрытыми глазами и выражением недоумения на таком юном и таком прекрасном лице.

– Прости меня, Анна, – прошептал он. – Скоро мы будем вместе. Навсегда вместе, любимая...

Луна снова появилась из-за туч. На равнине, за городом Арматьер, кое-где из темноты выступили низкие, коренастые деревья. Появился так же и Лис. Он катил свои волны, похожие на потоки расплавленного свинца. Но людей здесь уже не было. Ни на берегу, ни в лодке, плывущей по реке.

О графе де Ла Моль. Роман «Королева Марго» Александра Дюма.

Около трех часов дня, в одной из комнат Лувра, двое молодых людей за не имением другого занятия – проводили

время за дружеской беседой. Один из них, был небезызвестный граф Жозеф-Гиацинт-Бонифас Лерак де ла Моль, а второй – не менее известный и то же граф – Аннибал де Коконнас.

– Может, все же нам стоит куда-нибудь пойти? – спросил уже не в первый раз, граф Коконнас. – День чудесный и проводить его в четырех стенах довольно глупо.

– Да, согласен. – вздохнул Ла Моль. – Но что делать? Я обещал моей королеве остаться сегодня в Лувре. А ты если хочешь, иди один. Мэтр Ла Юрьер получил на днях превосходное вино из Анжу.

– Да, я его уже пробовал. На мой вкус – оно слишком уж легкое. Хотя Анриетте понравилось.

– Ты был там вместе с герцогиней? – удивился Ла Моль.

– Да, представь себе. – с нарочитой небрежностью подтвердил Коконнас. – Два дня назад она пожелала взглянуть на местечко, где мы обычно обедаем. Так что пришлось выполнить ее желание.

– Сколько же людей вас видело?

– О, довольно много, – пожал плечами Коконнас. – Впрочем, для этого посещения, Антриетта нарядилась соответственно: взяла платье служанки и к тому же, надела маску.

– Значит ее не узнали?

– Нет.

– Вам очень повезло, дорогой друг, – заметил Ла Моль. – Ведь герцогиня достаточно известная особа.

– Как и твоя королева. – усмехнулся Коконнас.

Ла Моль бросил на него укоризненный взгляд.

– Моя королева, Аннибал, все же не так не осторожна.

– Гм, наверно. – с готовностью согласился Коконнас. – С тобой она стала более благоразумной, чем с другими.

– Просто королева любит меня больше, чем других. – возразил граф и при этом его красивое, бледное лицо заметно омрачилось.

От Коконнаса не укрылось настроение друга.

– Так и есть. – сказал он. – Но сейчас она не свободна. А ее муж...

– Ее муж проводит все время с мадам де Сов. – прервал его Ла Моль. – И об этом известно всем.

– Вот именно. С некоторых пор это даже слишком известно, ты не находишь?

– Ну, в Лувре такие тайны недолго хранятся. – вздохнул Ла Моль. – К тому же король Новары очень неблагоразумен и легко себя выдает.

– Как и мадам де Сов! – подхватил Коконнас. – Повезло же этому новарскому глупцу, что у него есть жена, которая благодаря тебе, обрела благоразумие и занялась политикой.

– Аннибал!

– Хорошо, хорошо. Я и слова не скажу больше о королеве Маргарите. И все же, дорогой мой друг, – заговорил Коконнас уже другим тоном. – Я не вижу смысла так страдать из-за какой-то дурацкой политики. Если тебе не могут уделить внимания, так почему бы тогда, не заняться чем-нибудь... Или кем ни будь?

– Я тебя не понимаю.

– Что же тут не понятного? Давай отправимся к тому же мэтру Ла Юрьеру или еще куда ни будь?

– Я не могу нарушить свое обещание, Аннибал. – со вздохом возразил Ла Моль.

– Ты полагаешь, что королева очень огорчиться?

– Да, полагаю.

– Даже если ты пойдешь к ее подруге?

Ла Моль задумался.

– Не знаю... – проговорил он. – Мне бы не хотелось вам мешать. К тому же герцогиня вряд ли обрадуется, если на свидание мы придем вдвоем.

– Зачем же – вдвоем? – рассмеялся Коконнас. – Ты можешь пойти и один. А я могу написать герцогине, чтобы она приняла тебя и утешила по дружески в твоей печали. Что скажешь?

– Скажу, что ты слишком далеко заходишь в своей друж-

бе, – натянуто улыбнулся Ла Моль. – И можешь потерять и свою любовь и расположение королевы.

– Ну, вряд ли я потеряю Анриетту. – все так же весело заметил Коконнас. – Однако, в последнее время, она очень уж заинтересовалась тобой. И даже не считает нужным это скрывать.

– Вполне возможно, что ей нечего скрывать. Если ее интерес вполне невинен...

– Не думаю. – возразил Коконнас. – Невинный интерес, мой дорогой друг, бывает только у невинных девушек. А герцогиня, отнюдь не невинна! Так почему бы тебе не воспользоваться ее интересом... С моего согласия?

Ла Моль отрицательно покачал головой.

– Нет, спасибо. Мне не стоит так злоупотреблять твоей дружбой и интересом герцогини Невэрской.

– Как хочешь. Но может тогда тебе стоит приударить за Жийоной? Она же так ревностно служит королеве, что и тебе могла бы услужить!

– У меня другое представление о верной службе, – помор-

щился Ла Моль.

– Похоже что так. – продолжал веселиться Коконнас. – И ты многого себя лишаешь! Дорогой мой Гиацинт, верная любовница – это прекрасно, но верный любовник, это не то что плохо, это – нелепо! Люби одну женщину и развлекайся со всеми – таков мой девиз.

Ла Моль хотел что-то сказать, но не успел. В дверь постучали.

– Кто это явился? – буркнул сразу посерьезневший Коконнас.

Этим кем-то оказалась, уже упомянутая им, служанка Маргариты – Жийона. Она вошла и протянула Ла Молю сложенную и надушенную бумагу.

– Вам письмо, граф, – сказала служанка. – Ответа не надо.

Ла Моль поблагодарил ее и девушка вышла. Граф поспешно развернул послание. Лицо его прямо сияло.

– Что же пишет вам королева? – осведомился Коконнас.

– Пишет, что ждет меня в нашем домике, в Клош-Персе.

– Когда?

– Через час. – Ла Моль взглянул на стенные часы.

– А ты, конечно, отправишься туда немедленно?

– Дорогой Аннибал – да! Я не смогу усидеть в четырех стенах! Ведь столько я ждал этого! Когда она... Когда я... Наконец то, увидимся!

– Вот как? Теперь совместное времяпрепровождение в спальне – уже так называется?

– Аннибал!

– Ладно, не будем ссориться из-за неудачных слов. Поступай, как знаешь. А я, пожалуй, вздремну до вечера.

И Коконнас принялся раздеваться. Ла Моль не дожидаясь окончания его туалета, выскользнул из комнаты, а потом и из Лувра.

Коконнас же улегся в постель и попытался уснуть, но тут в дверь постучали снова.

И снова – это оказалась Жийона.

– Ну, что еще? – недовольно осведомился Коконнас. – Опять послание?

– Да, граф. – подтвердила служанка. – Но на этот раз от самой королевы Наварской.

– Что значит от самой королевы? Разве в первый раз вы принесли письмо не от нее?

– От нее, но передала его мне герцогиня Невэрская. А сейчас послала сама королева.

– Что ж, хорошо. Я передам его Ла Молю, когда он вернется. Надеюсь, его величество не ждет немедленного ответа?

– Нет, не ждет.

– Тогда прощай, милая Жийона!

– Прощайте, граф де Коконнас.

Как только служанка скрылась за дверью, Коконнас быстро развернул второе послание. Оно гласило следующее:

"Мой любимый Гиацинт!

Боюсь, наша встреча откладывается еще на целые сутки. Прости, что я ничего тебе не писала, но я ни на минуту не остаюсь одна и это письмо, станет единственным за все это время. Но что я могу поделать? Мой брат Карл и моя матушка проявляют ко мне и к королю Наварскому такое неожиданное и пристальное внимание, что мы к нашему сожалению, вынуждены постоянно находиться вдвоем. Вот и сегодня, Карл потребовал нашего присутствия на приеме и хотя я оговорилась нездоровьем и осталась в своих покоях – меня в покое не оставляют! Рядом со мной неотлучно пребывает мой муж и почти неотлучно – королева Екатерина. Прошу тебя подождать еще, мой единственный и мой обожаемый Гиацинт. Как же я хочу встретиться с тобой! Всегда твоя – Маргарита".

Граф Коконнас сложил послание и усмехнулся.

"Похоже, Анриетта все же решилась удовлетворить свой интерес, – подумал он. – Вот ведь – бестия! Ну, ничего, я ей этого так просто не спущу! Что же до Ла Моля... То он так жаждет свидания с королевой, что вряд ли что заметит. Особенно если в комнате будет темно, а герцогиня постарается сойти за королеву: оденет ее пеньюар и выльет на себя ее любимые благовония. Умно придумано, ничего не ска-

жешь! Впрочем, Ла Молю я ничего и не скажу. А что до второго письма, то ему его лучше не видеть. Вряд ли герцогиня признается ему, что выманила его на свидание подложным письмом и выдала себя за королеву... Хотя, кто знает! Может утром ей и придет в голову такая фантазия! Так что дождемся утра..."

Утром Ла Моль вернулся в Лувр, немного усталый и совершенно счастливый. Коконас сделал вывод, что свидание прошло успешно для обоих и Ла Моль подтвердил его вывод, заметив:

– Она любит меня, Аннибал. Если бы только знал, какой нежной и какой страстной может быть любимая женщина, ты никогда бы не предложил мне твою герцогиню.

– Я знаю, – вздохнул Коконнас. – Можешь мне поверить. Она... просила тебя о чем ни будь?

– Да. Она просила, что я никому не говорил об этом свидании. Даже тебе. И взяла с меня слово, что и с ней, при следующей встрече, я не буду о нем говорить.

– Необычное условие, ты не находишь?

– А разве в королеве Маргарите есть что-то обычное? – спросил Ла Моль. – Ведь она не простая смертная женщина!

– А кто же она тогда?

– О, она богиня, мой дорогой друг! И как сказал Вергилий Марон: "Настоящую богиню видно по походке!"

– Да, когда света достаточно. – согласился Коконнас.

– Что?

– Ничего, Гиацинт. Отдыхай. А я, пожалуй, нанесу визит герцогине Невэрской. И передам ей одно милое послание... От ее августейшей подруги.

О Люсьене Шардоне и его возлюбленных. Роман «Блеск и нищета куртизанок» О.Бальзака.

Прошое.

Прошое – это прошое.

Каким бы оно не было, но оно все же прошло и больше никогда не вернется. Никогда...

Молодой человек горько вздохнул. До начала спектакля оставалось совсем немного времени, но он продолжал прохаживаться в фойе и продолжал вспоминать. О том, что слу-

чилось с ним два года назад, когда он впервые оказался в Париже, когда он впервые пришел в театр со своим приятелем и когда впервые увидел ее на сцене.

Тогда Корали была в костюме испанки и выглядела в нем, как подлинная дочь Андалузии: черноволосая, золотисто-смуглая и изящная. Он смотрел на нее не отрывая глаз, опасаясь только одного, что это дивное видение исчезнет. Исчезнет, как и подобает видению, стоит только погаснуть лампам и упасть занавесу. В тот вечер это не случилось, однако через год...

Люсьен снова вздохнул. Корали уже нет, а он и сейчас испытывает все те же чувства. Или... Предчувствия? Но почему? Почему?

Он остановился. Его взгляд, до этого так же блуждающий и растерянный, тоже остановился, словно наткнулся на препятствие. Впрочем, многие сочли бы такое препятствие очень привлекательным. Даже не смотря на более чем скромный наряд.

– Что Вам угодно, месье? – спросила девушка и голос ее, мягкий и чуть гортанный, прозвучал как музыка.

Люсьен отступил на шаг.

– Простите меня, мадемуазель, – сказал он. – Я просто задумался. Когда то давно я встретил здесь одну девушку...

– Давно?

– Два года назад. Но иногда два года – это целая вечность.

– Вы ее разлюбили?

– Нет, – Люсьен покачал головой. – Она заболела и...

Умерла.

Девушка вздрогнула.

– И что же? – прошептала она. – Я на нее похожа?

Люсьен все так же отрицательно покачал головой. Незнакомка ничуть не походила на Корали. Но она тоже была черноволосой и ее кожа, пусть и не такая смуглая, тоже хранила теплый золотистый оттенок. Корали напоминала об Испании, а в этой девушке, пусть и бедно одетой – словно воплотился библейский Восток, мечтательный и чувственный.

– Нет, вы не похожи, – он тоже понизил голос. – И все же, когда я увидел Вас, то сразу вспомнил о ней. – Да? – девушка подняла на него глаза, темно-серые, почти черные и удивительно прекрасные. – Вы странный человек, месье!

– Нет, я не странный. Я просто поэт.

Девушка улыбнулась. Люсьен ответил ей улыбкой, но при этом на его глаза навернулись слезы. Он поспешно сморгнул, чтобы скрыть их, но безуспешно.

– Месье, – девушка схватила его за руку. – Успокойтесь! Если Вам так плохо, мы можем уйти отсюда...

– Уйти? Куда?

– Мы можем пойти к... – она на мгновение запнулась. – К моей подруге. Она живет недалеко.

– А ваша подруга разве не будет против?

– Не знаю, – девушка задумалась. – Возможно, ей это не понравится. Но тогда может нам просто пойти погулять?

Ведь еще не так поздно. Месье?..

– Люсьен, – молодой человек умолк, не решаясь продолжить и свою очередь спросил: – А как зовут Вас, мадемуазель?

– Эстер, – быстро проговорила девушка и тоже умолкла. Однако он тогда ничего не заметил.

Прошлое это прошлое. Оно проходит, его нельзя изменить, его нельзя вернуть, но как бы там не было, оно повторятся. Всегда повторяется.

Эстер Гобсек, куртизанка, более известная под именем Торпиль, умрет, как и Корали, повторяя его имя, через пять лет после этой встречи.

О Фиби Холливелл, ее сестре Пайпер, о их мужьях и продавце мороженого. Сериал «Зачарованные».

Фиби Холливелл.

Она сидит или лежит, запрокинув голову и неторопливо перебирая пальцами по подушке... Или по ручке кресла. И голос ее звучит тоже неторопливо.

– Я всегда выбирала плохих парней. Наверное по этому у меня не было долгих отношений.

– Наверное?..

– Самые долгие отношения были с Коулом. Он был полудемоном. Но это было давно. Очень...

– Очень?..

– Мне не хотелось бы говорить о нем. После него были и другие. Но...

– Но?..

– Сейчас я хочу другого. Не жить прошлым, и тем более, не совершать прошлые ошибки.

– Ошибки?...

– Я больше не буду страдать из-за них. У меня должна быть семья. Не только мои сестры.

– Должна?..

– Я не хочу больше быть одинокой. Я хочу, наконец, быть счастливой!

– Наконец?..

– Я люблю Купа. Я никого не любила кроме него.

– Никого?..

– Мы всегда будем вместе. Всегда! И мы будем счастливы!

...Ты, действительно, веришь в это, Фиби?..

Счастливая Фиби.

В моем доме светло и чисто. Он не большой, но если говорить откровенно, я никогда не любила большие дома. Мо-

жет быть потому, что в одном из таких домов прошло мое детство и самая большая часть моей жизни? Да, это вполне может быть. И, скорей всего, есть.

В моем доме много зелени. Зеленые ковры, зеленые обои, а так же цветы... В керамических горшках, с огромными листьями, тоже ярко-зелеными. В шкафу лежат блузки и платья, того же оттенка, и даже покрывало и простыни. Куп когда то сказал, что зеленый цвет дарит покой и гармонию. Это вполне может быть. И, скорей всего, есть.

В моем доме очень хорошо. Особенно, когда я прихожу в него после работы. Как хорошо тогда сидеть в мягком кресле, завернувшись в теплый плед, пить мелкими глоточками горячий шоколад из толстой чашки и смотреть на Купа... Который сидит рядом, такой хороший и такой радостный. Его радость согревает меня, как тот же шоколад. Я говорю ему об этом, не помню какой по счету раз и каждый раз Куп улыбается. А потом говорит, что любит меня и всегда будет любить.

Я ему верю.

Это вполне может быть. И, скорей всего, есть.

Но...

...Не смотря ни на что, я хочу, чтобы Ты снова появился и разворотил всю мою жизнь к чертям.

Лишние вопросы.

"Вы когда-нибудь скучали по себе?"

В последнее время она стала задавать себе подобные вопросы все чаще. Может быть потому, что у нее появилось больше времени? Дети уже подросли и не требовали такого пристального внимания, сестры теперь жили отдельно и приходили в гости только на выходные и то не всегда, а муж... Муж следовал их примеру. У него была работа, были дела... Какие именно, она не интересовалась. После десяти лет брака, люди перестают обращать внимание на многое. И нелюди – тоже.

Пайпер улыбнулась. На кухне пахло ванилью и сейчас она чувствовала себя юной девушкой. Той, которой была когда то.

"Вы когда-нибудь скучали по себе?"

По человеку, которым вы были до того, как вам впервые разбили сердце?.."

Тогда она была наивной, застенчивой и мечтающей о своей семье, о любящем муже и конечно же, о детях... Она видела себя такой же любящей и заботливой женой, своими руками создающей уют и порядок в своем доме. Что ж, многое из того, о чем она грезила тогда, исполнилось. У нее есть муж, есть дети, есть дом, есть уют и порядок. Но она уже давно утратила наивность и застенчивость. Может быть это случилось в тот самый день?..

Пайпер горько усмехнулась. Она была влюблена, она верила, что именно он есть и будет любовью всей ее жизни. Однако, все оказалось не так. Ее возлюбленный не мог любить никого, и к тому же был демоном. Первым демоном, из многих, которых она убила. Первым! "А что, если бы он не захотел меня убить? Если бы он остался со мной, то как сложилась бы наша жизнь? Может быть мы были бы счастливы? Были бы?"

Пайпер снова усмехнулась. Вопросы, опять вопросы. Откуда они только берутся? И главное – зачем? Что они могут изменить в ее жизни? Ничего. У нее есть дети, есть муж, есть сестры... Фиби.

Фиби?

"Вы когда-нибудь скучали по себе?"

...Перед тем, как вас предал человек, которому вы доверяли?"

Это случилось не так давно. Тогда она потеряла Прю и только-только узнала Пейдж. Она стала Старшей в триаде Зачарованных и особенно нуждалась в поддержке Фиби. Но той было не до нее. Фиби оказалась еще более слабой и еще более уязвимой, чем новообретенная Пейдж. Она сбежала с демоном, причем не на край света, а к нему, в Подземный мир. И неважно, что это продолжалось недолго. Или все таки – важно?

"Ты не хочешь забыть об этом? Не хочешь, хотя Фиби уже раскаялась и вернулась? Можно ли, да и мыслимо ли, быть такой жестокой?"

Пайпер вздохнула. Конечно, она уже давно перестала быть человеком, но тем не менее, она же не стала демоном! Она только убивает их, что бы они не вредили и не убивали лю-

дей. И убивает их, их же средствами. А ее муж...

Что – ее муж?

В последнее время Лео вел себя странно. Но может быть, ей просто так казалось? Ведь их брак нельзя назвать обычным. К тому же Хранители не люди и не колдуны. Однако, то, что она наблюдает, ей не нравится. Раньше Лео больше занимался целительством. Теперь же он предпочитает сражаться. А разве для светлого Хранителя это нормально? А что, если со временем, Лео станет таким же, как Коул? А может, он уже стал?

На мгновение у Пайпер перехватило дыхание. Потом она снова вздохнула. Нет, хватит, с нее на сегодня. Хватит! У нее есть дети, есть муж, есть сестры... И она не хочет больше задавать вопросов.

"Вы когда-нибудь скучали по себе?

По человеку, которым вы были до того, как вам впервые разбили сердце или перед тем, как вас предал человек, которому вы доверяли?

...А я скучаю."

Сила Пайпер.

Беда пришла утром.

Нельзя сказать, что это случилось неожиданно – Пайпер уже несколько дней ощущала какую то смутную тревогу, но ни как не могла понять, из-за чего или из-за кого она ее испытывает... Ведь все, вроде бы, обстояло благополучно. Дети были здоровы, Лео пребывал с ней, Пейдж в очередной раз влюбилась и Фиби тоже переживала радости любви и материнства. Однако, она все же тревожилась. И как оказалось – не зря.

– Нам надо поговорить, – сказала Фиби, появившись на кухне, где, как обычно, с утра пораньше находилась Пайпер. – Это очень серьезно.

– Да? – та слегка нахмурилась. – У тебя какие то проблемы?

– Нет, не совсем, – быстро ответила Фиби. – Просто я поговорила с Купом и мы решили... Какое то время пожить отдельно.

– Вот как?

– Постарайся понять меня, дорогая, – Фиби тряхнула головой. – Сейчас нам уже ничего не угрожает! А раз так, то почему бы нам не порадоваться жизни и не пожить, как все нормальные люди?

– Мы не нормальные люди, – сухо возразила Пайпер.

– Да, конечно, – согласилась Фиби. – Но теперь мы можем жить как они... И я не понимаю, зачем нам от этого отказываться?

Пайпер не ответила.

Какое то время они молчали. Потом она спросила:

– Когда же... Когда вы решили уехать?

– Скоро, – улыбнулась Фиби. – Как только подыщем подходящую квартиру.

Пайпер тоже улыбнулась. Улыбка ее была нежной и мягкой и растроганная Фиби обняла сестру.

– Ты всегда была добра ко мне, – сказала она. – И всегда поддерживала.

– Так будет и впредь, дорогая, – ласково проговорила Пайпер. – Ты же знаешь.

– Да, я знаю. Спасибо тебе... За все.

Пайпер слегка смутилась. Фиби заметила это и больше не стала ничего говорить. Вместо слов она только пожала сестре руки и вышла.

Пайпер осталась одна.

Взгляд ее скользнул по кухонным полкам и остановился на книге рецептов. Рецептов там было великое множество, но все же, в последние пять лет, она перепробовала их все... И большую часть – именно на Фиби. Рецепты здоровья, рецепты усиления или уменьшения силы, рецепты радости и рецепты забвения. К рецептам забвения Пайпер прибегала особенно часто. Потому что она любила младшую сестру и хотела, чтобы та была счастлива. Несложное колдовство. Однако, чтобы оно действовало, требовалась самая малость. Нельзя было допустить ее отъезда...

– Я помогу тебе, Фиби, – прошептала Пайпер. – Помогу... Как всегда.

Семейное счастье.

На кухне пахло ее любимым печеньем. Фиби вдохнула и зажмурилась, стараясь не смотреть при этом на Тернера. Однако, не смотреть на него было весьма затруднительно. Кухня не отличалась большими размерами, а вот Тернер, как раз, именно ими и отличался. К тому же он еще был очень красив: черные, вьющиеся волосы, смуглое лицо, большие, синие глаза...

– Что у тебя случилось? – спросил он, пододвигая ей тарелку с печеньем.

– Ничего! – буркнула Фиби.

– То есть, ты хочешь поговорить об этом с Пайпер?

Она пожала плечами и надкусила печенье. Обсуждать свою семейную жизнь с мужем сестры ей совсем не хотелось. Зато Тернер придерживался другого мнения. Увы!

– Все так плохо? – спросил он. И Фиби не выдержала.

– Хуже не куда! – выпалила она. – Еще немного и я точно сбегу! Или его прикончу!

– За что?

– Да за все! – зло прищурилась Фиби. – У меня уже сил никаких нет!

– Ну, это вряд ли, – возразил Тернер. – Силы у тебя явно в избытке.

– Прекрати язвить, Коул! – огрызнулась Фиби. – Это совсем не смешно!

– Вижу, – согласился тот. – Так что может все-таки расскажешь, что у вас происходит?

– Ничего.

– Ничего?

– Именно. Ничего! Лео меня просто бесит. Одним своим видом – бесит. Ну, почему? – Фиби сжала руки. – Почему он такой... Правильный и хороший?

– А тебе, значит, нужен неправильный и нехороший?

– Я этого не говорила! – возмущенно воскликнула Фиби.

– Ну, конечно, – подтвердил Тернер. – Но после того, как ты заявила, что тебя бесит хороший и правильный, то что еще можно подумать?

– Я не знаю, – Фиби отодвинула тарелку с печеньем и нахмурилась. Тернер снова посмотрел на нее.

– А я вот знаю, – сказал он.

– Знаешь? – Да. Семейная жизнь всегда такая.

– Паршивая?

– Вовсе нет. Ты же сама говоришь, что Лео хороший и правильный. А с хорошими и правильными именно так и получается.

– Что – получается?

– Фиби, скажи откровенно, какого мужа ты бы хотела? Неужели наглого и безответственного, который бы стал пропадать неизвестно где... И неизвестно с кем?

– Нет, уж. Спасибо!

– Тогда зачем ты говоришь, что у вас все плохо?

– Потому что мне действительно плохо!

– А ты уверена? Ты действительно в этом уверена?

Фиби не ответила. Какое то время на кухне царили тишина и молчание. Фиби усердно поела печенье, а Тернер изучал рисунок на салфетке. Затем она встала.

– Я пойду, пожалуй, – сказала она. – Лео должен скоро вернуться. Так что, извини.

– Не за что.

– Гм... Как бы не так! Ты прекрасный адвокат, Коул. Пайпер с тобой очень повезло.

– Это мне с ней повезло, Фиби. Как и тебе с Лео.

Фиби улыбнулась.

– Я же говорю, ты прекрасный адвокат!

– Буду надеяться, что ты не попросишь меня доказывать это в суде.

– Нет. Пожалуй, нет.

Фиби вышла. Тернер проводил ее взглядом и взял с тарелки печенье, сладкое и нежное, с чудесным запахом. Запахом ванили. Запахом счастья.

8 причин.

В общем и целом, моя работа ничем не хуже любой другой. Она мне даже нравилась – до недавнего времени. Как и во всякой работе, в ней, разумеется, были свои плюсы и свои минусы, однако, опять же с недавнего времени, мину-

сов стало куда больше, чем плюсов. И именно о них я и хочу рассказать.

Итак:

Минус 1. Это – фургон. Я, конечно, понимаю, что старая модель смотрится очень мило и, конечно, привлекает очень много внимания. Но вы не представляете, сколько на него уходит бензина! Я уже не говорю о ежегодных техосмотрах и ремонте. И с каждым годом делается только хуже – фургон стареет, да и я сам тоже не молодею. Но это уже к Минусу 2.

Минус 2. При приеме на работу, мне никто не удосужился объяснить, что кроме продаж, я еще буду заниматься уборкой того же фургона. Впрочем, не буду придираться рабочее место убирают все. Вот только убирать каждый вечер холодильник – очень тяжело. Ведь я, повторяю, уже не молод.

Минус 3. Колокольчики. Их приходится использовать постоянно. На предложение сделать музыкальную запись, следует ответ: "Но это же наша обычная практика!" И все. О том, что практике в обед сто лет, никто из вышестоящих даже не задумывается. Увы!

Минус 4. Униформа. Ее выдают один раз в год. Она представляет собой длинный белый балахон а-ля Пьеро. Это уже

не увы, а самый настоящий – ужас, но до него нашему начальству тоже дела нет.

Минус 5. Клиентура. Мы ее теряем. Теперь дети почти не появляются на улице, разве что в праздники и обязательно в сопровождении родителей. К тому же большинство из них ходят в наушниках и звона колокольчиков не слышат.

Минус 6. Бумажная волокита. Я упоминал ранее ремонты и техосмотры. Осталось упомянуть так же налоговую службу и службу санитарную. Как жаль, что их нельзя засунуть в холодильник! Как жаль!

Минус 7. Полиция. Да, в последнее время, прибавилась и она. Ведь сейчас развелось столько извращенцев! А в наше время, разгуливать в белом балахоне и звонить в колокольчики – само по себе уже извращение.

Минус 8. Мне просто надоела моя работа. Я все понимаю: борьба Света и Тьмы, Зла и Добра, Судьба Мира и Равновесие Вселенских Сил – но не сорок же лет подряд! Я сыт всем по горло и я ухожу. Вернее – уезжаю. Туда, где ничего подобного нет и куда никакие силы никогда не заглядывали. А для отлова малолетних злых волшебников посредством продажи им мороженого – ищите другого дурака. Помоложе.

Подпись (неразборчиво)

Число – проставлено.

О Вольхе Редной и наемнике Вале. Роман «Белорийский цикл о ведьме Вольхе»

В Догева.

Зима в Догева обычно очень долгая и очень холодная. Раньше я этого не замечала, но теперь все иначе. Теперь я боюсь, что умру именно зимой... И, скорей всего, боюсь не зря. Ведь ведьм предчувствия не обманывают. Вот и сегодня... Ночью я почти не спала, а утром Вал еле смог меня разбудить.

– Вольха, да проснись же, наконец!

– М-м...

– Вставай! Тебе пора идти.

– Нет.

– Да! Вставай, тебя уже заждались.

Я отчаянно зеваю. Идти никуда не хочется, но увы! Я лицо официальное, как-никак Верховная Ведьма, и обязана присутствовать на всех церемониях, как вот сейчас... Нужно идти на прием. Или, вернее, на очередную встречу.

Встречу Повелителя Догева и его жены. А мне это совсем не нравится. Хотя Лереена приезжает в Догева не чаще четырех раз в год и старается не задерживаться надолго, меня подобное обстоятельство отнюдь не радует. По многим при-

чинам...

Хотя... Нет. Причина всего лишь одна. Мне исполнилось семьдесят. И для меня, человека, пусть даже наделенного магического способностями, это слишком много. Тогда как для вампиров – Лереены и ее мужа – семьдесят лет, совсем ничего...

– Вольха!

– Ну что тебе?

– Давай я с тобой пойду, а? – предлагает мне Вал.

– Нет, уж, – отмахиваюсь я от своего благоверного. – Сиди лучше дома. Там вполне и одной развалины хватит...

О Джоффри Баратеоне, о Сансе и о Арье Старк, о Бриене Тарт и других... Дж.Мартин «Песнь Льда и Пламени»

Его высочество.

Когда-то Серсея Ланнистер была первой среди красавиц Вестероса. Она и сейчас хороша собой: высокая, стройная и светловолосая Серсея по прежнему привлекает к себе взгляды окружающих ее людей – мужчины смотрят на нее с восхищением и с вожделением, а женщины с завистью. Через несколько лет они так же будут смотреть на ее дочь, Мирцеллу. Что же касается его самого...

Джоффри подходит к зеркалу. Из гладкой, темной глади на него смотрит стройный, светловолосый красавец. Он весь, целиком и полностью, пошел в мать и в ее род, тогда как от

отца, Роберта Баратеона, не взял ничего. И это его огорчает, особенно в последнее время.

В последнее время... Отец начал уделять ему больше внимания, ведь теперь Джоффри стал уже достаточно взрослым. Но Роберт истинный Баратеон: сильный, уверенный в себе, откровенный во всем и со всеми. Тогда как он... Он, увы, этими качествами не обладает. От слова – совсем.

Его мать подобная не схожесть только радует. Серсея слишком гордится своим происхождением и своим отцом, ее и после замужества продолжают называть – Ланнистер. К тому же она часто ссорится со своим мужем и после ссор откровенно его ненавидит. Причем настолько откровенно, что ее ненависть замечают все. Вполне возможно, что в будущем это еще создаст ему проблемы. Хотя... Не слишком вероятно. Ведь Роберт Баратеон относится к нему с неизменной добротой, пусть Джоффри и не похож на него, однако он все же его сын. И этого никто не изменит, никто и никогда. Даже – Серсея Ланнистер...

Джоффри вскидывает голову. Теперь его взгляд устремлен не в зеркало, а в окно. Там за окном слышится шум, там собралось много людей. Джоффри прислушивается и почти сразу слышит голос Роберта Баратеона, он сразу перекрывает весь шум. "Через год я обязательно поеду с ним на охо-

ту," – думает Джоффри и эта мысль его радует. Что же до матери, то о ней он думать не хочет. В конце концов у нее, кроме него, есть еще дети! Есть Мирцелла, есть Томмен. Пусть заботиться о них, а ему ее опека уже не нужна. Сейчас ему нужен отец. Сейчас и потом... Всегда. Он конечно же постарается стать на него похожим. Чтобы потом, в будущем, никто не посмел бы назвать его – Ланнистером. Его запомнят только Баратеоном. Джоффри Баратеоном.

И никак – иначе.

От ненависти до любви.

Санса Старк ему не понравилась...

Он и сам не понимал – почему? Ведь та была очень хороша собой: хороши были и светлые волнистые волосы, и светлые мечтательные глаза, и кожа, светлая и гладкая, как редкий и дорогой шелк. К тому же она была истинной леди – благородной и воспитанной. И, конечно же, ее отец был другом его отца... Самым близким другом.

Джоффри Баратеон недовольно поморщился. Думать о прошлом сейчас, ему не хотелось. Но именно сейчас, накануне его свадьбы с другой, память упорно и настойчиво возвращала его в те дни, когда он, с отцом и с матерью, пребывал в Винтерфейле. Когда король, его отец, договаривался со

своим другом и лордом Хранителем Севера о брачном союзе между их семьями...

Джоффри снова поморщился. Он вспомнил, как смотрела тогда на леди Сансу его мать. Королева Серсея была очень недовольна, потому что решение мужа породниться с семьей Старков, она приписывала не заботе короля о будущем их сына и уж точно не политической и династической выгоде. Королева никак не могла забыть о сестре Нэда Старка – Лианне, которая была невестой Роберта Баратеона и которая умерла еще до свадьбы. Король очень любил Лианну и тоже не мог ее забыть... До сих пор. Так что королева подозревала, что брак Джоффри король устраивает в память о прошлом, а отнюдь не ради будущего!

Джоффри Баратеон вздохнул. Тогда, в Винтерфейле, он поддержал не мать, а отца. Ничего другого ему не оставалось. Он уже вышел из детского возраста и чтобы там не говорила ему мать, но он, как будущий король, должен был думать не об ее стародавних обидах, а о продолжении династии. Союз с Севером принес бы не мало выгод. Да и Санса Старк, сама по себе была очень мила и красива. Неужели можно было мечтать о лучшей жене, чем она? Вот только... Она ему совершенно не нравилась.

С отцом он, конечно, не стал говорить о своих чувствах.

И уж подавно, ничего не сказал о них своей матери! Королева Серсея вполне могла потребовать во всеуслышание разорвать помолвку. Подобное требование, разумеется, стало бы страшным оскорблением для первого лорда Севера. А Север воспринимает оскорбления ничуть не лучше, чем Львиный Дом Ланнистеров...

Джоффри усмехнулся. Теперь воспоминания о тех днях вызывали у него усмешку, однако усмешка была неизменно горькой. Если бы тогда он мог знать! Но он ничего не знал. И король, его отец, так же не о чем не догадывался. Да и как, как он мог догадаться, что после его смерти, самый близкий его друг, ложью и клеветой запятнает его имя, его честь, честь его жены и детей? И зачем? Ради чего? Неужели дочь брата короля, дочь Станниса, больная и маленькая дурнушка стоит того? Но лорд Старк предпочел закрыть глаза на ее уродство и немощь, лишь бы в будущем его собственный сын получил трон Семи Королевств. А Санса... Ну, что такое – Санса? Она же не наследник, не сын...

Джоффри Баратеон закрыл глаза. Леди Санса – светлая и тоненькая, словно стояла перед ним... И вызывала у него только одно чувство: ярость. Но в этой ярости присутствовало что-то еще, сладостное до дрожи. Наверное потому, что именно она давала ему чувствовать себя королем: могущественным, суровым и справедливым. И только за это он

мог быть благодарен леди Сансе. Да он и был, конечно, ей благодарен. Ведь она до сих пор была жива...

Санса Старк ему стала нравиться. С недавнего времени.

Королева Червей.

На свете осталось немного вещей, которые могли бы доставить ей удовольствие. Эта как раз была одной из них, но к счастью для нее, да и для себя, лорд Петир Бейлиш не догадывался о том, что происходит. И, как нетрудно догадаться, подобное положение тоже доставляло ей удовольствие.

– Леди Санса, – лорд Бейлиш учтиво склоняет голову. – Прошу Вас, выслушайте меня.

– Довольно, – просит или, вернее, требует она. – Имейте хоть какое то уважение к моему горю!

– Но, леди Санса...

– В недавней битве я потеряла своего последнего брата! А вы... Вы!

– Я вам очень сочувствую, миледи. Увы! Но разве мы все не потеряли своих родных и близких?

– Вы никого не потеряли, лорд Бейлиш, – возражает леди Санса с подобающей кроткостью. – Ведь мой кузен жив. Не так ли?

– Ваш кузен, миледи не отличается крепким здоровьем. И, поверьте, меня это сильно беспокоит, особенно в последнее время. Если вы отправитесь со мной в Долину...

– Нет, лорд Бейлиш, – перебивает его леди Санса. – Нет, я не могу!

– Не можете?

– Я не оставлю Винтерфел, – отвечает она. – Пока душа моего брата не упокоится с миром, я останусь здесь.

Лорд Бейлиш бледнеет. Она замечает это, но не подает вида.

– Вашего брата? – переспрашивает он. – Его тело уже привезли?

Леди Санса скорбно качает головой.

– Нет, милорд. Нет. Сейчас я говорила о моем младшем брате. О Риконе.

Петир Бейлиш тоже принимает скорбный вид.

– Простите меня, леди Санса. Я передам ваш ответ лорду Долины и уверен, ваш кузен поймет, что при подобных обстоятельствах вы не могли поступить иначе.

– Я напишу ему сама, лорд Бейлиш, – с все той же скорбью в голосе подхватывает она. – Надеюсь, вы передадите мое письмо?

– О, конечно, конечно, леди Санса.

Она одаривает его признательным взглядом и направляется в свои покои. Лорд Бейлиш смотрит ей вслед, однако по прежнему ни о чем не догадывается... И это радует ее и доставляет удовольствие.

Леди Санса достает письмо. Оно написано уже давно, но есть еще кое-что, что ей остается сделать. Она берет чернильницу, встряхивает ее опрокидывает на бумагу. Та быстро впитывает прозрачную жидкость... А леди Санса ждет, когда она высохнет.

"Надеюсь, Вы не откажитесь прочесть мое письмо, лорд Бейлиш, – размышляет леди Санса. – Прежде чем переда-

дите его моему кузену... И, надеюсь, вы не имеете обыкновения читать чужие письма в перчатках, как делает ваш дорогой друг Варис! Впрочем, в любом случае вы проиграете. Стоит только мне рассказать, как в последнее время вы домогались моей руки и никто не усомниться в вашей вине. А потом... Потом, когда вы умрете с моим кузенком, все будет по другому!"

Она счастливо улыбается.

На свете осталось немного вещей, которые доставляют ей удовольствие, но именно их леди Санса особенно ценит. Ну, а что касается самой цены – то ее она не смущает.

Уже давно.

Леди Полночь.

Путь им предстоял очень долгий и вино, что так долго хранилось в подвалах Винтерфела, было очень кстати. В свете факелов оно переливалось в драгоценных кубках, подобно живительному солнечному свету. Немного сладкое, немного терпкое... И крепкое – совсем не немного.

Санса сжала кубок и улыбнулась всем присутствующим. Присутствующие ответили ей тем же, и только ее брат, ныне признанный королем Севера и новоявленная королева Дей-

енерис Таргариен, ничего не заметили. Ибо они были слишком заняты друг другом...

Санса с той же улыбкой, отвела взгляд в сторону. Впервые за много времени она чувствовала себя молодой, счастливой и прекрасной. Совсем как тогда... Перед отъездом в Королевскую Гавань.

Санса прикусила губу. Сейчас ей не хотелось вспоминать о том времени и уж давно ей совсем не хотелось думать о покойном отце и о сестре, возможно тоже уже покойной. Последнее, впрочем, было более чем возможно. Оно, скорее всего, было вероятно.

Она снова перевела взгляд на брата. Тот почти не прикасался к вину, как и его серебряноволосая собеседница. Но все же они несколько раз отпили из своих кубков и этого вполне должно было хватить. Как и другим. Но с другими, будет быстрее. Хотя... Скольким из них суждено погибнуть в грядущей битве с порождениями Ночи?

Король Севера, наконец, заметил ее взгляд и тоже улыбнулся. Улыбка его казалась искренней, радостной и доверчивой, как всегда... Вот только раньше он не стал бы ей улыбаться. Но это было бы раньше. Не теперь!

Санса снова отогнала ненужные воспоминания. Прошлое осталось в прошлом, его нельзя изменить, а значит и думать о нем не к чему. Что же касается будущего... То оно тоже уже исполнено. Причем именно здесь и именно сейчас, так что думать о нем тоже не стоит.

"Я все забуду, – размышляла она. – Я смогу, потому что никто не сможет мне не о чем напомнить. К тому же я стану королевой. Скоро. Совсем скоро!"

Санса вздохнула, радостно и предвкушающе. По залу Винтерфейла вновь понеслись клики, все вновь подняли кубки, наполненные вином. Вином, с прекрасным и незабываемым вкусом летнего солнца.

...И древнего яда.

Боги справедливы.

Боги справедливы?.. Еще недавно, Арья Старк не стала бы спрашивать об этом. Она была уверена, что Боги справедливы, ведь так говорили ей отец и мать. Но теперь... Теперь они оба были мертвы и уверенности больше не было. Да и не могло быть! После того, что случилось и после того, что Боги сотворили с ней и со всеми Старками, о справедливости следовало забыть. Навсегда. Навсегда?.. Арья закрывает лицо руками. И при этом, собственные руки кажутся ей чужи-

ми, настолько они грубые и жесткие. У дочери лорда они не должны быть такими, во всяком случае ей недавно так тоже говорили, но не родители, а Санса.

– На кого ты похожа? – возмущенно вопрошает она. – Посмотри только на свои руки! Даже у Робба они чище!

– А тебе то что?

– Я твоя сестра!

– И что?

– А то, что мне стыдно за тебя перед людьми!

– Люди уже давно привыкли! – пожимает плечами Арья.

Но Санса возмущается еще больше.

– Я не про слуг говорю!

– Да?

– Да! Скоро в Винтерфел приедет король. О чем он подумает, когда увидит тебя?

– Пусть думает о чем хочет. Мне все равно.

– Но мне – нет! И отцу, я уверена – тоже.

– Если это так, то отец сам мне скажет, – возражает Арья.

Санса смотрит на нее с все тем же возмущением и ей становится смешно.

– Хватит уже, Санса, – говорит она. – Король Роберт едет к отцу, а не ко мне.

– Он едет к нам! Отец полагает, что король хочет предложить ему место при дворе и, возможно, он хочет заключить союз между нашими семьями.

– Чего ты беспокоишься? Ты ему точно понравишься.

– А ты?

– А при чем тут я? – смеется Арья. – Я в любом случае останусь дома. В Винтерфеле!

– Вряд ли ты останешься здесь надолго.

– Почему?

– Потому, что после меня ты тоже выйдешь замуж.

Арья закусывает губу. Ей уже не смешно, совсем не смешно. Скорее – страшно.

– Я не хочу, – говорит она. – Нет!

– Это не тебе решать, – замечает Санса. Но теперь не возмущенно, а насмешливо. Она смотрит на сестру... И бросается бежать. Прочь, подальше, от нее, от дома, от непрошенных мыслей. Замуж? Нет! Она не хочет выходить замуж, не хочет становиться такой же противной, как старшая сестра! Она не хочет и никогда не захочет. Никогда. Ни за что! Арья останавливается. Прижимает руки к груди, стараясь успокоить дыхание. Сердце у нее колотится и в глазах темнеет. А в ушах у нее по прежнему звенит голос Сансы:

– ... Ты тоже выйдешь замуж! ... Не тебе решать!

– Почему? – спрашивает она. – Боги, почему?

Тогда, впервые, Арья взывает к Богам. Если Боги сделали ее такой, какая она есть, то они не должны допустить, чтобы она вышла замуж! Она должна жить по другому и рядом с ней должен быть тот, кто тоже не похож на других. Вот только какой может быть эта другая жизнь, она не знает... И даже не представляет. А потом...

Потом, внезапно, всего за один год ее жизнь меняется. Арья Старк теряет все: Винтерфел, отца, сестру, братьев и мать. У нее остается только жизнь, жизнь и ничего больше. Свое имя она уже не произносит. А Он...

С первой же встречи Он зовет ее просто – девочкой. Какое то время они проводят вместе. Затем Он уходит, но перед тем как уйти, Он говорит ей куда именно направляется. В храм Многоликого Бога. Ибо Он нужен там, не здесь. Не рядом с ней. Арья пытается его удержать. Но все ее попытки – тщетны. Ей остается только одно – смотреть как Он уходит... И кусать губы от ярости и бессилия. Однако, возненавидеть его, как других, оставивших ее, она не может. И однажды она идет туда, куда ушел Он – в храм Многоликого Бога.

– Забудь кто ты. Забудь свое лицо, свое имя. Забудь все, – голос служителя храма тих и спокоен и глаза смотрят так же.

– Да, – шепчет она. – Да. Я забуду все. Клянусь! Я забуду.

– Забудь кто ты, – повторяет служитель. Арья снова клянется. Но ее клятва – сплошная ложь. Она ни на мгновение не забывает, что она, Арья из семьи Старков и что враги ее семьи, которым она поклялась отомстить – живы. Она не задумывается, что двое... Нет уже трое из них – мертвы. Она не хочет видеть волю Богов... И вот наступает день, когда она перестает видеть совсем.

– Девочка, – доносится до нее знакомый голос и Он снова оказывается с ней рядом.

– Якен? – шепчет она. – Якен?..

– Это не мое имя, – отвечает Он.

– Но это же ты? – она хватает и сжимает его руки. – Это – Ты? О, Боги...

– Многоликий тебя покарал... Девочка.

Арья продолжает сжимать его руки. Он рядом. Теперь Он никуда от нее не уйдет, никогда ее не покинет. И жизнь ее будет другой... Потому что она станет той, кем создали ее Боги, не дочерью благородного лорда, но дочерью тех же Богов, она будет мстить не врагам своей семьи, а врагам всех людей. Всем, кто ввергает мир в пучину бед и смуты. Как же раньше она не поняла этого? Почему не попыталась понять? В первую же встречу, когда Он попросил ее о помощи и предложил свою, она должна была понять и принять волю Богов, но нет! Она так ничего и не поняла и ничего не исполнила. И еще – она лгала. Лгала не только служителю храма, но и самому Богу.

– Это кара Многоликого, – произносит Якен.

– Да, – соглашается Арья. – Боги справедливы.

Советы.

Нельзя сказать, чтобы Рамси Болтон любил советы. Да и самих советников, если на то пошло, он не очень то жаловал. Впрочем, их было очень мало, не больше трех или четырех и конечно же, Рамси позаботился от них избавиться. Но, увы! Один из этой тройки или четверки все же остался в живых и теперь он выслушивал очередные советы.

– Тебе нужно быть очень осторожным, – говорил тот. – С Мизинцем очень опасно вести дела... Тем более, такие.

– Такие? – повторил Рамси, желая добиться от собеседника большей откровенности.

– Личные, – не замедлил пояснить он. – Твой брак с Сансой Старк может оказаться опасным. В первую очередь – для тебя.

– Не понимаю. О какой опасности ты говоришь?

– Я говорю о Ланнистерах. Королева уверена, что леди Санса причастна к смерти ее сына. К тому же есть еще Тирион.

– Этот урод?

– Он ее муж, как ни как.

– Скорее – ни как, – усмехнулся Рамси. – Если моя жена оказалась девственной!

– Как бы там не было, Тирион вряд ли согласится с ее вторым браком.

– Сейчас он вряд ли на что-то способен. Да и возможно, он уже мертв, благодаря той же королеве Серсее.

– Ты так полагаешь?

– Я так предполагаю... Отец, – Рамси запнулся на этом слове, затем продолжил. – Королева была уверена, что Тирион убил ее сына. Зачем же ей оставлять его в живых?

– Тогда кто же убил ее отца? Если не Тирион?

– У лорда Ланнистера были и другие враги.

Лорд Болтон ненадолго задумался.

– Возможно, ты прав, – наконец сказал он. – Но это только возможно... А не точно. К тому же есть и другая опасность.

– Какая?

– Другие лорды. Наследница Старков слишком выгодная партия, для любого из них. К тому же сама леди Санса...

– Леди Санса сама согласилась стать моей женой.

– О! – усмехнулся Болтон. – Она и за Тириона Ланнистера выйти согласилась. И где он теперь? Скитается под чужим именем или уже мертв, как ты предполагаешь.

Теперь задумался Рамси.

– Я очень благодарен тебе, отец, что ты обо мне беспоко-
ишься, – заметил он. – Я запомню все, что ты мне сказал.

– Будь осторожен, мой сын, – повторил лорд Болтон.

Рамси не замедлил с ним согласиться. После чего, он не замедлил уйти... И тут, почти сразу же, столкнулся с Мирандой.

– Мне нужно сказать тебе кое-что, – начала она.

– Что еще? – спросил Рамси, оборачиваясь к ней.

– Я хочу тебя предупредить.

– О чем?

– О твоей жене, – последнее слово Миранда выговорила с нескрываемым отвращением.

– Вот как! – усмехнулся Рамси. – И что там с моей женой?

– Она... – Миранда стиснула руки. – Она точно что-то замышляет! Я уверена! О, Рамси! Зачем ты только на ней женился?

– Ты знаешь – зачем.

– Но ведь ты не собираешься оставлять ее в живых? Не собираешься? Иначе...

– Я знаю. – Рамси шагнул к ней. – А ты, успокойся, наконец!

– Как я могу?

– Можешь... Можешь. – он толкнул и прижал ее к стене.

Миранда застонала.

Некоторое время им было не до разговоров. Но, когда он оставил ее, Миранда заговорила вновь:

– Она опасна. Я чувствую, эта Старк доведет тебя до беды.

– Это вряд ли, – возразил Рамси. – Она ничего из себя не

представляет.

– Значит, ты скоро избавишься от нее?

– Не скоро, – усмехнулся он.

Миранда понимающе кивнула.

– Конечно, тебе же нужен наследник от нее. Но потом...

– Потом я разберусь сам.

– Но я тоже хочу!

– Это будет не очень весело, Миранда. Как я могу отправить свою жену в лес и спустить на нее собак? Или подвесить ее на крюк и снять кожу?!

– Так обвини ее в измене. Это же нетрудно. И тогда ты сможешь ее казнить... Очень весело.

– Нет.

– Почему – нет?

– Потому что я не собираюсь делать из себя посмешище.

Обманутый муж! Только этого еще не хватало. Мне вполне подойдет родильная горячка или что-то в том же роде.

– А-а...

– Так что придется нам подождать, Миранда.

Девушка согласно закивала. Она выглядела довольной и возбужденной. Да и он сам испытывал те же чувства. Ведь эти беседы и советы относительно его жены (а в последнее время они случались часто) изрядно горячили ему голову. И не только голову.

Санса Старк...

Она, действительно, ничего из себя не представляла. Робкая и нежная, мягкая и покорная, Санса сама по себе не способна была вызвать у него желание. Но другой жены, кроме нее, Рамси тоже не желал. Ведь другая вполне могла оказаться опасной. Так что...

"Пусть себе стараются, – подумал он. – Конечно, после рождения наследника, в котором они мне так помогали, мне придется избавиться от Миранды... И от отца, скорей всего, тоже. Но к тому времени я уже смогу назначить себе советника. А может еще и десницу назначу."

Нельзя сказать, что Рамси Сноу любил советы.

Но Рамси Болтон, с некоторых пор, стал относиться к ним по другому.

Примечания:

Вот такая эротика, понимаешь...

Цареубийца.

В воздухе отчетливо пахло благовониями. Бриенна Тарт вдохнула и зажмурилась. Как в храме. В храме, запах благовоний был обычным делом. Но здесь... Здесь он был связан со всем с другим или, вернее, с другой. А именно – с Дейенерис Таргариен.

В первый раз она увидела ее не здесь, в Королевской Гавани, а далеко отсюда – на Севере, в Винтерфейле. Тогда же Бриенна впервые ощутила этот аромат благовоний, слабый и едва уловимый. Но, тем не менее, он присутствовал. Леди Санса тоже заметила его, и не смотря на всю свою выдержку, не смогла скрыть удивления.

– Никогда бы не подумала, что королева Дейенерис поль-

зуются притираниями, – сказала она Бриенне, как только они остались одни. – Как странно!

– Почему вы так думаете, миледи?

Леди Санса улыбнулась.

– Женщины на юге пользуются разными средствами, чтобы ухаживать за собой, – ответила она. – Но, они, как правило в возрасте. А Дейенерис Таргариен еще молода... И красива.

Последние слова леди Санса прибавила почти шепотом. Однако, Бриенна услышала его.

– Вы намного красивее ее! – пылко заверила она.

– Я думала не об этом, – возразила леди Санса. – Красивее она или нет, неважно. Достаточно того, что мой брат ей очарован, да и другие лорды тоже.

– Вашему брату нужны союзники, миледи.

– Я все понимаю, – согласилась она, но в ее согласии не чувствовалось большой радости.

Бриенна сразу же это заметила.

– Миледи, если союз с Таргариен вам не нравится, то скажите о том вашему брату.

– Не думаю, что мои слова что то изменят, Бриенна, – вздохнула леди Санса. – К тому же ты права. Моему брату нужны союзники. Пусть даже Таргариены.

Больше они о Дейенерис не говорили. А потом случилось слишком много всего и Бриенна забыла об этом разговоре. И только когда они оказались на приеме в королевском дворце, в Королевской Гавани, она снова вспомнила о нем.

Тогда, кроме них, там находилось много людей. И все же, их присутствие ничего не решало и ничего не меняло. На железном троне, под охраной чужеземной стражи сидела королева. И она, только она, заполняла собой все.

Бриенна вздрогнула, вдыхая запах благовоний, затем посмотрела на леди Сансу. Ее госпожа испытывала похожие чувства, однако продолжала держаться достойно, как и подобает дочери лорда Старка. Королева слегка побледнела, но приветствие леди Сансы ответила очень любезно. Пожалуй, даже слишком любезно, что сразу же заметили все и конечно же, Петир Бейлиш. Лорд Долины.

– Вряд ли вам стоит оставаться при дворе, леди Санса, – заметил он.

– А я и не собираюсь здесь оставаться, – спокойно ответствовала она.

– Вы намерены вернуться на Север?

– Да. – леди Санса по прежнему оставалась спокойной. – Но почему вы находите странным мое желание вернуться домой, в Винтерфейл?

– О, нет, леди Санса, – возразил Петир. – Я отнюдь не нахожу ваше желание странным. Но, без сомнения, королева Дейенерис сочтет его именно таковым.

– Почему же, лорд Бейлиш? Королева выходит замуж за моего брата, а значит, после того, как он останется здесь, мое присутствие в Винтерфейле станет просто необходимым. Ведь я наследница лорда Старка.

– Именно так, леди Санса, – лицо Петира омрачилось. – Именно так.

– Что вы хотите этим сказать, лорд Бейлиш?

– Ничего, миледи. – он попытался улыбнуться, но улыбка у него вышла неприятной и не искренней. – Мне известно не больше вашего. К тому же...

– Что?

– Оставим эту тему. Подумайте лучше, сколько всего интересного и занимательного нас ожидает в ближайшее время. Свадьба, коронация и, разумеется, казни. По крайней мере – одна.

– Вы находите казни занимательными, лорд Бейлиш?

– Я нахожу, леди Санса, что королева постарается устроить казнь убийцы своего отца не только занимательной, но и весьма запоминающейся. Она уже вызвала лучших палачей с юга, так что нас ожидает весьма впечатляющие зрелище.

– Боюсь, что я не смогу на нем присутствовать, лорд Бейлиш.

– Напротив, леди Санса, вы будете на нем присутствовать. Королева особенно этого хочет. А разве желание королевы не закон для подданной?

– Вы правы, – согласилась леди Санса. – Но ведь казнь Джейме Ланнистера устроят еще до коронации?

– Не стоит так буквально настаивать на букве закона, миледи, – лицо Петира Бейлиша снова заметно омрачилось.

Леди Санса тоже помрачнела. Да и Бриенне стало не по себе. До этого дня она молилась всем богам, послать Джейме Ланнистеру смерть в бою, как его младшему брату... Но, увы, боги ее так и не услышали. И вот теперь... Что теперь?

Бриенна кусала губы. Джейме Ланнистера захватили и выдали Дейенерис его же собственные люди. До этого, он успел убить Серсею, свою сестру, совершенно обезумевшую, после смерти всех своих детей. Та пыталась взорвать дворец и заодно весь город, точь в точь как отец Дейенерис Таргариен, много лет назад... "Второй раз, – повторяла про себя Бриенна. – Второй раз!"

День его казни наступил очень быстро и, несмотря на ожидания, как то очень неожиданно. Это был солнечный день и даже не холодный. Впрочем, относительно последнего, ей могло и показаться. Когда Бриенна увидела Джейме Ланнистера, ей вдруг стало нестерпимо жарко. А потом он посмотрел на нее... Станный был у него взгляд, но предназначался он именно ей. Но чего он хотел от нее, чего ожидал?

Петир Белиш, кстати, сказать ничуть не ошибся в своих предположениях. Казнь заняла много времени и палачи потрудились на славу. Под конец, от Джейме Ланнистера не осталось почти ничего. Да и то, что осталось выглядело ничуть не лучше, чем разделанное мясо у мясника.

– Как вы думаете, дорогая, его хоть на одного дракона хватило бы? – спросила одна из пожилых леди у ее госпожи.

Леди Санса с сомнением покачала головой.

– Не думаю, миледи, – проговорила она. – Драконы очень большие.

– Ах, как жаль! Меня очень печалит, что теперь мы не сможем их увидеть здесь... Но вы, дорогая, конечно же, не откажитесь рассказать нам о них, не так ли?

– Вряд ли я смогу, миледи. Я видела драконов издалека и очень мало. Однако, я не сомневаюсь, что мой брат и другие лорды непременно о них расскажут.

– Ах, неужели? Но, надеюсь, вы останетесь при дворе?

– Да, я останусь.

– Я рада за вас. Не сомневаюсь, вы станете лучшим украшением королевского двора, да и ваш брат несомненно будет рад, если вы останетесь здесь, рядом с ним. . .

– Не думаю, что мне следует оставаться здесь на столь большой срок, миледи.

– О, боги! Только не говорите, что вы хотите вернуться на Север. Там же сейчас зима. Одумайтесь, дорогая, оставайтесь лучше здесь!

Она принялась рассказывать о преимуществах придворной жизни и леди Санса слушала ее с тем же благожелательным вниманием. . . Но Бриенне все больше становилось не по себе, и от восторженного щебета пожилой дамы и от лица ее госпожи, застывшего в благожелательности, как в маске. А когда они, наконец, вернулись к себе, в отведенные им при дворце покои, Бриенна встревожилась еще сильнее.

– Мне плохо, – тихо сказала леди Санса. – Кажется, я заболела.

– Этот день был очень тяжелым, миледи, – заметила Бриенна.

– Да, – согласилась госпожа. – Я, пожалуй, лягу и... откройте, ради всех богов, окно!

– Что?

– Я не выношу этот запах. А здесь он повсюду... Везде!

– Да, миледи, – поспешила согласится Бриенна.

Леди Санса вскоре заснула.

Прospала она недолго, не больше двух часов, а потом к Бриенне прибежала перепуганная служанка и сообщила ей, что госпоже совсем плохо. Она бросилась к ней. Леди Санса уже металась в жару и в беспамятстве.

– Как такое могло произойти? – испуганно вопрошала служанка.

Бриенна посоветовала ей не задавать пустых вопросов и найти поскорее лекаря. Служанка исполнила приказ, вернувшись через какое время с седым, как лунь, старичком и... с лордом Бейлишем. Причем, последний в отличии от первого выглядел куда более встревоженным.

– Леди Санса заболела очень не кстати, – заявил он. – Ведь

ее брат придет в ближайшее время! Боюсь, королева будет очень недовольна.

– Очень жаль, лорд Бейлиш, но королева должна понимать, что иногда случаются вещи, без ее согласия или приказа.

– Вы правы, миледи, – вздохнул лорд Бейлиш.

Прошло еще два часа. За окном уже сгущались сумерки, во дворце по прежнему было шумно и оживленно, все готовились к торжественному приему... А леди Санса по прежнему оставалась в кровати. Но уже смертельно бледная, неподвижная... Мертвая.

– Ужасно, – шептал лорд Бейлиш. – Ужасно.

Лекаря уже не было. Он ничем не мог помочь и Петир отослал его, когда леди Санса билась в агонии. Но сам лорд был здесь и Бриенна меньше всего хотела его видеть.

– Может вам лучше уйти? – наконец не выдержала она.

– Вы так этого хотите?

– Да, хочу! – подтвердила Бриенна, стискивая зубы. – Вам

нечего делать тут! У тела леди Сансы.

– Я был ее другом, миледи.

– Моя госпожа так не считала. Вы столько зла ей принесли! Если бы не ее брат...

– Если бы не ее брат, леди Санса была бы еще жива, – прервал ее лорд Бейлиш.

Бриенна на мгновение замерла.

– Что вы хотите сказать, милорд? – спросила она. – Я вас не понимаю!

– Не понимаете?

– Нет. Каким образом лорд Старк может быть причастен к смерти своей сестры?

Петир Бейлиш вскинул голову.

– Леди Сансу отравили. Я уверен в этом!

– Отравили?

– Да. Или вы полагаете, что ее внезапная болезнь, случайность?

– Но ее брат... Этого не может быть! Он бы не поступил бы так с сестрой!

– Он – нет. Но сейчас, его признали полноправным наследником своего отца и он должен жениться на королеве.

– И что же?

– Что? После его брака, все владения Старков отойдут короне. А леди Санса... Леди Санса могла бы это оспорить, в будущем. Ведь она, в отличии от своего брата, прямая наследница своего отца, а не признанная.

– Вы думаете, что это... Королева?

– Да, – лорд Бейлиш тоже стиснул зубы.

– Я в это не верю! Королева Дейенерис не способна на убийство!

– Королева думает о будущем страны и своей короны, – холодно заметил лорд Бейлиш. – Ей нужен Север. К тому же не забывайте, миледи, что Дейенерис еще и Таргариен!

– Не понимаю...

– Она – Таргариен, – повторил лорд. – Может кто то забыл об этом, но не она! Из тех, кто сверг с престола ее отца до недавнего времени, оставался только Джейме Ланнистер. Остальные уже мертвы... И все их потомки тоже.

– Это ложь! Ложь! Я в это не верю.

– Как вам угодно, миледи. Я не настаиваю. Я даже допускаю, что возможно вы правы и сама королева, не причастна к смерти леди Сансы. – лорд Бейлиш понизил голос. – Но ведь при дворе достаточно людей, которые и без приказа могут оказать услугу будущей королеве. А с ее ведома или нет – уже не важно. Ведь цели всегда оправдывают средства, не так ли?

Бриенна промолчала. Лорд Бейлиш тоже больше не прибавил ни слова, а потом, он и вовсе ушел... Она не заметила – когда, так как думала о другом. О другой.

О Дейенерис Таргариен...

Бриенна не помнила, как оказалась у ее покоев. Стража, сначала отказывалась о ней доложить, но вскоре на шум при-

бежала одна из служанок королевы и ее пропустили.

– Вы хотели меня видеть, леди Тарт? – королева Дейенерис отвернулась от окна и сделала шаг ей на встречу.

– Я не леди, – отпарировала Бриенна.

– О, – королева слегка приподняла брови. – И как же тогда вас называть?

Бриенна Тарт ответила не сразу. Какое время она смотрела на Дейенерис, вдыхая все тот же запах благовоний. Запах, который так не нравился ее госпоже, леди Старк. Запах королевы. Запах Таргариенов. А ведь Таргариены...

Таргариены никогда не принадлежали к роду людей. Тогда, на Севере, они уничтожили всех порождений Ночи. Белокожих, беловолосых, со светящими глазами... Нечувствительных к боли, к огню и к холоду. Уничтожили всех... Кроме одной, той, что сейчас стояла перед ней. В белом платье из тонкого шелка и в легких сандалиях, не смотря на то, что благородные леди уже кутались в меха и служанки одевали теплые платья...

И еще – Джейме. Она вспомнила его последний взгляд. Ведь она знала о нем то, что другие предпочитали не знать...

И то, что он доверил только ей. "Все Таргариены – безумны. А безумные не должны править."

Не должны!

Бриенна резко развернулась и взмахнула мечом. Голова с длинными белыми волосами подкатилась ей под ноги, кровь широкой волной залила стены, дорогие ковры на полу и ее саму.

– Цареубийца, – наконец выговорила она и повторила снова. – Цареубийца!

Вокруг нее кричали. Шум, звон оружия, люди... Смерть надвигалась на нее со всех сторон. Но теперь, по крайней мере, в воздухе уже не пахло благовониями. Только кровью.

Кровью...

Последняя и первый.

Зима близко.

Серые камни, серый лед и над ними небо – такое же серое и холодное. У Севера еще есть время, но его немного, совсем немного. И даже она, Дейенерис Таргариен, королева

из династии Драконов, ничего не может с этим поделать!

Зима наступает. С ней вместе на земли людей наступает и нечисть: холодная, как камни и лед, и белокожая, подобно снегу. Ничто и никто не может остановить ее, обычному человеку такое не под силу. Вот почему королеву Дейенерис и призвали сюда: для сражения с нечистью, людям нужны драконы... Жаль, конечно, что в другое время – это не так, однако она старается о том не думать. Ведь впереди грядет битва и, скорей всего, не одна. А прошлое... Пусть остается в прошлом. Вместе с будущем, которое для королевы Дейенерис уже никогда не наступит. Она – Последний Дракон. Последний! Другого больше уже не будет... Увы!

Серые камни, серый лед и небо над ними – такое же серое и холодное. Королеве-дракону невыносимо смотреть на них, но еще хуже бывает, когда она погружает свой взгляд в глаза недавно коронованного короля и Хранителя Севера – Рамси Болтона, первого своего имени...

Зима уже здесь.

Драконья королева.

Огонь способен уничтожить все.

Даже камни – эти огромные, серые и застывшие глыбы, не могут ему противостоять. Дейенерис вдыхает запах пожара, прижимается к шее своего возлюбленного сына и смеется, радостно и ликующе. Холодный ветер в небе, жаркий огонь на земле и стремительный полет между ними, что для нее, дочери Эйриса и матери драконов, может быть лучше?..

Внизу рассыпаются камни и умирают люди. Последние горят заживо на стенах замка или же задыхаются от жары и удушья в его подвалах. От Винтерфейла и от проклятых Старков ничего не должно оставаться, так она решила и так оно и будет! Благо сила, право и власть на ее стороне и пребудут с ней на века...

Дрогогн в последний раз облетает замок. Он не торопится, он предоставляет своей возлюбленной матери возможность подольше насладиться зрелищем огненной смерти. И Дейенерис наслаждается ей сполна. Как темным и сладким вином или как теплым и свежим мясом. Впрочем, вина на Севере, с некоторых пор, не достать. А вот мяса здесь более чем достаточно, причем на любой вкус!

Дейенерис подставляет лицо холодному ветру. Очень ско-

ро, ночью, Дрогог отправится на охоту и принесет ей свою добычу. Свежее, мягкое мясо, с очень вкусной кровью. И может быть, даже живое. В этом случае, она сможет с ним хоть немного поиграть. Слушать его мольбы, созерцать его слезы, ощущать его страх! Ну, а потом... Потом...

Дейенерис закрывает глаза в предвкушении ночи. Много еды и Дрогог рядом – неизменно пылкий и страстный. Она проводит ладонью по его чешуе и на мгновение представляет на ее месте гладкую, черную кожу. Жаль, конечно, что в своей второй ипостаси Дрогог мало похож на человека. Но она старается о том думать не слишком часто. Ведь Дрогог – ее дитя, ее возлюбленный, ее солнце и звезды...

А люди, с недавнего времени, для нее только еда и... Ничего больше.

Конец и начало.

Небо было совсем рядом: ослепительно-белое и холодное. Сплошь покрытая снегом, земля тоже казалось дышала холодом и смертью. Зато Джон Сноу, лорд командующий Ночного Дозора, почти не дышал и почти ничего не видел – только все ту же яркую белизну.

В ней он тонул и растворялся: окончательно и бесповоротно. Но, кроме этого было там еще что-то или... кто-то?

"Игритт!" – позвал умирающий лорд, однако ответа не услышал. Может, потому что он вовсе не хотелось слышать ее ответ? Но кого тогда он ожидал, кого хотел услышать, переступая навсегда порог смерти и приближаясь к вечности? Кого?

Свет внезапно исчез. Вместе с ним исчезло все – кроме его самого. А он... Он...

Джон Сноу попытался открыть глаза. Это получилось не так легко – веки упорно смыкались, да и видел он хуже. Белизна сменилась чернотой и в ней, время от времени, проступали то предметы, то люди. Людей, между прочим, было очень много, они казались ему знакомыми, однако при этом он никого не узнавал.

К тому же отовсюду шел запах вина – опьяняющий, сладкий и удивительно живой. Живой!

Джон Сноу судорожно вздохнул. Его тело по прежнему его не слушалось, хотя никакой боли он при этом не ощущал. Скорее, наоборот, ему было приятно, от уже выпитого вина, от предвкушения чего-то невыразимо сладостного. Вот только интересно – чего именно?

Бывший лорд командующий попытался вспомнить, но так и не смог. Его сознание жадно впитывало в себя новые ощущения: запахи, звуки и лица людей. До тех пор, пока не появилась Она.

Джон Сноу смотрел на нее, как замороженный. Юная красавица, как и все остальные, показалась ему знакомой и одновременно – неузнаваемой. Однако, смотреть на нее было так же приятно и радостно, как вдыхать и ощущать запах и вкус вина.

Она стояла прямо перед ним – высокая, стройная, в ослепительно белом наряде... Как снег, как свет, как смерть, как вечность – это была Она, наконец-то, Она! Слава Богам, не Игритт и не... Лианна?

– Милорд? – голос красавицы звучал встревоженно. – Что с вами? Вам плохо?

Джон Сноу наклонился к ней. Зал и люди в нем оставались прежними, однако теперь он вспомнил все и теперь мог смотреть и рассуждать здраво и ясно.

Боги вернули его назад, дали ему еще одну жизнь и, конечно же, он сумеет ей воспользоваться и больше не надеется ошибок. Особенно, если рядом с ним будет эта девушка, золотоволосая и зеленоглазая, прекрасная, словно летнее утро...

– Нет, миледи, – ответил новый король Вестероса. – Мне еще никогда не было так хорошо!

Принцесса Дорна.

Солнце клонилось к закату. Его яркие лучи переливались на гребнях волн и море от этого походило на вино: темное, искристое и пряное. Молодой кхал прищурил глаза и усмехнулся. За все время мысль о вине была единственной приятной мыслью. Ну, а что до остального, то тут поводов для радости он не видел. Долгое путешествие на корабле, долгое во всех смыслах воздержание и ради чего? Дорн уже давно не имел ни влияния, ни могущества и его принцесса, кстати одна из многих, не обладала никакими преимуществами. Разве что одним... Но по мнению его матери и главное, отца, это одно стоило и самого богатого приданного и самой влиятельной родни. Кровь драконов большая редкость, а в принцессе Рейле, дочери Арианны Мартелл и Визериса Таргариена – она была.

Молодой кхал перевел взгляд на брата. Тот так же смотрел на море и улыбался, как и он. Даже, пожалуй, больше, ведь он, сын вестероской львицы, к вину питал большое пристрастие...

– Говорят, принцесса Рейла очень милая девушка, – сказал младший брат кхала. – Она, конечно, не красавица, но во всем остальном совсем не плоха, и жена из нее получится хорошая.

– Года через два, – равнодушно согласился кхал. – А сейчас она еще ребенок. Тощая и страшная.

– Страшная?

– Так о ней говорят, – он пожал плечами. – Она больше похожа на дорнийку: маленькая, худая и смуглая, от отца у нее только волосы и глаза.

– И кровь, – тихо напомнил ему брат.

– Да, конечно, кровь, – в голосе кхала по прежнему звучало равнодушие.

Корабль заходил в порт. Молодой кхал по прежнему стоял на месте, но уже разглядывал не море, а берег. Последний

был заполнен людьми, казалось весь Дорн прибыл сюда, чтобы увидеть наследника дотракийского завоевателя. Там же, среди этой толпы, находилась и принцесса Рейла. Ее отец и она стояли чуть поодаль от других и над ними развевалось яркое, багрово-черное знамя с драконом... Молодой кхал опять переглянулся с братом, однако на этот раз, они уже не улыбались.

Воздух заполнили ликующие клики, на землю и в воду полетели цветы. Молодой кхал в сопровождении брата, шел неторопливо, разглядывая дорнийцев и предоставляя им возможность разглядеть его: будущего правителя огромного королевства, расположенного на двух материках, в жилах которого текла кровь легендарных драконов.

А знамя впереди – развевалось. Под ним стоял немолодой, беловолосый мужчина с узким лицом, одетый в цвета своего дома и рядом с ним была девушка. Принцесса Рейла.

Кхал шел по прежнему не ускоряя шаг. Его лицо ничуть не изменилось, как и взгляд. Он разглядывал изящную фигурку дорнийской принцессы: нежные плечи, прикрытые белоснежным шелком, тонкую талию, перехваченную длинным золотым поясом, маленькие ножки в сандалиях, отливающих все тем же золотом. Грудь кхал не разглядел – она была полностью скрыта богатым и роскошным ожерельем и,

скорей всего, скрыта намерено, так как была еще слишком мала. Что же до лица...

Кхал встретился взглядом с юной принцессой и на мгновение замер. Рейла Таргариен смотрела на него внимательно и спокойно, ресницы ее светло-лиловых глаз не дрогнули и не затрепетали – встретив его взгляд. Лучи закатного солнца переливались на ее коже, так же, как на поверхности волн, и в этих лучах она светилась, словно пламя: золотое и жаркое. Никогда прежде, наследник дотракийского королевства, уже познавший множество женщин, не встречал ни одну похожую на нее...

– Ты прав, Риго, придется тебе подождать года два, пока она подрастет, – сказал ему позднее его брат.

Солнце уже исчезло за горизонтом, сгущались сумерки, наступала ночь... Но молодой кхал все еще видел и солнце и солнцеподобную девушку и потому был непреклонен.

– Нет, – сказал он. – Я женюсь сегодня, сейчас. Прямо на этом пиру, в честь нашего приезда! Я не согласен, я не буду ждать еще два года. Это слишком долго.

О Ассоль. Книга «Алые паруса».

Этот дом, побеленный снаружи, с ярко-красной черепи-

цей и с резными ставнями, тоже закрывающимися снаружи ни чем не отличался от других домов в округе. Зато его обительница, к сожалению, ни чем не походила на своих соседок: женщин с великолепными, черными волосами, высоких, смуглых, белозубых и смеющихся по любому поводу. И все же, не смотря на это, Летика находил ее привлекательной. Особенно, в последнее время. И особенно, сейчас.

– Добрый день, су... Сударыня. Как вы здесь поживаете?

– Спасибо, хорошо, – улыбнувшись, ответила та. И после небольшой паузы, прибавила: – Сударь.

Летика слегка покраснел. А девушка по прежнему продолжала улыбаться.

– Артур опять послал вас ко мне, – заметила она. – Сам он, наверное, очень занят?

– Да, – подтвердил Летика. – Он очень занят, госпожа Асоль. К тому же меня послал не он.

– Вот как? – улыбка сошла с губ девушки. – А кто же тогда?

Летика тоже посерьезнел.

– Ну, вообще то я приехал к вам по просьбе его матушки, леди Грей. – сказал он.

– Леди Грей? – удивленно повторила Ассоль.

– Да, леди Грей. Ее все так зовут, из-за мужа. Разве капитан вам не рассказывал? Он вроде был графом и аристократом, так что она...

– Я знаю, – прервала его Ассоль. – Можете не рассказывать мне о ее происхождении и о семейных связях.

– Как хотите, – согласился Летика. – Но об остальном рассказать то можно?

– Об остальном?

– Она кое-что просила передать... – тут он запнулся, огляделся по сторонам и вдруг сменил тему. – Хороший у вас дом, госпожа! Вы сами его покупали?

– Нет, конечно, – девушка бросила на него недоумевающий взгляд. – Откуда у меня такие деньги?

– А ваш отец разве вам ничего не дает?

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Господин Летика, мой отец погиб год назад, когда вернулся домой из плавания.

– Вот как? Но ведь у вас остался его дом...

– Он сгорел. Вместе с моим отцом. Он выпил тогда лишнего...

– Очень жаль. – посочувствовал Летика. – А этот дом, значит, купил капитан? Вместе с обстановкой?

– Да, вместе с обстановкой. – подтвердила Ассоль. – Но почему вас это так интересует?

Вместо ответа Летика достал из кармана сложенную газету и протянул ей.

Девушка отступила на шаг.

– Что это значит?

– Вы лучше сами почитайте, госпожа Ассоль, – пожал плечами Летика. – Там пишут, что капитан Грей женился.

– Женился?

– Именно. Женился. Вступил в брак, как пишут, с Дианой Бегуэм, очень богатой и тоже, кстати, леди.

– Но это невозможно!

– Почему же невозможно?

– Потому что... Потому что мы женаты уже два года!

– Да с чего вы это взяли, госпожа Ассоль? – возразил Летика. – Вы ведь не венчались и в мэрии вроде не были... Или были?

Ассоль отрицательно покачала головой.

А Летика заметил, что лицо у нее стало таким же белым, как стена и глаза тоже словно потускнели.

– Сами понимаете, капитану сейчас не до вас, – продолжал он. – Но его матушка, леди Грей, женщина хорошая, поэтому она и решила вам помочь.

– Помочь? Чем?

– Помочь вам тоже вступить в брак.

– Что? – непонимающе проговорила девушка.

– А что тут такого? Она связалась со своим адвокатом, а тот связался со мной. Мы потолковали и пришли к соглашению. Леди Грей дает мне две тысячи и патент на открытие табачной лавки, за то что я на вас женюсь. Вот только жаль, что домишко этот не на вас куплен, а то бы мы за него тоже тыщонки две выручили... Ой! Что это с вами?

Вместо ответа, еще больше побледневшая Ассоль, опустилась на стул.

Летика шагнул к ней.

– Зачем же вы так, госпожа Ассоль? Зачем так волноваться? Я понимаю, что для вас это неожиданно, однако... – девушка по прежнему молчала и он прибодрился. – Может вам воды принести? Или покрепче чего?

Ассоль покачнулась на стуле и стала падать.

Летика подхватил ее, как пушинку.

– Ну, ничего! – буркнул он. – От счастья еще никто не умер!

О первых земных колонистах и о Чеди Даан. «Час Быка»
И.А.Ефремов.

Новая планета.

Тьма была рядом.

Непроницаемая, зловещая и холодная – она полностью заполняла немногочисленные иллюминаторы и многочисленные экраны звездолета. Но все же иллюминаторы можно было закрыть и не видеть их, а вот экраны... Экраны – нет. К сожалению, нет.

Брэд Ли вздохнул и потянулся к приборам. Короткий щелчок на пульте управления увеличил изображение планеты и тьма на экранах исчезла. Теперь они переливались светом, тоже зловещим и холодным, однако это был свет... Не тьма!

Брэд откинулся на в кресле. До окончания его смены оставалось немного времени. Да и дальнейшее пребывание на этом звездолете, тоже подходило к концу. Скоро, очень скоро, будет посадка на планету, а потом... Что потом?

– Вы не спите, Ли? – звонкий, знакомый голос прозвучал неожиданно и заставил его встрепенуться.

– Нет, – ответил он. – Как видите – нет. А вы? Вам тоже не спиться?

– Я не могу, – обладательница звонкого голоса виновато улыбнулась и опустила глаза. – Просто не могу... Я боюсь, наверно. Вернее – я очень боюсь.

Брэд тоже улыбнулся, но его улыбка была радостной, а не виноватой.

– Нам совсем немного осталось, – проговорил он. – Через сутки мы уже будем на новой планете. На прекрасной планете, можете мне поверить!

– Я верю, – звонкий голос на этот раз прозвучал тише. – Вам – верю.

Брэд слегка покраснел и снова перевел взгляд на экраны.

– Вы лучше взгляните сами, Рин. Вот сюда.

Девушка шагнула ближе. В синеватом свете, льющемся с

экранов ее лицо изменилось, оно стало почти неузнаваемым и каким то чужим. "Интересно, а как выгляжу я сам, – подумал Брэд. – В таком освещении?"

– Прекрасная планета? – задумчиво повторила Рин.

– Да, – подтвердил он. – Без вулканов, с мягким климатом и сама по себе – очень красивая. Там есть степи, есть леса и нет больших хищников.

– Кроме нас, – голос Рин заметно дрогнул.

– Мы – люди, – уверенно возразил Брэд. – Не хищники.

Рин с сомнением покачала головой.

– Вы так в этом уверены? – спросила она. – Даже после того, что уже случилось... И еще случиться на Земле? Ведь сейчас, там идет война, а может и людей не осталось... Со всем не осталось?

Брэд встал и взял ее за руки.

– Забудьте о Земле, Рин, – проговорил он. – На другой планете все будет по другому. У нас будет другая жизнь, другие стремления. И воин у нас тоже не будет.

Рин ненадолго задумалась.

– А у этой планеты есть название? – поинтересовалась она, прежним своим звонким и веселым голосом.

– Нет. – быстро ответил Брэд, – То есть... Я его не знаю. Но это неважно. Мы можем дать ей свое название.

– Какое?

– Ну, – он снова покраснел. – Мы можем назвать ее вашим именем.

– Моим? Почему? – удивленно протянула Рин.

– А почему – нет? Ведь раньше именами женщин называли тайфуны. И, конечно же, маленькие планеты.

– Но, Ли... Разве планеты не называли в честь богинь?

– Здесь и сейчас, Рин, каждая женщина – богиня. Мы можем поступить так: называть нашу новую планету, каждый год по разному... В вашу честь и честь других наших женщин.

– Вы шутите?

– Нет. Я просто хочу, чтобы наша жизнь стала новой, прекрасной и удивительной. А вы? Вы разве не хотите?

– Хочу. Очень хочу!

– Значит так и будет, Рин!

Они замолчали, но продолжали вглядываться в экраны. Синяя планета мерцала зловещим и холодным светом. И все же для них это был свет: новой жизни и новой надежды. Вот только...

Тьма по прежнему была рядом.

Примечания:

Увы! Идеализм без знаний – ведет в пропасть.

Другое небо

Небо было невозможно тусклым...

В детстве Шотшек часто смотрел на него. Бледно-голубое днем и бледно-черное ночью – другим оно не бывало. Но тогда ему казалось, что оно может быть другим. И сейчас, прямо сейчас, как только он запрокинет голову, он это увидит.

Однако годы шли и ничего не менялось. Шотшек перестал смотреть на небо. Он огляделся вокруг и увидел жизнь, такую же невозможно тусклую. Школа, дом. Работа, дом. Редкие выходные. Иногда – выпивка с друзьями. Иногда – девушки... И так все время, из дня в день. Пока однажды он не встретил ее. Чеди-зем.

Чеди-зем! Шотшек повторил про себя странное имя и скривился. Как и других, он встретил эту девушку поздним вечером. Как и другие, она гуляла одна и он предложил составить ей компанию. Как и другим, ей не пришло в голову ему отказать. Но когда Шотшек попытался продолжить знакомство в более уединенной обстановке, она вдруг сказала: "Нет!"

В первую минуту Шотшек не поверил своим ушам. Однако, Чеди-зем это повторила и ему пришлось поверить. Он попытался вразумить ее словами. Безрезультатно. Попытался действовать и тут произошло нечто невообразимое. Чеди-зем его ударила.

Он не сразу пришел в себя. Ее удар оказался очень сильным и болезненным. И что еще хуже – слишком много людей видели это.

В течении многих дней он пытался найти Чеди-зем. Он обошел все парки, все дворцы Развлечений. Она не появлялась нигде. И вот сегодня – появилась. На пустынной улице, одна.

Шотшек пошел за ней.

Чеди-зем шла легкой и быстрой походкой. Ни одна из здешних девушек так не ходила. Но он помнил, что Чеди-зем говорила, что она не здешняя...

– Бей ее этим, – друг сунул ему в руки кастет.

Шотшек кивнул. В знак согласия и благодарности.

Сейчас они были на лестнице – недалеко от Дворца Вечерних Удовольствий. Красно-лиловый свет падал падал каскадом с фронтона здания и в нем все выглядело очень ярким. Даже бледное ночное небо перестало быть тусклым. Оно было черным, словно уголь. Оно было... Другим.

Однако, Шотшек заметил это слишком поздно. После того, как ударил.

– Вы? – голос девушки прозвучал еле слышно. – За что?

Она попыталась встать на колени. Затем склонилась набок и упала.

Шотшек опустился рядом, приподнял ее лицо. Чеди-зем смотрела на него, без страха, с удивлением и... С жалостью.

У него перехватило дыхание.

– Нет! – крикнул он. – Не умирай!

Но она умирала. Свет в ее глазах остывал, хоть и был по прежнему ярким. Только Шотшек знал, что это ненадолго. Еще недолго и свет погаснет, еще недолго и наступит день и небо станет прежним... Тогда как с Чеди-зем оно могло быть другим. Другим, потому что она была другой. Ни на кого не похожей, единственной, несравненной... Он не понял этого сразу и теперь потерял все.

Через час тело Шотшека лежало в городском морге.

Наступал новый день. Люди продолжали жить, так же как жили.

И небо, по прежнему, было невозможно тусклым...

О Иване Тихонове и Сергее Майском. Сериал «След».

Сказка.

Стоит только выдаться свободной минуте и я смотрю на эту картину. Небольшую, в золоченной рамке. На ней изображены трава, деревья и солнце. Вернее – солнечный свет. Он проникает сквозь ветви деревьев и, благодаря ему, они светятся – снаружи и изнутри. И опять-таки, благодаря ему, лес на картине кажется необычным. Почти сказочным. А потом появляется Она.

Она идет, ступая медленно и величаво. Ее одеяние отличается золотом, тот же золотой отблеск играет в ее волосах, распущенных по плечам и спине. Ее светлые, прозрачные глаза напоминают и о Небесной Обители и о родниковой воде Земли, а так же о том, что Она принадлежит сразу двум мирам – Небесному и Земному. Она – Берягиня, прекрасная, сильная и смелая, покровительница и защитница всего Живого...

– Иван!

Сказочный лес исчезает. Вместо него появляется кабинет, похожий на зал ожидания. И... непосредственное начальство.

– Ты нашел уже что-нибудь?

– Да, – киваю я. – Восстанавливаю сейчас все его контакты за последний месяц.

– И сколько времени это займет?

– М-м... Не больше часа.

– Когда закончишь, зайди ко мне.

Я снова киваю. И смотрю, как уходит... Прекрасная Бе-региня моего волшебного леса... И начальник ФЭС, полков-ник полиции Галина Николаевна Рогозина.

Прелесть любви. (монолог Сергея Майского).

Я уже не помню, какой классик написал, что главная пре-лесть любви состоит в ее непредсказуемости. И, естественно, я не могу знать, испытал ли он на себе эту "прелесть" или же написал о ней просто в поэтическом порыве. Но то, что я в последнее время только и делал, что наблюдал за непред-сказуемостью любви и вынес из своих наблюдений кое-какие знания – тоже вполне естественно. И, возможно, безобразно.

Нет, ну, правда! Люди работают вместе, подходят друг другу по возрасту, с утра до вечера общаются. Что еще нуж-но что бы влюбиться? Кажется, ничего. А что же выходит?

Наша первая красавица, стройная, сексапильная Оксана Амелина каждую свободную минуту бежит к патологоанатому. Да, да. К седому, как лунь старичку, у которого внучка в ее возрасте. А тот? Тот достает из шкафчика припасенные для Оксаны сласти, говорит ей "солнышко мое" и улыбается такой глупой и счастливой улыбкой, что посторонний человек начинает опасаться за его умственные способности... Когда же его нет, Амелина сидит уткнувшись в комп или в бумаги, пьет чай без сахара и бурчит, что она на диете. Диета, как же. Интересно, только куда девается ее диета, когда патологоанатом выходит на работу?

Или Холодов. Серьезный парень, в очках, женатый и с ребенком. В последнее время он тоже зачастил в морг, хотя раньше одно только упоминание о вскрытиях вызывало у него чуть ли не дрожь. Ходит он туда в те дни, когда Амелина пребывает на диете, то есть когда в морге работает другой патологоанатом. Антонова. Как и он, она серьезная, замужняя и с ребенком. Причем, не с одним. Говорят они исключительно на производственные темы. Но глядя на краснеющего до ушей Холодова и опускающую глаза Антонову, начинаешь думать, что работа в ФЭС не только опасна и трудна. Она, между прочим может становиться и сугубо личным делом!

А Круглов? Тоже очень серьезный мужик. И тоже женат,

кстати. И жена у него вполне ничего. К тому же он, в отличных отношениях с Рогозиной. Возраст, вкусы и привычки – подходят. И что? А опять – ничего. Как только старичок-патологоанатом отсутствует, Круглов забегает к Амелиной и пытается угостить ее пирожным... Не взирая на то, что она каждый раз – отказывается.

Что же до Рогозиной... То Галина Николаевна все чаще вызывает к себе в кабинет Тихонова. У нее появилось очень много вопросов по его работе. Ванечка ходит в последнее время тише воды, ниже травы. Но когда его вызывают к начальству, уши у нашего компьютерного гения пылают, как у Холодова и улыбается он так же, как старенький патологоанатом. Вот только не знаю, называет ли он Рогозину своим "солнышком", выстаивая на ее ковре...

Впрочем, этого я и не хочу знать. Галина Николаевна! Галина. Галя. Галочка! Что ты со мной делаешь, а?

Не помню, какой классик написал, что главная прелесть любви в ее непредсказуемости.

Да, неужели?

О Джеймсе Мориарти. Сериал «Шерлок»
Второй шанс.

Времени у меня немного.

Так говорит мне этот идиот, с ученой степенью и с беспросветно унылой физиономией, по которой мне каждый раз хочется съездить от полноты чувств или от души. Хотя, насчет души, я, конечно, преувеличиваю. Ведь я никогда не верил в ее наличие, ни у себя, ни у кого-то еще.

Но тем не менее... Тем не менее, просто сидеть в ожидании своей кончины и перебирать в памяти события своей жизни – занятие не слишком приятное, да к тому же и бессмысленное. Прошлое – это только прошлое. Изменить его я не могу, да вообще-то и не хочу. А раз так – зачем забивать себе голову, тем, что совершенно не нужно?

Болей пока нет, а значит я могу поразвлечься. Не консультациями, а собственными делами. Разумеется, после длительного перерыва это рискованно, но чем я рискую? Тем, что меня поймают? Ну, положим, поймают, и что? Какая разница, где умереть – в тюремной больнице или в обычной?

Дела, дела. Я занят ими с утра до вечера. Полиция, как обычно, сбивается с ног и ничего не может найти. Полицейское руководство привлекает к работе кого только может: начиная с независимых экспертов и кончая экспертами-экс-

трасенсами. Да... Все это было бы смешно, если бы не было так печально.

Эксперты всех направлений тоже трудятся не покладая ног, рук, а некоторые – надо же! – и мозги напрягают. У одного из последних, то есть из тех, кто еще и думать умеет, это получается совсем неплохо. По крайней мере, если он еще не напал на мой след, то хотя бы понял, что за всеми недавними преступлениями прослеживается один план и стоит, скорей всего, один человек.

Надо присмотреться к нему внимательней.

Я так и делаю. Устраиваюсь на работу, поближе к его приятельнице, завожу с ней роман и – готово. Она представляет меня ему, как своего друга и сослуживца. Эксперт скользит по мне взглядом, изучая выставленные мной напоказ кое-какие улики. И представьте себе, ни на минуту не сомневается в их подлинности!

Обидно. Очень обидно. Но как бы то ни было, я довожу свою игру до конца. Отдаю ему свою визитку, однако, этот дотошный эксперт вряд ли ее сохранит, и уж точно не станет ее изучать. От меня он тоже отводит взгляд, то есть ведет себя как самый обычный среднестатистический и вполне нормальный мужчина. Без малейшего намека на какую-либо

гениальность.

Я прощаюсь и ухожу. Настроение – хуже некуда. Даже не знаю, кого материть: газетчиков, раздувающих сенсации из ничего, легковверных идиотов, эти сенсации подхватывающих, или себя самого? Хотя мне перебирать и выбирать не приходится. Вполне возможно, этот Шерлок Холмс все же не совсем безнадежен. С воображением, у него, правда, проблемы, но логика и наблюдательность – есть. Так что может дать ему второй шанс?

Ведь времени у меня остается – в обрез.

Две встречи.

За окном идет дождь. Лето в этом городе, ничуть не соответствует своему времени года. Но это вполне нормально и привычно для Лондона.

Я снова смотрю на стол, где лежит билет на самолет. Завтра меня уже здесь не будет. Завтра у меня будет другое имя и другая жизнь. Скорей всего недолгая, но не такая мерзкая, как последние полгода. После того, как погиб мой наниматель.

Его звали – Джеймс Мориарти. Сначала я решил, что он иностранец, но нет, он выглядел как типичный англичанин.

Ничего интересного или запоминающегося. Так, во всяком случае, мне показалось, когда я увидел его в первый раз, у Чарльза Милвертона. Последний, не жалея слов восхвалял своего "дорогого школьного друга Джеймса", а тот сидел со скучающим видом и даже не смотрел в его сторону. А когда Чарльз остановился, чтобы перевести дыхание, Мориарти обернулся ко мне и спросил:

– Вы согласны работать со мной?

Я поморщился. Его вопрос показался мне глупым. Причем, на редкость глупым.

– Нет, не согласен. – ответил я и добавил: – Как правило, я работаю один.

– Я тоже... как правило. – Мориарти проговорил это с явной иронией, но его лицо по прежнему ничего не выражало. – Но довольно часто мне приходится правила нарушать. И тогда мне требуется кто-то еще.

Мне стало не по себе. Парень, что называется, сумел меня подловить, так что теперь глупцом выглядел я сам. И, разумеется, мне это не нравилось. Совершенно не нравилось!

– Не волнуйтесь, охранять меня вам придется не долго. –

сказал он. – А плачу я прилично. Так как? Согласны?

– Я беру дорого.

– Знаю. Сколько?

Я сказал. Чарльз уставился на меня в полном изумлении. Очевидно, он ожидал, что я сделаю скидку по дружбе. И зря. В своей работе я никому скидок не делаю.

– Хорошо. – Мориарти поднялся. – Я позвоню вам в ближайшее время. И кстати... называйте меня не по имени.

Я снова почувствовал подвох с его стороны. Но на этот раз на него не попался.

– А как мне вас называть? – спросил я самым простодушным тоном, на который только был способен.

– Называйте: Мориарти. А я, – он бросил в мою сторону внимательный взгляд. – Буду звать вас – Моран. Вас это устроит?

– Вполне. – согласился я. – Не люблю фамильярности.

Он кивнул и вышел. Чарльз побежал за ним следом,

бормоча что-то насчет встречи в ближайшее время и своей радости по этому поводу. Я зевнул. А потом тоже поднялся, чтобы уйти.

Чарльз перехватил меня в дверях.

– Себ, ты хоть понимаешь, с кем только что познакомился? – спросил он.

– Понимаю.

– Тогда не делай такое лицо. Запомни, Джеймс Мориарти не терпит пренебрежения.

– Я тоже этого не терплю. – отрезал я. – И советую тебе это тоже запомнить.

Вот так прошла наша первая встреча. Вторая – была последней. Но между ними были звонки и его голос: спокойный и холодный. Со мной он всегда говорил так... Зато с другими его голос менялся, звучал то мягко, то чуть ли не жалобно. Да, иногда Мориарти намеренно становился жалким. Вот тогда-то мне и приходилось обеспечивать ему прикрытие.

Тогда я не понимал, зачем это ему требовалось. Но как

бы то не было, он жил какое-то время чужой жизнью и играл роль – совершенно на него не похожую и, как казалось мне, совершенно ему не подходящую. Роль парня – не слишком умного, не слишком преуспевающего и не слишком уверенного в себе. А затем... Затем он снова становился собой.

Вторая встреча – прошла у меня. Мориарти пришел ко мне в номер под утро. В безупречно дорогом костюме и бледный, чуть ли не до синевы. Впрочем, в нашу первую встречу он выглядел немногим лучше.

– Проблемы? – уточнил я.

– Да.

Он прошел в комнату и сел на стул.

– Моран, есть заказ. – сказал он.

Я кивнул, в знак согласия.

– Кто и где?

– Гм-м... Один мой знакомый. – Мориарти отрешенно смотрел в окно. – И возможно, я сам.

– Возможно?

– Если не убью себя, то – да.

Какое-то время я обдумывал услышанное. Потом спросил:

– Болезнь?

– Да. – Мориарти по прежнему избегал на меня смотреть. – Редкая пакость и главное, мучительная. Так что лучше покончить со всем сейчас. Когда я еще могу хоть что-то.

– Хорошо. Когда?

– Сегодня. – теперь он взглянул на меня. – Кофе найдется?

Кофе нашлось. А вот что касается дальнейшего...

Скажу сразу: работать мне не пришлось. Мориарти застрелился сам, как и собирался, а что до его знакомого... Он тоже покончил с собой: бросился с крыши и разбился. Я вернулся в номер. Снова заварил себе кофе и сел к телевизору. Передавали новости, но я их не слушал. На сотовом несколько раз высвечивался номер Чарльза, но я его упорно не брал. Говорить не хотелось ни с кем. А потом за окном

пошел дождь и мне стало совсем плохо. Я чувствовал что что-то где-то пропустил с Мориарти, но что и где? В памяти упорно крутилось, все что было с ним связано, но я ничего не мог найти. Скорей всего, потому что искать было нечего. Просто он оказался единственным моим нанимателем, которому я не смог помочь.

Ну что ж, завтра все будет кончено. Я уеду из Лондона. У меня будет другое имя и другая жизнь. Думаю, что недолгая. У таких, как я, другой не бывает. Как не было ее и у тебя. Джим.

О Такенаке Хамбэй, Катакуре Кодзюро, супружеской паре Маэда и других парах... Анимэ «Эпоха Смут»

После уроков.

Телефон был небольшим, но несмотря на размеры, выглядел внушительно. Или ему только так казалось? Юки еще раз посмотрел на телефон, потом перевел взгляд на его владельца. Тот сидел неподвижно, сложив руки на груди, и откинувшись назад спиной на спинку стула. Тоже не Бог весть какой большой, по сравнению с Драконом и Чикой, да и с тем же Юки... Но, тем не менее, он все же выглядел внушительно. Может быть потому, что при любых обстоятельствах – Мори Мотонари сохранял надменное и неприступное спокойствие? Даже – сейчас...

Юки прикусил губу. Затем посмотрел на Дракона. Масамуне улыбнулся, однако взгляд у него был злым и, что еще хуже – он почти сразу же повернулся к Чике. Который тоже прямо исходил злобой.

– Shit, да успокойся ты, наконец, – сказал Дракон. – Скоро все выяснится!

– Думаешь? – голос Чики звучал глухо и недоверчиво.

– Да. Всего ничего осталось!

– Думаешь она... Или он – придет?

– Скоро узнаем. Если не придет... – улыбка Дракона стала похожа на волчий оскал.

– "Она" может и не придти! – вмешался Юки. – Какая девушка захочет придти в Судзуран на свидание?

– Вот именно – какая? – уточнил Мори, по прежнему холодный и надменный.

– Но ведь в школе никого нет! – возразил Чика. – Уроки давно закончились.

– И что же? – Мори чуть сузил глаза. – Это что то меняет? Все знают такое – Судзуран! Особенно – после занятий.

Это было правдой. О том, что происходит в Судзуране, когда уроки заканчиваются, знал весь город. А год назад об этом узнала и вся страна...

Тогда старшеклассники Судзурана отправились выяснять отношения в другую школу. В результате – двое из них, скончались в больнице, а все остальные участники еще очень долго пребывали в той же больнице. В их числе был и Чика. Он отправился на разборки с более старшими ребятами, по собственному желанию. Или, что вернее, по собственной глупости. По сравнению с другими ему повезло, его не привлекли к ответственности и из школы не исключили... Но сейчас, похоже, везению Чики наступал конец. Ведь он увы, уже не был глупым мальчишкой.

Сейчас – он был Демоном. Главой одной из самых крупных группировок в Сундзаране. И в данный момент он и его ребята собирались отправиться в ту же школу, чтобы выяснить отношения по новой.

Юки брезгливо поморщился. Он, как и Мори, терпеть не

мог Чику. Из-за его грубости, из-за его вспыльчивости, из-за его невоспитанности... А так же из-за его способности вечно связываться в неприятности. "Он добьется, что его отправят в тюрьму, – подумал Юки. – Мало ему что ли досталось в прошлый раз? Как видно, мало, если он никак успокоится не может и еще нас норовит втянуть в свои неприятности! Лезет куда его не просят, а потом: "Вы должны мне помочь, мы же из одной школы!" И почему Дракон его всегда поддерживает? Вот и теперь сидим здесь и играем в шпионов. Оттого что Чике что-то померещилось!"

– Может, наконец, объяснишь, что вообще происходит? – заговорил он оборачиваясь к Демону. – Ты ворующь телефон у Мори, просишь Дракона послать с него эсэмеску какой то девчонке и вдобавок еще хочешь, чтобы мы вчетвером ее ждали в классной комнате?

– Ничего я не воровал! – вспыхнул Чика.

– Он его просто позаимствовал, – примиряюще заметил Дракон. – Не надолго! Видишь ли, тут такое дело...

– Мне сообщили, что он переметнулся на сторону Хосэна, – буркнул Чика. – Что он стучит Хидэеси, обо всем что у нас в школе происходит...

– По телефону?

– Да, представь себе. У него в телефоне всего десяток номеров. Девять – мы знаем. А вот один... Принадлежит какой-то Ою.

– Ою? – удивился Юки. – Но ведь – Ою... Это же – девушка?

– А ты у меня между прочим, Тигром записан, – насмешливо бросил Дракон. – Но почему то на тигра ты не тянешь...

– Эта Ою, может и не Ою вовсе! – более доходчиво объяснил Чика.

– Вы оба – спятили? – Юки подскочил со стула. – Или вам заняться больше нечем?

– Как видно, не чем, – хладнокровно подтвердил Мори, после чего, бросил презрительный взгляд на Демона. – Кто тебе сказал обо мне такую чушь? Акети Мицухидэ?

– Это неважно!

– Вот как? – взгляд Мори стал еще более презрительным. – Значит, ты веришь какому то бывшему прихвостню

Оды... Но не мне?

– Я хотел проверить.

– И для этого нужно было красть мой телефон? И вызывать сюда мою девушку? Ты, совсем идиот, Моточика? Я не говорил Ою, что учусь в Судзуране! Да после этой дурацкой эсэмески она не то что не придет... Она даже смотреть в мою сторону не захочет!

– Это еще почему? – изумленно спросил Дракон.

– Потому что всем известно, что в нашей школе случилось год назад, – раздраженно воскликнул Мори. – Неужели не понятно? Весь город уверен, что здесь учатся одни хулиганы!

– Ага, хулиганы. А ты, конечно, чистый и шелковистый! Даром, что сам глава группировки...

– Моя группировка ничего общего не имеет с криминалом, в отличии от твоей. – возразил Мори. – И класс Юкимуры, да и он сам тоже. И Дате, до того, как с тобой связался, был вполне нормальным парнем!

– Слушай, ты, сморчок прилизанный, – начал было Дракон, но его остановил Юки.

– Да успокойтесь вы все! – крикнул он. – Дракон, какое время ты назначил для свидания?

– В шесть.

– А сейчас – сколько уже?

– Гм... – Дракон взглянул на свои часы. – Еще пятнадцать минут осталось.

– Давайте сделаем вот что, – торопливо заговорил Юки. – Мори и я выйдем и подождем ее во дворе. А когда она придет...

– Если придет. – язвительно заметил Дракон.

– В любом случае, мы сами все увидим, – так же торопливо закончил Юки.

Чика и Дракон переглянулись.

– Думаю, он прав, – сказал Дракон.

– А может будет лучше если с Мори пойду я? – задумчиво протянул Чика.

– Будет лучше, если со мной будет Юкимура. – вмешался Мори. – Он то выглядит вполне... Прилично.

– Вот значит как? – разозлился Чика.

– Извини, – Мори слегка улыбнулся. – Но ты выглядишь сам знаешь как. А я не хочу чтобы Ою... Если она придет... Тебя испугалась!

– Давайте, идите уже! – Дракон опять взглянул на часы. – Время – уходит.

– Неважно, – мрачно пробурчал Чика. – Эти девчонки... Вечно всегда опаздывают!

Демон не ошибся.

Девчонка, действительно, опаздала. Не намного, но все же...

Впрочем, Мори был так потрясен ее появлением, что в первую минуту забыл не только как говорить, но и как дышать. Он судорожно глотнул воздух, потом закашлял и его обычно невозмутимое лицо стало растерянным и почти сму-

ценным.

– Ою?

Девушка протянула к нему руки. Она была в школьной форме, очень тоненькая, очень изящная. И явно – очень испуганная.

– Нар! – тот ничего не ответил и Ою заговорила снова: – Прости, я не смогла тебе перезвонить. Мой телефон разрядился. С тобой что-то случилось? Почему ты просил придти меня... Сюда? И почему ты... Не один?

– Это мой друг, – Мори, наконец, окончательно обрел дар речи. – Санада Юкимура. А это... Ою.

– Приятно познакомиться, – сказал Юки. – Мы тут о вас говорили...

– Вот как? – недоумевающая девушка склонила голову к плечу и от этого по змеиному изящного движения и от взгляда огромных, неожиданно светлых глаз, Юки бросило в жар.

"Какая красавица! – подумал он. – Интересно, где он ее нашел? Подумать только, прибежала прямо в Судзуран. И так волнуется за Мори! До чего же ему повезло!"

– Юки, нам пора, – Мори подхватил девушку за руку. – Извини.

– М-м... Да, конечно. Всего вам хорошего.

Они ушли.

А Юки продолжал стоять на том же месте и даже не вполне соображал, что происходит... До тех пор пока Дракон весьма чувствительно не хлопнул его по плечу.

– Эй! Юки! Очнись!

– Что?

– Что с тобой? У тебя такой вид, будто ты... – Дракон умолк и понимающе усмехнулся. – Что – очень симпатичная оказалась?

– Да! – пылко подтвердил Юки. – Очень! Никогда не видел такой красивой девочки! К тому же...

– К тому же – что?

– Как она за него испугалась! Он счастливчик, наш Мори!

Если бы у меня была такая девушка...

– Хватит тебе! Что она говорила?

– А что обычно девочки говорят? Телефон у нее разрядился... Испугалась что ее позвали сюда и спрашивала, не случилось ли чего с ним... Хорошо, что она пришла, иначе Чика еще что-нибудь вообразил. Мори наверно, сейчас не знает как ее благодарить...

– А чего тут не знать? Место подходящее найти нетрудно. Для благодарности!

– Хватит, а? – помрачнев перебил Юки.

– Как хочешь, – засмеялся Дракон. – Ох, ты... Цыпочка наивная!

Он тоже не ошибся.

Мори Мотанари был благодарен и место для изъявления благодарности он тоже нашел. В ближайшем парке, на скамье.

– Если бы не ты, то я даже не знаю, чем бы все закончи-

лось. – сказал он. – Этот проклятый Тесокабе украл мой телефон.

– Считаешь, что все обошлось?

– Считаю, что – да. Юки их убедит, – Мори покачал головой. – Забавно, однако!

– Забавно?

– Он, похоже, на тебя запал. Вот ведь дурачок! Но я ему благодарен... И тебе тоже. Если честно, я не ожидал, что ты придешь. Да еще в таком виде! Спасибо.

– Пожалуйста. Кстати, как он узнал о том, что ты информируешь Хидэеси?

– Я полагаю, это все Акети Мицухидэ... Больше просто не кому! Передай Хидэеси – пусть от него избавиться, пока он еще кого не сдал. От этого мерзавца всего ожидать можно.

– Передам, обязательно. Ну, мне пора. Прощай... Нару.

– Прощай, Хамбэй.

Юкки Она.

Здесь, в этой самой комнате, всегда темно и всегда холод-

но. И что хуже всего – по другому тут просто быть не может. Достаточно взглянуть на тех же охранников: когда она проходит мимо них, они стоят неподвижно и их лица просто каменеют.

Сначала Катакура Кодзюро приписывает это самым обычным чувствам, какие подчиненные испытывают к вышестоящему лицу... Однако, через какое-то время он приходит к выводу, что чувства в данном случае вызваны чем-то отнюдь необычным... Но чем именно?

Катакура Кодзюро смотрит в окно. Маленькое, зарешеченное – оно даже днем почти не пропускает света. Впрочем, днем Такенака и не появляется. Только ночью. Ночью!

Его передергивает от этой мысли. Он вспоминает Такенаку Ханбея: в плотных белых одеждах, с тонкой синей каймой, с перчатками на руках и с маской на лице. Белый подбородок, белая полоска лба, узкие, бесцветные губы и холод! Ледящий и пробирающий до костей, от одного ее присутствия. Интересно, а ее господин и повелитель, Тоетоми Хидэеси, ничего не замечает?

Такенака, наконец, является. Уже ночь. И теперь уже она стоит у окна, повернувшись к нему спиной и по комнате – Катакура Кодзюро ощущает это – снова веет холодом. Сегодня он сильнее, чем раньше, может потому что в эту ночь как раз полнолуние?

Полнолуние... Луна – солнце мертвых. Луна – солнце демонов!

Такенака поворачивается к нему. Катакура Кодзюро видит, что ее глаза отливают синим, а зрачки (как он и ожидал) вытягиваются в тонкую полоску. Очень знакомо, у его Саске в полнолуние глаза меняются так же. Но Саске это Саске – она теплая и живая, тогда как эта... Эта?

Катакура Кодзюро перебирает в памяти старинные легенды. Все демоны уязвимы, а те из них, кто принимает женский облик – особенно. Любовь смертного мужчины может отнять у них почти все силы, может сделать их смертными и зависимыми от него. Но тогда... Возможно ли тогда, что с Такенакой Ханбеем произошло тоже самое, что и с Саске? Возможно ли?..

– Для Тоетоми Хидэеси нет ничего невозможного, – говорит Такенака.

И Катакура Кодзюро впервые с ней соглашается.

Сватовство Тосие.

Утро было... Ну каким бывает утро в стране Восходящего Солнца, в этот благословенный месяц – сентябрь? Разумеется, прекрасным! Теплым и солнечным. А когда с соседнего двора донесся запах супа – Тосииэ понял, что это утро не только прекрасное. Но и очень, очень аппетитное.

Сглотнув слюну, он перегнулся через забор.

– Мацу! Ты чего там готовишь с утра пораньше?

– Мису! – не слишком приветливо отозвалась соседка. – И маринады! А что?

– Угостить не хочешь? – Тосииэ проглотил голодную слюну.

– Мне и без тебя есть кого угощать! – так же не приветливо

отрезала Мацу.

– Да? – Тосииэ ревниво прищурился. – И кого же это?

– Кейдзи! Он обещал придти сегодня к обеду.

– Э-э, Мацу, обещанного три года ждут! – фыркнул Тосииэ. – А твоего братца и все десять прождать можно! Ты что, не знаешь, что он вчера закутил с Хидэеси и раньше чем через неделю к тебе не вырвется?

– Прекрати это, Тосииэ! – вспыхнула соседка. – Мой брат не из таких, он с мужчинами не путается.

– Ну ты ихватила, Мацу! – Тосииэ ухватился за забор покрепче, чтобы не упасть. – Кто же такое про него говорит?! Достаточно и того, что твой Кейдзи со своим дружком, ни одной девчонки не пропускают и их из веселого дома не то что кулаками, пожаром не выгонишь!

– Вот что, Тосииэ, – Мацу оскорбленно поджала губы. – Перестань говорить о моем брате! Лучше взгляни на себя: сам уже забыл, когда в последний раз умывался, ходишь чуть ли не голый! И бездельник ты тоже, не хуже, чем мой Кейдзи: целыми днями смотришь в чужой двор и за холодную воду не берешься.

– Я холодную воду терпеть не могу! – возразил Тосииэ. – А вот посмотреть на тебя – всегда приятно!

– Да ты... – начала было Мацу, но тут же запнулась. – Что?

– А что тут такого? – ухмыльнулся Тосииэ. – Ты ведь такая труженица, все работаешь, с утра до вечера. А уж какая ты умница и красавица – только поискать!

– Вот и шел бы ты искать, куда подальше, Тосииэ, – нахмурившись посоветовала Мацу.

– Да зачем же мне идти? – покачал головой Тосииэ. – Когда ты совсем рядом, стоит только за забор глянуть!

– То то ты у него все время торчишь!

– Значит ты меня все же заметила?

Мацу слегка смутилась.

– Ну, да, заметила, – сказала она. – Трудно не заметить, когда на тебя смотрят... Чуть ли не с самого утра и до вечера!

– Поэтому у тебя сегодня и повязка в волосах – новая?

Мацу хотела что-то сказать... Но не сказала. Только пожала плечами и отправилась в дом.

Тосииэ вновь перегнулся через забор.

– Мацу! Эй, Мацу! Пстой, а!

Мацу обернулась.

– Что ты еще хочешь, Тосииэ?

– Я... Это... – теперь смутился Тосииэ. – Я посвататься к тебе хочу!

– Посвататься? – ошеломленно повторила Мацу.

– Э-э. Да. А чего нет? – осмелел Тосииэ. – Может я и бездельник, но ведь я не нищий: отец мне и деньги и земли оставил. И семья у нас, не крестьяне какиенибудь. И... И нравишься ты мне... Очень. Так пойдешь ты за меня замуж, Мацу? А?

– Такое на пороге не решают, – все так же ошеломленно пробормотала Мацу. – Мне подумать надо!

– Так – подумай. Я до вечера подожду!

Мацу шагнула через порог и скрылась за дверью. Тосииэ еще какое то время постоял у забора, а потом отправился к себе в дом. Купаться, одеваться и готовиться к вечеру. Который в этот благословенный месяц, не менее прекрасен, чем утро и такой же теплый и солнечный. Совсем как... Мацу.

О сожалении.

Иногда Мацу очень сожалеет, что решила себе выбрать именно эту профессию...

В современном мире, забитом самой разнообразной и в большинстве своем негативной информацией, даже обычным людям трудно сохранять хоть какие то иллюзии, а тем более идеалы. Так что же тогда говорить о врачах, которые по долгу службы каждый божий день вынуждены сталкиваться с самой неприглядной и самой мерзкой действительностью?

Мацу сосредоточенно изучает показания приборов. Они все те же, что были вчера и скорей всего, будут такими же завтра. Пациент лежит в коме уже пять лет...

Столетие назад его давно бы отключили от систем жизнеобеспечения, даже без согласия его близких родственников. Но теперь – нет. Теперь, когда смерть забирает не одного человека, а двух, законы и правила изменились. Смертная

казнь давно и повсеместно под запретом и ее введение вряд ли когда произойдет. Да что там, ни один журналист, даже самый отчаянный, вроде ее младшего брата Кейдзи, никогда не рискнет заговорить на подобную тему. Ведь это чревато очень неприятными последствиями.

Мацу потирает виски. Похоже, она слишком много времени проводит на работе. Но, увы, персонала как всегда не хватает. А она, как всегда, не может пренебречь своим долгом и своими обязанностями.

Пары... Сейчас у любого человека есть своя пара. Стоит только одному заболеть или пораниться, как второй сразу же испытывает то же самое. Обычно пара переносит любую болезнь и любое ранение намного легче, так что с одной стороны, это можно счесть благом. А вот с другой...

Про другую сторону, как правило, не говорят. Впрочем, большинство людей о ней никогда не задумывается. Ну, а что касается меньшинства, то тут дела обстоят не лучше.

Поэты пишут возвышенные стихи, писатели – душераздирающие романы о разнополых парах. В новостях, время от времени, журналисты рассказывают о том, как кто то наложил на себя руки или же случайно убил свою пару. Врачи изучают этот феномен более углубленно, но предпочтитель-

но в своем кругу. Должно быть потому, что все их обсуждения, сводятся к одному выводу: "Муж и жена (или кто там в паре) – одна Сатана!" То есть любая пара представляет собой одно целое как умственно, так и нравственно и не важно, что они отличаются физически... Или физиологически.

Мацу выходит из палаты. В коридоре ей на встречу попадает посетитель, похоже, сегодня первый. Она смотрит на него. Высокий, широкоплечий мужчина в темном костюме, со шрамом на щеке и чуть прищуренными глазами, сначала кажется ей незнакомым. Но потом она понимает, что это не так. Он просто одет в штатское и просто пришел в свой выходной. А об остальном Мацу предпочитает не задумываться. Достаточно того, что он приходит каждую неделю... И никогда не задает ей никаких вопросов. Он просто молча сидит и смотрит. Смотрит на свою пару, которую пять лет назад, едва не убил при задержании...

И именно тогда, Мацу очень сожалеет, что решила когда то выбрать себе именно эту профессию.

Объяснение.

Он никогда особенно не задумывался о своем будущем. Да и о ней тоже думал не особенно много. Наверное потому,

что между ними и так все было определено, ясно и понятно. Ведь по воле своих семей, они были предназначены друг для друга и, в самое ближайшее время, должны были эту волю исполнить...

Конечно, он ничего не имел против. Да и кто был бы против взять в жены такую девушку? Одновременно: сильную и нежную и прекрасную, как ясный осенний день? Разве что тот, кому она когда-то поклялась служить... Бог Войны. Уесуги Кенсин.

"Но теперь ее служба закончена," – подумал он и улыбнулся. Бог Войны перестал быть Богом, потерял власть и положение. Так что ее уже больше ничего не держит рядом с господином. А значит... Значит...

Саске остановился и посмотрел вниз. Она была там, где он и ожидал ее увидеть, на берегу озера, у самой кромки воды. Однако все остальное: и ее настроение и ее одежда (на ней вместо привычного, облегающего костюма шиноби было обычное платье) – отнюдь не соответствовало его ожиданиям... И заставило насторожиться.

– Касуга! – окликнул он ее.

– Саске! – девушка подняла на него золотистые глаза. –

Я... Ждала тебя.

– Долго?

– Нет. – она покачала головой. – Ты обычно быстро появляешься. Тем более здесь.

– Я знаю, что это твое любимое место. – буркнул Саске.

Касуга посмотрела на него, потом отвела взгляд в сторону и закрыла лицо руками. Он смотрел на нее, ничего не понимая.

– Саске, – проговорила она еле слышно. – Саске, я пришла... Попрощаться.

– Что? – от неожиданности он едва не упал.

– Мы больше не увидимся, – так же тихо проговорила Касуга.

Расстояние между ними было небольшое. Однако, пока он преодолел его, ему показалось, что прошла целая вечность и мир изменился до неузнаваемости. Может быть потому что все вокруг вдруг стало неопределенным, неясным и непонятным?

– Почему? – спросил он. – Почему ты не хочешь меня видеть?

– Я не должна, – она запнулась. – Прости.

– За что?

– Я не могу вернуться. – девушка опустила руки и обернулась к нему. – Ни домой... Ни к тебе.

– Но ведь... – Саске тоже запнулся. – Ведь твоя служба закончилась! Господина у тебя уже нет. Не можешь же ты...

– Могу, – возразила она. – Я остаюсь с ним. До конца.

– До конца? – непонимающе повторил он. – Даже если он умрет? Или уйдет в монастырь?

– Да. – голос Касуги звучал еле слышно.

– Это же...

– Я люблю его, Саске. – девушка вскинула голову и их взгляды снова встретились. – Умрет он или уйдет в монастырь – я последую за ним.

– Ты хочешь дать монашеский обет?! – Саске даже отступил на шаг. – Как твой господин?

– Да.

– Но мы же... – он сглотнул. – Мы же помолвлены! Ты моя невеста! Наши родные...

– Знаю. – она вздохнула. – Объясни им, что я недостойна тебя... Пусть они отменяют нашу свадьбу и найдут тебе другую невесту. А ты... Забудь меня. Забудь меня навсегда.

Саске ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел, как она уходит и думал. Думал о ней, о родных, о будущем... Каким оно будет теперь – его будущее? Да и может ли оно у него быть? Без нее???

Послание.

– И это все? Господин Такеда больше ничего не написал?

Сарутоби Саске только вздохнул. Последние два года письма Тигра из Каи к своему врагу стали очень уж длинными и какими то мудренными. Кроме обязательной части: дескать, я желаю встретиться с Вами в бою там то и там то,

была так же часть необязательная. В ней Такеда рассуждал о негладком течении жизни, о пути назначенном Богами, о предназначении людей в этом мире... И Саске, как верный шиноби, обе эти части выучивал и запоминал. Но, что еще хуже, с каждым разом письма делались все длиннее и учить их приходилось больше и дольше.

Последнее письмо (его он, кстати, потерял в лесу во время стычки с целым отрядом ронинов) тоже было невероятно длинным и запутанным. Помимо всего, о чем Такеда писал в предыдущих письмах, он писал в нем так же о том, каким должен быть истинный воин, вспоминая в связи с этим и ветер, и пожар, и скалы... Наверно, когда он писал, он вспоминал свою встречу с Уесуги Кенсином и теперь, спустя пять лет, хотел видеть его там, где увидел первый раз?

Саске посмотрел на правителя Этиго. Тот по прежнему сидел в непринужденной позе, однако в его взгляде, устремленном на шиноби, было ожидание. Взволнованное и отчаянное.

Сарутоби Саске снова вздохнул.

– Мой господин написал, что любит Вас, с первой встречи и чтобы не случилось и какой бы не была воля Богов и судьбы, его любовь к Вам, господин Уесуги, так и останется

неизменной, жаркой, как огонь, неистойвой, как ветер и непоколебимой, как скала.

Признание.

Это повторяется каждый год.

Господин ранен или болен и Кодзюро сидит возле него днем и ночью. Кладет руку ему на лоб или держит его за руку и молчит. Почти все время – молчит.

Масамуне тоже почти не говорит. Он лежит неподвижно, с закушенными губами, а взгляд, которым он время от времени одаривает своего верного вассала, кажется тому напряженным и выжидающим, как у хищного зверя. Или – дракона?

Иногда Масамуне спрашивает о делах или о людях. Кодзюро отвечает, что все в порядке и что он обо всем позаботится, после чего умолкает и больше не произносит ни слова. Потому что он просто не может говорить долго и многословно, когда любовь, страх и отчаяние, сжимают ему горло как тисками.

Вот и сейчас Кодзюро держит руку своего господина и молчит. А Масамуне смотрит на него все тем же напряжен-

НЫМ И ВЫЖИДАЮЩИМ ВЗГЛЯДОМ.

– Кодзюро, – наконец хрипло произносит он.

– Да, Масамуне-сама?

– Мы всегда вместе, – господин хватает его руку в ответное пожатие. – А ты всегда молчишь. Может скажешь хоть что-нибудь?

Кодзюро молчит. Масамуне усиливает хватку.

– Ты что не можешь даже слово сказать? Так и будешь молчать всю жизнь?

Кодзюро ищет подходящие слова. И, кажется, находит.

– Моя жизнь – это Вы, Масамуне-сама.

Люди и вещи.

Проклятая эпоха.

Воины идут постоянно, а жизнь – ненадежна и быстротечна. Люди рождаются и умирают, своей смертью или нет, но они слишком рано покидают этот мир, оставляя после се-

бя таких же недолговечных потомков, а так же вещи... Более долговечные, в отличии от людей, и, следовательно, более ценные. И почти всегда – более прекрасные.

Князь Мацунага Хисахидэ любил красоту и поэтому в его доме было много вещей и мало людей. Последние, как не трудно догадаться, появлялись в его доме редко, и сами по себе, вполне соответствовали вещам. То есть благодаря незаурядному уму и такой же хитрости, они, подобно вещам, а не людям – будут пребывать в этом мире очень долго. Только вот в отличии от вещей, им, увы, не дано сохранить свою привлекательность.

Мацунага вздыхает почти сокрушенно. Человек, что сейчас сидит напротив его, на редкость привлекателен. Лицо, с тонкими чертами и с нежным румянцем на щеках, напоминает искушенному ценителю вещей изображения сказочных красавиц, запечатленных на шелке. Правда, ни у одной из этих красавиц нет таких глаз – невероятно больших и невероятно ясных, похожих по цвету на аметист... И таких волос – ослепительно-белых и отливающих серебром.

Человек что-то говорит. Его голос звучит мягко, почти нежно, заставляя вспоминать тот же шелк, но теперь Мацунага вспоминает не изображения, а самое прикосновение ткани... Легкое и удивительно приятное.

– Мой господин будет благодарен за вашу поддержку, князь.

– Ваш господин очень предусмотрителен, – усмехается Мацунага.

Гость умолкает. Князь смотрит на него, с тем же жадным интересом, затем протягивает руку и проводит пальцами по его щеке и волосам, наслаждаясь все тем же шелковым прикосновением. К сожалению, длится оно недолго. Гость не пытается отстраниться, однако смотрит на хозяина дома так пристально и так холодно, что тот опускает руку. И вспоминает, в какое время он живет. Вспоминает, что сейчас, даже столь прекрасные и столь утонченные создания превосходно владеют мечом. А это – являясь одновременно генералом и стратегом правителя Осаки, помимо меча, еще превосходно разбирается в ядах...

Проклятая эпоха!

Служба Фумы.

Господин обожал искусство. И это был его единственный недостаток. В остальном же он был совсем не плох: любезный, образованный человек, пусть уже не молодой, однако

не такой вредный и склочный, как его предыдущий наниматель. Но все же этот единственный недостаток причинял Фуме много хлопот.

Господин предпочитал обожать искусство не в одиночестве, а в компании с кем-то. А так как в доме кроме Фумы больше никого не было, то он автоматически и становился этим кем-то. Что, как не трудно догадаться, даже для такого бесстрашного и многоопытного ниндзя, как Фума, было нешуточным испытанием.

Какое то время он все переносил стоически. Но в один прекрасный день его стойкость не выдержала и Фума сбежал с утра пораньше, якобы (и не только якобы!) на тренировку. Вернувшись с оной, он застал своего господина на ковре, в окружении чайной утвари, которой тот изливал свое обожание: то есть рассказывал чайникам о том, где, когда и по какой цене их приобрел...

Фума оторопел. К счастью, не на долго. Будучи очень сообразительным, он быстро сообразил, что господину следует вправить мозги и чем скорее, тем лучше. Причем, самым радикальным образом. Женитьбой.

Вот только где взять жену своему господину, Фума не представлял. В Сенгоку Басаре женщин не было. Почти

совсем не было. От силы – четыре штуки на всех. Так что большинство дайме для того, чтобы пожить э-э... семейно, отправлялись на войну. Тигр из Каи благополучно сожительствовал со своим извечным врагом на Кавакадзуме. Дате Масамуне прятался по лесам с его наследником. Бравый пиратский адмирал Тесокабе периодически крал из Аки Мори Мотонари...

Фума задумался. Войну его господин не любил и уговорить его собрать армию и отправиться воевать, не было никакой возможности. Однако, оставаться с ним в доме наедине тоже было проблематично. Фума ничего не имел против своего господина, но брать на себя роль жены – не хотел. А раз так, то нужно было притащить ему кого-то из уже упомянутой четверки дам. Но кого? Нохимэ? Оити? Мацу? Касугу?

Фума добросовестно перебрал в памяти всех. О Нохимэ уже года два не было ни слуху, ни духу. Оити? Она помешалась, разгуливала по окрестностям и пугала всех встречных и поперечных. Мацу? Мацу благополучно пребывала в зверинце с мужем и кастрюлями. А Касуга... Стоп!

Касуга то была совершенно свободна! Не умерла, не помешалась, не засела в клетке со зверями. И главное... Еще была девушкой!

Фума потер руки. Задача притащить сюда Касугу была сложной, но он был уверен, что справится. Его господин получит совершенно эксклюзивную (куда там многочисленным чайникам!) драгоценность, прекрасную жену, а так же свои, ставшие на место, мозги. И будет он жить счастливо и благополучно, и своему благодетелю исправно жалование платить. Хеппи энд!

Донесения и домыслы.

Новость, что и говорить, была неожиданной. И принес ее никто иной, как верный и вездесущий шиноби Саске.

– Мацунага Хисахидэ отбыл в Сацуму! – доложил он Наставнику.

Последний ничего не сказал, только недоуменно вскинул брови. Зато пребывающий рядом с ним Юкимура отреагировал более бурно.

– В Сацуму? – Молодой Тигр подскочил чуть ли не до толка (буквально). – Что ему нужно в Сацуме?

– Что ты думаешь, Саске? – спросил Такеда, приводя брови, а так же и ученика в исходное положение.

Шиноби поудобнее устроился на ковре.

– Пока – ничего, – ответил он. – Но мои люди не спустят с него глаз и если он что-то предпримет, мы очень скоро узнаем.

Такеда Синген одобрительно кивнул.

– Вполне возможно, что князь ничего не предпримет, – сказал он, – Особенно, если обнаружит, что за ним следят. Но кое в чем ты прав. С ним ничего наверное не знаешь.

– Наставник! – Юкимура по новой взлетел к потолку. – Неужели и в Сацуме он намерен заняться своим гнусным промыслом?

– Не думаю, – задумчиво протянул лорд Каи. – Там вроде никаких реликвий не водиться.

– Одна все таки есть, – вставил Саске.

– Какая? – хором спросили Тигры.

– М-м, Симадзу! – ответил шиноби. – Он вполне за реликвию сойдет!

От этого ответа Юкимура рухнул с потолка и пробил пол. Саске резко метнулся к двери, однако там его уже поджидал Такеда Синген.

– Вот что, шутник ты наш, – сказал он. – Следи-ка лучше за языком... И за князем Мацунагой. В последний раз его видели в замке Адзути, откуда он ушел, между прочим с черепом Набунаги.

– Вы полагаете, Наставник, что на одном черепе он не остановится?

– Думаю – что нет. Дурной пример – заразителен. А Симадзу... Гм... Действительно, староват.

– Может поэтому нам следует усилить и Вашу охрану?

– Я еще не реликвия!

– Вы уверены, Наставник? – осведомился вылезший из пролома Юкимура.

Наставник незамедлительно отправил его в тот же пролом. Затем снова обернулся к Саске.

– Я, пожалуй, напишу Симадзу, – сказал он. – И это...
На всякий случай предупреди Кенсина. Он вроде тоже в возрасте.

Саске согласно кивнул, после чего, отправился выполнять поручение.

...А Мацунага Хисахидэ, тем временем, любовался морем, предвкушая чудесный и вполне заслуженный отдых на сацумском курорте.

О Гинозе Набучике, его подчиненных и не только. Аниме «Психопаспорт».

Убийственные вещи.

Логика – убийственная вещь.

Раньше, когда он был инспектором, а не карателем, Гиноза иногда задумывался, как поведут себя его подчиненные, если показатели его психопаспорта достигнут критического уровня и последующее лечение ничем не поможет?

Когами. Скорей всего, он не стал бы ничего говорить. Они уже давно утратили способность говорить с друг другом и никакие обстоятельства ничего бы не изменили. На своего

бывшего друга и бывшего начальника, Когами смотрел бы как на пустое место и Гиноза отвечал бы ему тем же. И, пожалуй, это был еще лучший вариант, по сравнению с другими. Например, с Когари.

Когари бы точно молчать не стал. Он никогда не упускал возможности сказать хотя бы пару слов, а тут возможность предоставилась и была до крайности соблазнительной. "Ой, Гино, ты, наверное, очень переживаешь? Ты же так старался быть хорошим инспектором! Ладно, не волнуйся так. В конце концов, родных у тебя нет и за их психопаспорта ты можешь не беспокоиться. Хочешь встретимся вечером? Посидим, выпьем." В ответ Гиноза просто бы послал его подальше и Когари тогда бы обиделся. И стал жаловаться на его склочный нрав Масаоке. А Масаока...

Масаока, наверное, как и Когами, тоже предпочел бы промолчать. С ним Гиноза тоже играл в молчанку, но все же эта игра отличалась от того молчания, что установилось между когда-то близкими друзьями. Возможно, потому что Масаока никогда не был его другом. Он вообще был ему никем, даже когда называл себя его отцом. И если бы психопаспорт Гинозы стал похож на его собственный, Масаока воспринял бы это со своим всегдашним безразличием. Впрочем, более чем вероятно, он стал бы относиться к нему лучше. Как к коллеге.

Яей? Вот она бы ему посочувствовала. Но в отличии от Когари, Яей не стала бы говорить о своем сочувствии вслух. Просто была бы рядом. А это так много, когда хоть кто-то есть рядом. Понимающий, сочувствующий и готовый помочь.

Так он думал раньше.

Но жизнь всегда вносит свои коррективы.

Когами исчез. Когари тоже пропал без вести на последнем задании и предположительно уже мертв. Масаока погиб, спасая его жизнь. А что касается Яей... Она не испытывает ни малейшего сочувствия к бывшему инспектору, который отвечал за своих подчиненных и не смог их уберечь.

Да, логика убийственная вещь.

Но жизнь еще убийственнее.

Поступать правильно.

Час уже поздний, но спать не хочется. И, если уж на то пошло, то в последнее время ему вообще не хочется: ничего и никого. Разумеется, не желание влияет на цвет его психо-

паспорта, но к счастью или к сожалению, он уже не следователь и по этому поводу переживать не намерен.

– Гиноза-сан... Вы не спите?

– Нет.

– Я могу войти?

– Нет.

За дверью становится тихо. Но не надолго.

– Нам надо поговорить, Гиноза-сан. Позвольте мне войти.

– Хорошо. Заходите, госпожа следователь.

Дверь распахивается и Аканэ входит в комнату. Гиноза пытается сесть поудобнее, но при этом старательно избегает смотреть на свою... М-М... Гостью.

– Гиноза-сан, врач сообщил мне, что у вас снова изменились показатели психопаспорта.

– И что с того?

– Вы понимаете, что это значит?

– Конечно, понимаю, госпожа следователь.

– И вы... Ничего не намерены делать?

– А что я могу делать? – теперь он смотрит на нее. Не то удивленно, не то... Зло?

Аканэ отворачивается и отходит к окну. Сейчас она выглядит не так, как обычно. На ней узкая, короткая юбка, жакет, какой-то немислимой расцветки и рубашка, отливающая золотом. "Скорей всего встречается с кем-то в городе", – думает Гиноза и от этой мысли у него почему-то болезненно перехватывает дыхание.

– В прошлый раз, когда вы ничего не сделали, Гиноза-сан, это плохо кончилось.

– В какой – прошлый раз?

– Два года назад. – она оборачивается к нему.

– Что?

– Почему вы тогда отказались от курса лечения? У вас

была возможность остаться в обществе, но вы отказались... Почему?

Гиноза отводит глаза.

– Какой смысл говорить об этом сейчас? – говорит он нарочито равнодушным тоном. – Сколько уже времени прошло!

– Не так уж и много. – Аканэ смотрит на него. – И, похоже, сейчас вы поступаете так же.

– Я поступаю так, как считаю нужным. – он все же берет себя в руки. – Два года назад я принял решение, которое было единственно правильным. Я не мог тогда все бросить и уйти, только для того, что бы сохранить приемлемый уровень своего психопаспорта. В такой ситуации вы поступили бы так же. Верно?

– Да.

Какое-то время они молчат. Аканэ, по прежнему, стоит у окна, а он, по прежнему, сидит, вцепившись двумя руками в подлокотник дивана.

– Я понимаю, тогда это было единственным решением, –

наконец произносит она. – Но – сейчас?

– Что – сейчас? Я – каратель и, само собой, уровень моего психопаспорта постоянно меняется. И, разумеется, не в лучшую сторону.

– Вы должны пройти курс лечения.

– Да, конечно, когда врач сочтет это необходимым. – он встает. – Я, полагаю, мы закончили? А то время позднее и вас ждут... в другом месте.

– Меня никто не ждет. – она подходит к нему.

– Но...

– Я пришла к вам.

Гиноза отступает на шаг.

– Вы не должны... Вы не можете... Это не... правильно.

– Не надо. – теперь Аканэ отводит взгляд и он впервые видит, как на ее лице проступает румянец. – Я поступаю так, как считаю нужным. А значит – я поступаю правильно... Гино.

Азула, ее отец и ее брат. Мультфильм «Аватар – последний маг воздуха».

Очень холодно.

Очень холодно.

Азула обхватывает руками колени и крепко стискивает зубы, чтобы унять противную дрожь. Но дрожь не проходит по ее желанию, может быть потому, что с некоторых пор ее желания – ничего не значат?

Бывшая принцесса недовольно кривит губы. Ее пребывание в этой камере, узкой и темной, с решеткой вместо дверей, похоже затянулось. Или... Или Зу-зу решил потянуть время, чтобы она помучилась подольше?

Зу-зу... Она произносит его имя еле слышно. Холод сковывает не только ее тело, но и голос. Впрочем, Азула совсем не хочет быть услышанной. Ведь если ее услышат...

Возня в соседней камере продолжается. Та девушка, что пребывает в ней, давно не сопротивляется, но это ничего не меняет. Каждый раз, утром, Азула видит ее лицо, с новыми синяками и царапинами и думает, что возможно, в следующую ночь, то же самое произойдет с ней... И до этого никому не будет дела. Ведь так?

Бывшая принцесса снова проводит руками по коленям. Холод вокруг становится менее ощутимым из-за ее магии. Конечно, здесь нельзя ее применить открыто – Зу-зу постарался, что и говорить. Хотя... Когда старания Зу-зу ему самому не выходили боком?

Азула улыбается. Если нельзя действовать открыто, значит придется действовать тайно. И второе ей даже больше нравится. Жаль, правда, что ее действия все же будут очень ограниченными, но здесь по другому не получится. Да и можно ли, при таких обстоятельствах, действовать по другому?

Азула вздрагивает, но продолжает прислушиваться. Та девушка... Утром в камере найдут ее труп. И все будет конечно. Все?

Проходит какое то время. Затем снова начинается шум – в коридоре слышаться тяжелые шаги и решетка в ее камере распаивается. Он появляется уже в ее камере – опьяневший от злобы и вожделения, как от крепкого вина. Хотя вином от него тоже несет...

Охранник хватает ее за плечи и встряхивает.

– Попробуй только закричать, шлюха, – шипит он сквозь зубы. – Попробуй только! Сразу убью...

Азула не отвечает. Все происходит слишком быстро, однако происходящее отнюдь не является для нее неожиданностью. Вот только оно действительно происходит слишком уж быстро. Слишком?

Азула делает последнее усилие. Огненная магия, не имеющая доступа вовне, взрывается внутри нее – яростной вспышкой молнии. Ее любимой молнии. Ты же знал о ней, Зу-зу? Ты же знал?

Повелитель Огня вздыхает. Этот день выдался каким то особенно тяжелым. Но может ему это только показалось? Из-за Азулы?

– Не стоит так расстраиваться, Зуко, – шепчет Мэй. – Она же была сумасшедшей!

– Мне следовало предвидеть это, – упрямо возражает Повелитель Огня.

– Но нельзя же предвидеть все?

– Кроме себя Азула убила еще одного человека. Охранника.

Мэй качает головой.

– Как это произошло?

– Он вошел к ней в тот самый момент, когда она... – Повелитель Огня умолкает.

Мэй тоже молчит. Она только стискивает зубы и руки, пытаясь удержать противную дрожь и такие же противные вопросы. И еще ей становится холодно.

Очень холодно.

Вопросы.

Азула никогда не задает вопросов. Никогда и никому. Она предпочитает узнавать все сама и это очень пугает мать, да и что скрывать, его тоже. "Что такое с ребенком? – недоуменно спрашивает Урса, но вместо ответа Азула только слегка поднимает брови, слегка усмехается и так же легко пожимает плечами. Так ничего и не добившись, мать уходит и Зуко бежит за ней. Остаться с сестрой наедине ему не хочется. Совсем не хочется. Какое то время он старается ее не замечать. И это ему удастся, с помощью той же Урсы. Мать все время проводит с ним – он ее любимый сын, ее сокровище, ее на-

дежда и опора. Что же до Азулы, то она все чаще остается с отцом или одна, ведь Озай большую часть времени занят. Все меняется, когда Урса покидает дворец. Отец начинает требовать, чтобы они проводили время вместе. "Зачем?" – спрашивает он, но ответа не получает. Озай повторяет свое требование, но уже не просто властно, а очень, не только как отец, но и как лорд Огня. Зуко переводит взгляд на сестру и видит, все то же: вскинутые брови, усмешку и пожатие плеч. Азула по прежнему не задает вопросов. Очень скоро они начинают тренироваться вместе. И тут, почти сразу, он понимает, что проигрывает сестре во всем. Она намного сильнее чувствует стихию огня и та одаривает ее больше, чем его. До поры до времени, конечно, ведь огненная стихия всегда берет свое и цена ее может стать непомерно высока... "Ты понимаешь, что это опасно?" – спрашивает он. "Лучше подумай о себе Зу-зу, – отмахивается она. – Иначе ты никогда не станешь лордом Огня." "Ты так беспокоишься обо мне, Азула?"

Сестра не отвечает. Она только вновь вскидывает брови, усмехается и пожимает плечами. Хотя... Может это что то да значит? Когда в его жизни появляются девушки, то Азула снова из нее исчезает. Не полностью, не так как раньше, но она становится более чужой и словно незнакомой. Зуко понимает, что теперь он смотрит на нее другими глазами. Ведь они уже не дети... Через какое то время он начинает встречаться с Мэй и тогда видит сестру чаще. Азула и Мэй

оказываются подругами и Зуко никак не может понять почему? Мэй не такая, как его сестра, совсем не такая! А что до Азулы, то она с каждым днем ведет себя все хуже и хуже. Оскорбляет его не только при слугах, но и на приемах, а их редкие тренировки вскоре превращаются в настоящие бои. Пока, наконец, он не выдерживает.

"Что с тобой происходит? – спрашивает Зуко. – Ты стала вести себя так странно!"

"Ты – тоже, – Азула вскидывает голову. – Мэй тебе не пара. Она совсем не владеет стихией, а тебе нужна жена маг. Причем очень сильный."

"Может быть – ты?" Сестра молчит. А он, как замороженный, смотрит на ее тонкие, слегка изогнувшиеся брови, на усмешку, красиво изогнутых губ, на плечи, которые вдруг покатываются волнующе и соблазнительно... Азула прекрасна! Ни одна девушка не может с ней сравниться, ни одна. Даже... Мэй. Ночью Зуко остается один. На приеме он не приглашает Мэй к себе и та уходит. Друзья перешептываются в недоумении, слуги – тоже. И только Азула молчит. Как обычно, она предпочитает получать ответы сама. Неужели он мог забыть об этом? Неужели – мог? Зуко просыпается внезапно. В комнате все так же темно и тихо, но он уже в ней не один. Тонкие, сильные пальцы сжимают его плечи, горячее дыхание обжигает губы... "Мэй?.." Ответа нет и больше он не спрашивает. Достаточно, что она здесь, достаточно, что она прижимается к нему всем телом: гибким и строй-

ным, наполненным желанием, словно огнем. Мэй... Нет, с Мэй он никогда не испытывал ничего подобного и вряд ли когда испытает. Но тогда... Кто же это тогда? Зуко закрывает глаза. Это мало помогает, ему даже не надо смотреть, чтобы видеть. Видеть ее приподнятые брови, ее усмешку и легкую дрожь ее плеч, сейчас не прикрытых одеждой. Азула... Наконец, наступает утро. Зуко лежит неподвижно, на развороченной постели, уткнувшись лицом в подушку. Впервые в жизни ему не хочется задавать вопросы сестре, тем более, теперь когда он знает каким может быть ее ответ. И это его пугает. Очень пугает. А она... Она... Азула никогда не задает вопросов. Никогда и никому.

Яд политики.

Некоторые вещи не меняются со временем.

И люди – тоже.

Бывший Повелитель Огня смотрел на Нового и думал, что за последние три года, тот совершенно не изменился. Разве что внешне. Но внешность, увы, обманчива. Со временем, она всегда и неизбежно меняется.

– ...Ты хотел меня видеть? – голос Лорда Огня на этой, последней фразе, внезапно перестает быть ровным. И Озай, так же внезапно вспоминает, каким испуганным и встревоженным, Новый Лорд был раньше... Совсем еще недавно.

– Я хотел спросить, – медленно произносит бывший Лорд. – Об Азуле.

– Тебе не сообщили о ее смерти? – Новый Лорд, похоже, удивлен.

Озай снова смотрит на него... И снова видит перед собой того же испуганного мальчишку.

– Конечно, мне сообщили, – бывший Лорд, напротив, спокоен. – Но я хотел бы узнать о ее смерти более подробно.

– Подробно? – переспрашивает его собеседник. Уже не удивленно, а скорее, пораженно.

– Ты был с ней рядом, когда она умирала? – Озай по прежнему спокоен.

– Нет, – быстро отвечает тот и тут же спохватывается. – Почему тебя это так интересует?

Озай не отвечает. Новый Лорд долго смотрит на него, ожидая ответа... И, наконец, не выдерживает.

– Я уезжал к дяде, – говорит он. – С ней была Мэй.

Мэй...

Ну, конечно же, Мэй!

Озай усмехается про себя. Бывшая подруга Азулы, теперешняя – его брата, а помимо всего – Мэй так же является племянницей начальника тюрьмы, где он и пребывает на данный момент. Кто еще это мог бы быть, кроме нее?

– Сколько времени умирала моя дочь? – спрашивает Озай.

– Три дня... Сначала врачи решили, что это обычная простуда. Но ей становилось все хуже. А потом, на третью ночь, она заснула и больше не проснулась.

Озай прикусывает губу. Когда то и Лу Тен чувствовал такое... Но Лу Тен погиб в сражении и о его болезни друзья долго не вспоминали. Впрочем, даже вспомнив, они не придали этому значения. Ведь это была обычная простуда. Что в ней может быть опасного?

"Яд Серебряного Лотоса действует по разному, в разной дозировке, – всплывает в памяти Озая отрывок из древнего трактата. – Чаще всего, отравление напоминает обычную

болезнь. Установить причину смерти можно после вскрытия – желудок погибшего весь покрыт пятнами белого цвета, именно из-за них и происходит название этого яда."

– Ее быстро похоронили? – спрашивает он и внимательно смотрит на Нового Лорда.

– Да, быстро, – отвечает тот. – Еще до моего возвращения. Ведь сейчас лето и нельзя долго держать тело в такую жару не погребенным.

– Разумеется, нельзя, – соглашается с ним Озай.

– Мэй была очень расстроена, – продолжает Лорд Огня. – Когда то она дружила с Азулой. К тому же в ее положении...

Он смущенно умолкает.

Озай тоже молчит.

За два года брака, Мэй никак не могла попасть в положение. Ей это удалось только после визита в столицу их горячо любимого дяди... Но ему уже все равно.

"Яд Серебряного Лотоса действует по разному," – снова мысленно повторяет Озай.

– Передай Мэй, что я благодарен ей за заботу о моей дочери, – произносит он вслух. – И обо мне тоже.

– О чем ты?..

– Начальник тюрьмы ее дядя. Он неплохо заботится о заключенных.

Лорд Огня кивает и уходит. Он выглядит подавленным, но Озай уверен, что по возвращению домой он обо всем забудет. И когда в самое ближайшее время ему сообщат о его смерти, он ничего не вспомнит и его быстрое погребение так же сочтет вполне естественным.

...Некоторые вещи не меняются со временем.

Как и люди.

Особенно – люди...

О Баффи, о ее сестре, о подруге и о любви. Сериал «Баффи – истребительница вампиров»

Дон и зеркало.

Она не понимает, что с ней происходит.

В последнее время Спайк приходит почти каждый вечер.

Или ночь? Всегда одинаково одетый и всегда одинаковый. Баффи говорит, что такие, как он не меняются, хотя раньше – Спайк был совсем другим. Но ей совсем не хочется знать, каким он был раньше, потому что ее больше волнует не раньше, а сейчас!

Конечно, она знает, что Спайк встречается с Баффи. Ее сестра – уже взрослая и вполне самостоятельная. И еще – Баффи очень смелая и очень красивая. Но все же...

Все же – как только Спайк появляется на пороге, Дон украдкой смотрит в зеркало. Время не способное изменить вампира, меняет ее. Очень скоро она станет такой же взрослой, такой же самостоятельной и такой же красивой, как ее старшая сестра. И тогда... Тогда Спайк посмотрит на нее по другому! А Баффи...

Дон вздрагивает. Затем прижимает руку к груди. Сердце бьется, как напуганная птица – неистово, дико – словно хочет вырваться и улететь далеко-далеко. Подальше – от любимого дома, от любимой сестры и от ее – тоже любимого – парня...

Что же с ней все-таки происходит?

Разговор.

На площадке светло и тихо. Фейт вздыхает, затем, очеред-

ной раз нажимает на звонок. Ничего! Дверь по прежнему закрыта.

– Эй, Баффи! – зовет она. Ответа по прежнему нет. Но за дверью слышится какое то движение. Фейт настораживается.

– Что с тобой происходит, черт возьми? – спрашивает она, уже тише.

– Уходи, Фейт, – голос Баффи звучит еле слышно. – Ради Бога, уходи!

– Да что происходит? – снова повторяет Фейт.

– Ничего. Просто уйди... И оставь меня одну.

Фейт хватается за ручку двери.

– Немедленно открой! Или я дверь вышибу!

– Фейт!

– Открой дверь, черт возьми!

Дверь открывается. Фейт решительно перешагивает порог, отыскивая взглядом Истребительницу. Та как раз стоит напротив, прислонившись к стене, страшно бледная и страшно исхудавшая.

– Баффи! – изумленно восклицает Фейт.

– Что тебе нужно? – Истребительница упорно не смотрит на нее.

– Я хотела узнать, – запинаясь произносит Фейт. – То есть, я хотела убедиться, что ты в порядке...

– Но я не в порядке! – огрызается та.

– Баффи!

– Я не в порядке, – повторяет она. – И вообще, я даже не

знаю, когда в нем буду. Так что лучше уйди, Фейт. Займись сама другими истребительницами. А я...

– А ты будешь сидеть по прежнему взаперти, одна? – продолжает Фейт.

Баффи пожимает плечами, потом отворачивается и идет в комнату. Фейт следует за ней.

– Это не из-за Спайка, верно? – спрашивает она.

– Фейт...

– Так из-за кого?

Баффи какое то время молчит.

– Это Райли, – наконец произносит она. – Он тоже...

Недавно погиб.

– Как?

– Не знаю. Мне сообщил Джайлз. А как именно, он сам не знает.

Фейт подходит к ней.

– Баффи...

– Не надо, Фейт. – Баффи оборачивается. – Не говори ничего, хорошо? Я не хочу что бы кто то узнал... Ведь сейчас только ты знаешь, что Райли для меня значил.

– Ты так считаешь?

– Да. О нем уже все забыли. И... Я просто не вынесу, если...

– Не волнуйся. Никто не узнает.

– Спасибо тебе, Фейт.

...На следующий день Фейт тоже запирается в своем но-

мере и тоже никого не хочет видеть. А Джайлз, очередной раз, проклинает свою работу, вместе с непонятными и необъяснимыми женскими капризами.

Третий вариант.

Он всегда представлял свою смерть в двух вариантах. Первым и наиболее вероятным вариантом была смерть от ранения. Вторым, менее вероятным, но все же возможным – ему представлялась смерть от старости, в своем доме, в окружении детей и внуков. Но, увы! Оказалось, что смерть, как и жизнь может сломать любые представления. Даже самые здравые и вроде бы, устойчивые...

Райли смотрит на мониторы компьютеров. В них по прежнему, все та же неизменная картина: длинные, полутемные коридоры и закрытые наглухо двери. Думать о том, что сейчас там, за дверями ему не хочется. Только разве от мыслей можно избавиться простым хотением?

Он прислушивается. Внизу все тихо. В этот час суда вряд ли придут, но... Кто знает? Ведь время идет. Возможно, в самое ближайшее время, возможно, завтра на базу придут они...

Они!

Райли усмехается. Однако, ему не весело. Совсем не ве-

село. Впрочем, на его месте вряд ли кто веселился бы. Разве что этот, ненормальный Спайк. Спайк...

"Он сейчас с Баффи, – думает Райли. – А я здесь! Да... Если бы я тогда не уехал, то ничего бы не случилось. Я не сидел бы тут. И она... Она скорей всего, осталась бы жива."

– Черт, – голос его звучит сдавленно. И горло тоже сдавливает, как тисками. Он не может произнести имя жены – не вслух, не про себя. Слишком уж это больно. Мучительно больно.

Райли закрывает глаза. Боль усиливается, но теперь он ощущает ее по другому. Он очень давно не ел. Три или четыре дня. И еды взять не где. На базе уже нет людей. А до ближайшего человеческого жилья – добираться чуть ли не месяц...

Райли по прежнему сидит с закрытыми глазами. Боль слабеет, потому что его сознание начинает отключаться. Вампиры всегда засыпают на рассвете и спят, как мертвые. По крайней мере, полдня. Так что он не проснется и ничего не почувствует. А если все же почувствует, то это продлится недолго.

Его смерть будет быстрой. Вот только совсем не такой, ка-

кой ему представлялось. Он умрет не от смертельной раны и не от старости. Умрет, даже не как человек. От солнца. Всего лишь – от солнца. Кто бы мог подумать?

Райли всегда представлял свою смерть в двух вариантах.

Но пришлось выбирать – третий.

Звонок.

Она приснилась ему такой, какой он увидел ее в первый раз...

В зале было полутемно и людей в нем было очень много, но он сразу заметил Ее. Хрупкая девушка, в белом топе и такой же белой, короткой юбке, двигалась в такт музыке, поднимая над головой руки. Тонкие и изящные, отнюдь не похожие на руки Истребительницы. И все же это была Истребительница. И он стоял всего в нескольких шагах от нее...

Она продолжала танцевать. В неровном свете прожектора ее лицо казалось совсем детским, а волосы – цвета светлого янтаря – вспыхивали ярко и яростно. Словно пламя или солнечный свет, живительные для всего живого и смертельно опасные для него. Но когда его не привлекала опасность?

Он провел пальцами по темной поверхности телефона. До

ночи оставалось совсем немного времени, но за шторами все еще было светло. Люди еще ходили по улицам, радуясь теплу и свету, и там, среди них, была Она. Истребительница. Баффи. Его любимая и единственная... И потерянная для него. Безвозвратно. Навсегда.

Солнце еще не зашло, когда Баффи вспомнила о Нем...

Это уже было странно. Обычно она думала о Спайке ночью, перед тем, как выйти из дома, на охоту. Но сейчас дома у нее не было. И ночи она предпочитала проводить здесь. Чаще всего одна. Но сегодня с ней была Уиллоу...

– Похоже на "Бронзу", – сказала ведьма. – Так же тесно и людно.

– Наверное, – согласилась Баффи.

Играла музыка и в зале танцевали люди. Молодые, совсем молодые. Баффи вздохнула. Ночью их будет еще больше, но для нее ничего не изменится. Она по прежнему будет одна. Еще одну ночь и все последующие ночи. А ведь когда-то...

Она вспомнила, как танцевала в "Бронзе" с Уиллоу. Им было шестнадцать и они ждали от жизни всего: радости,

неожиданных встреч, любви... Она была тогда так опьянена этим ожиданием, что не сразу заметила Спайка: а между тем он стоял всего в нескольких шагах и смотрел на нее... Черная тень ночи. Вампир. Опасный, быстрый и неуловимый.

И тут Баффи услышала звонок. На сотовом появился номер. Незнакомый номер. Появился и тут же исчез.

– Баффи, – голос Уиллоу донесся до нее, словно сквозь толщу воды. – Кто это был?

Баффи замерла. Она смотрела на телефон, проводила пальцами по погасшему экрану и ее лицо казалось растерянным.

Уиллоу протянула к ней руку.

– Баффи!

– Что?

– Кто это был?

Баффи посмотрела на подругу и встала.

– Это Спайк, – ответила она и ее лицо стало не растерянным.

ным, а решительным. – Извини, Вил, но... Я уйду. Навсегда.

Меня не обманешь!

Вампиром стать легко. Даже слишком легко. Другое дело оставаться им в течении долгого времени. Обычно, без Создателя, ставшие вампирами погибают очень быстро. Сами они не могут найти безопасные места для сна, не могут справиться со своими новыми ощущениями и способностями, а тем более, не могут их контролировать. И к тому же никто из вампиров, в первые дни, вернее, ночи, своего существования, не в состоянии обуздать жажду крови, как бы им того не хотелось. Но чаще всего, они этого и не хотят... Ангел кусает губы. Сейчас вспоминать о своем превращении в вампира ему неприятно. Еще меньше сейчас ему хочется вспоминать о Дарле. Но покинувшей его Создательнице нет дела, хочет он или нет. Как всегда. ... Впрочем, довольно часто и Создатель бывает бессилён. Это происходит, когда создание, потворствуя своим желаниям, слишком сильно упивается кровью жертв и своей обретенной силой. К тому же некоторые, будучи еще людьми, не отличаются умом. А такое для любого существа заканчивается плохо. Ангел снова кусает губы. При жизни он был довольно самоуверенным и довольно тщеславным. Однако, при всем этом, глупцом он все же не был. И последнее решило все. Он смог остаться вампиром. Смог... Ангел переводит взгляд на Истребитель-

ницу. Баффи стоит рядом, совсем близко. Он почти не слушает, что она говорит, он просто смотрит на ее лицо, такое знакомое и некогда такое любимое...

– Баффи, что ты хочешь? – наконец произносит он.

– Я хочу, чтобы ты передал Спайку кое-что...

– Что именно?

– Передай ему, что я его ненавижу! Что никогда, слышишь, никогда, его не прощу! И пусть он даже близко ко мне не подходит, иначе я его уничтожу!

– Это все?

– А что еще?

– Еще? – переспрашивает Ангел. – Еще тебе стоит сказать, куда он не должен приезжать, чтобы не подойти к тебе близко.

– О чем ты говоришь? – теперь губы закусывает Баффи. И взгляд ее тоже становится пронизывающим, как у него...

– Я говорю о том, о чем ты говорить не хочешь, – горько усмехается Ангел. – Хотя... Если ты хочешь обманывать себя, то пожалуйста. Но меня не надо. В любом случае это бесполезно, Баффи. Меня не обманешь!

О Мисе Амане. Аниме «Тетрадь Смерти».

Глупая Миса.

Когда то в Священных текстах люди написали, что их создали Боги. Рюук, будучи богом, был бы не прочь посмотреть на писавших, но – увы! То время, когда они жили, уже прошло и он ничего не мог с этим поделать. Опять же – увы.

Рюук был отнюдь не всемогущ, а тем более – не всеведущ. Но одно он все же знал точно: Боги никогда не создавали людей. Ведь они совершенно их не понимали.

Рюук потянулся в кресле и посмотрел на сидящую напротив девушку. Она расположилась на маленьком диванчике, тоненькая, грациозная и улыбающаяся, своим мыслям. Рядом с ней лежал телефон, в розовом чехле, больше похожий на игрушку. Да она и сама выглядела как игрушка, в коротком розовом топе и шортах такого же цвета.

– Ты не собираешься ложиться? – спросил Рюук. – Поздно уже!

– Нет, – девушка тряхнула головой. – Я не устала. Ложись лучше ты.

– Ну, мне то это совсем не лучше, – усмехнулся тот.

Девушка хотела что то сказать, но не успела. Зазвонил телефон и она сразу же забыла о его присутствии.

– Да, слушаю, Лайт, – торопливо проговорила она.

Рюук недовольно поморщился.

Лайт опять задерживался. Из-за занятий, из-за пробок на дорогах, а так же из-за одной однокурсницы, о которой он, разумеется, предпочитал не упоминать. "Люди, – подумал Рюук. – Ну, почему они все делают таким сложным? Почему?"

Разговор, наконец, закончился. Девушка снова села, однако теперь она не походила на игрушку, розовую и счастливую...

Рюук вздохнул.

– Какая же ты глупая, Миса, – задумчиво проговорил он.

Девушка взглянула на него с недоумением.

– Почему же?

– Ты остаешься с Лайтом, не смотря на то, что он тебя совсем не ценит.

– И что?

– Тебе ведь больно.

– Да. И что?

– Рано или поздно он тебя погубит.

– Знаю.

– Ну так почему?

– Он счастлив. Для меня это самое главное.

– А для него?

– Это неважно...

– Почему?

– Ты все равно не поймешь, Рюук.

Рюук не стал возражать. Ведь он был богом. А боги... Боги никогда не понимали людей. И неважно, что писали те же люди в прошлом и что они еще напишут в будущем.

...Вот только отчего ему, все же, было так плохо и так больно?..

О Селин. Фильм «Другой мир».

Война скоро закончится.

Об этом говорят все: тот же Крейвен, та же Эрика и – даже сам Виктор. Вот только...

– В ней была вся моя жизнь. – тихо говорит она и умолкает.

В темном небе плывет луна. Огромная и ослепительно белая. Странно, но сейчас кажется, что она находится совсем близко. Селин закрывает глаза, однако это мало помогает. Луна по прежнему рядом. И будит странные мысли и странные желания.

Сейчас она страстно желает уйти. И уйти – не в паре. Это, само по себе, опасно, а с недавних пор и запрещено, приказом старейшин. Охотничий инстинкт вампира подводит на войне. И она знает об этом, знает, как никто другой! Сколько раз, потеряв во время боя напарника, Селин продолжала преследовать врагов, а потом возвращалась раненой и едва не умирающей. Так почему же она желает так упорно уйти одна? И почему особенно сильно – в пору полной луны? Когда звери становятся особенно опасными?

– Скоро их не будет. – говорит Селин себе самой. – Скоро наше первородство станет неоспоримым. И тогда...

Она открывает глаза. Что тогда будет, когда зверей не будет? Что тогда будут делать перворожденные? Какая жизнь их ожидает? Может они научатся не только синтезировать кровь, но и смогут найти средство, чтобы выходить днем? Может они снова обретут власть над людьми, как когда-то? Может возродят свои замки и построят самую могущественную империю Земли? Империю вампиров. Империю Луны.

Селин вздрагивает. Луна, вот она, рядом! А она все так же хочет уйти и увидеть зверя, сильного и опасного.

Ведь времени на это остается совсем мало.

Война скоро закончится...

О Ромео и Джульетте. Фильм «Ромео+Джульетта».

Никто не знает, с чего все началось. Зато все знают к чему привело это все.

Сейчас разделение городов и людей на четыре района и четыре касты уже никого не смущает и признается если не благом, то чем-то очень близким к нему. Не то что раньше... Но раньше, мы были совершенно другими. И жили совершенно по другому.

До недавнего времени, я даже не пытался узнать, как именно. Зачем? Кому может быть интересно, как жили люди тысячу лет назад? О чем они думали, о чем мечтали, каким хотели видеть свой... Нет, наш мир. Могли ли они представить, когда смотрели на звездное небо и давали каждому месяцу свое созвездие, что когда-то в будущем, мы, их потомки, будем жить по законам Звезд? Нет. Неверное, нет.

Впрочем, сейчас это неважно. Да и рассказать я хотел все не об этом. Почему я вообще заговорил о тех временах, когда по настоящему важно только то, что происходит здесь и сейчас? С ней и со мной. С нами.

В тот вечер... В тот вечер, я опять рассорился с Розалиндой. Как всегда наша ссора вспыхнула из-за ерунды, мне не понравились ее тени и помада, а ей, само собой, не понравились мои замечания на их счет. Она сразу же заметила, что ярко-сиреневый, это цвет сезона, а свое мнение я могу оставить при себе. После этого она не замедлила уйти. Так что я остался дома один.

Через час после ее ухода ко мне заявился Бен. Не один, с целой компанией. Ребята уже успели выпить и были готовы веселиться до упаду.

– Чего ты киснешь? – спросил меня Бен. – Идем! В городе такое творится!

– Да обычный карнавал, – отмахнулся я. – Каждый год одно и то же...

– Ну ты даешь! – взвизгнул другой мой приятель, Мерль. – Не знаешь что ли, что в этом году – парад всех планет? Все районы сейчас открыты! Можно побывать везде, понимаешь? Везде!

Я поморщился. Из головы у меня не шла ссора с Розалиндой, а тут еще лезут с какой-то ерундой! С каким то дурацким карнавалом, прости Создатель...

– А Розалинда уже отправилась в район Земли, – заметил Бен. – С подругами. Сказала, что хочет посмотреть на тамошние висячие сады.

– Что? – встрепенулся я.

– Я говорю, что девчонки побежали посмотреть на сады земных.

– Какие сады?

– Висячие! Они на стенах и крышах их выращивают, поэтому их так и называют. Ну, а по мне лучше пойти к водным. Там фонтаны, аквариумы разные, бассейны...

– Так иди.

– Только с тобой.

– Нет.

– Да!

Мы препирались еще долго. Потом, все же, решили пойти – сначала посмотреть на сады, а затем – на те же фонтаны с аквариумами. Меня, правда, куда больше интересовала Розалинда. Нет, как вам нравится, я, значит, сижу дома и страдаю, тогда как она гуляет с подругами. Ну, ничего. Вот найду ее и такое ей устрою!

Впрочем, когда мы вышли на улицу, я обо всем забыл. Ребята были правы, этот карнавал оказался не чета предыдущим. Город полностью преобразился: весь он пылал разноцветными огнями, упивался весельем и вином, и сколько вокруг нас было счастливых и ликующих людей – все были молоды и все прекрасны!

– Ух, ты, смотри! – Бен хлопнул меня по плечу.

Я поднял голову. Мы были в районе Земли. Дома здесь оказались точь-в-точь как о них говорили: сплошь усыпанные живыми цветами и выглядели при этом, как волшебные фонари из детских сказок. А воздух вокруг, был наполнен теплом и цветением и прямо благоухал.

И тут мимо нас прошла девушка. Стройная и изящная, в длинном белом платье, отделанном серебром. Сначала я подумал, что это Розалинда, но нет, это была не она. Однако я пошел за ней и нагнал, на самом конце улицы.

Девушка остановилась и обернулась. Наши глаза встретились и больше я не думал о Розалинде. И тут в моей памяти, как со дна моря, вдруг всплыли стихи, я читал их когда то давно и уже успел позабыть, но теперь вспомнил.

– Я ваших рук рукой коснулся грубой,

Чтоб смыть кощунство я даю обет:

К угоднице спаломничают губы,

И зацелуют святотатства след.

– Быстро проговорил я.

Она посмотрела на меня и улыбнулась, одновременно насмешливо и нежно. Ни у одной девушки, ни разу, я не видел такой удивительной улыбки. Но еще больше я удивился, когда она ответила мне:

– ...Пожатье рук законно.

Пожатье рук, естественный привет.

Паломники святыне бьют поклоны,

Прикладываться надобности нет.

– Тогда же я взял ее за руку.

Ночь летела быстро. А мы... Мы видели только друг друга, мы смеялись, мы не о чем не думали и мы были счастливы, как никогда. И только утром...

– Мне пора домой, – сказала она. – Родители уже волнуются.

– Я провожу тебя.

– Не надо. Я, можно сказать, уже дома. Видишь, вот он!

Она взглянула на дом, весь увитый белыми цветами. Очень красивый, очень... Но ведь он был здесь, в районе Земли, а значит...

Я посмотрел на дверь. На ней, кроме имен и знаков ее родителей, я рассчитывал увидеть так же и ее знак, и разумеется, я его увидел... Девятый месяц, девятый знак. Дева...

– Что с тобой? – спросила она.

Я перевел дыхание. Затем взглянул на нее.

– Встретимся сегодня вечером, – сказал я. – Мне нужно кое-что тебе сказать. Приходи вечером, в восемь, в парк. Там есть аллея Кипарисов. Придешь?

Она кивнула, соглашаясь. Мы еще постояли под дверью ее дома, но потом она ушла... И я тоже ушел.

До вечера оставалось еще десять часов.

Десять! Можно было отдохнуть, можно было еще подумать... Особенно ей! Ведь не трудно было догадаться, почему я позвал ее в парк, куда могут придти все, а не предло-

жил ей встретиться в ее районе, где встречаются люди знаков Земли.

Вечером я пошел в парк. По аллее Кипарисов уже прогуливалось достаточно народа, однако я сразу увидел ее.

В этот раз на ней была короткая юбка и светлая майка, ее волосы не были уложены и падали на плечи. И все же она выглядела совсем-совсем особенной. Мой ангел, моя голубка, моя любимая...

– Здравствуй. Прости, я не думал, что ты придешь. Потому что...

– Довольно, – прервала она. – Я все поняла, когда ты посмотрел на нашу дверь. Для меня это неважно. Ты ведь любишь меня, правда? Правда, Ромео?

Вот так все началось.

И так, до сих пор, все продолжается. Я не знаю, сколько нам отпущено еще, но точно знаю, что мне никто кроме нее не нужен. И ей тоже. И пусть законы Звезд говорят что угодно, но это правда.

...Единственная правда, которую мы знаем.